ИЗБОРСКИЙ КЛУБ. РУССКИЕ СТРАТЕГИИ. №3 (89), 2021

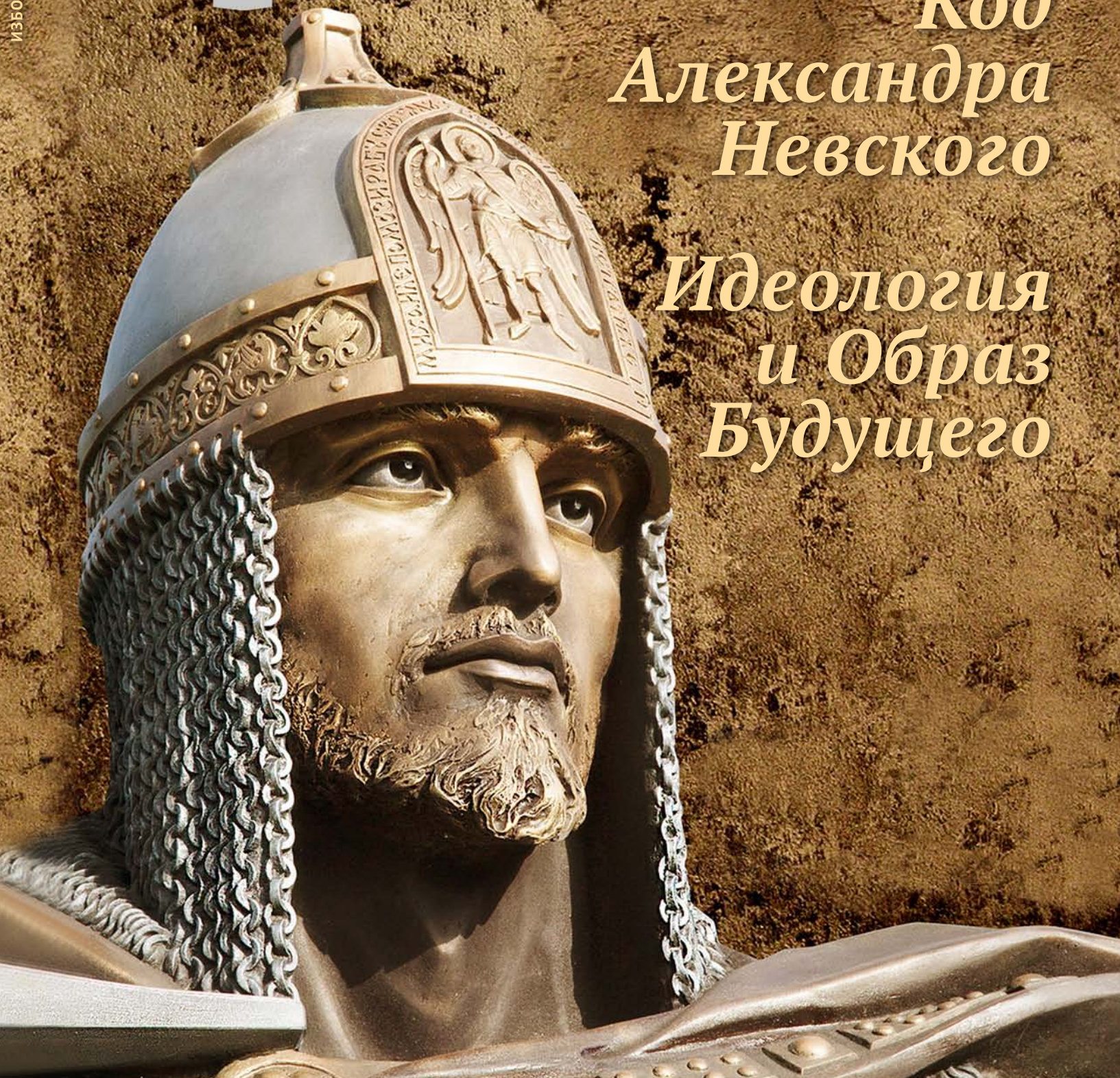
Изборский клуб

русские стратегии

№3 (89), 2021

Код Александра Невского

Идеология и Образ Будущего



В настоящем выпуске журнала сплелись две темы: код князя Александра Невского как родоначальника того цивилизационного цикла России, к которому мы принадлежим, и вопросы идеологического строительства нашей страны в XXI веке.

Темы эти, казалось бы, разнесённые во времени, в сущности своей идут из единого корня.

Тему кода Александра Невского, безусловно, подсказало празднование в этом году 800-летия со дня рождения великого русского политика, дипломата, полководца-победителя. Для Изборского клуба важно было отыскать то, что сегодня святой благоверный князь Александр предлагает нам для нашего общего дела — созидания Пятой империи, нового исторического этапа российской государственности.

Изборский клуб в феврале-марте 2021 года провёл несколько сессий идеологического проектирования, и первые результаты этой работы публикуются в настоящем номере. Проблематика идеологии, её аксиоматики, постулатов и приоритетов напрямую связана с тем образом будущего, который мы видим желательным для своей страны. Поэтому все наши работы объединены общей формулой «Интегральная идеология России. Положительный образ будущего».

При этом для обсуждения было предложено несколько ключевых вопросов, и большинство из участников дискуссии попытались ответить на них.

Вот эти вопросы:

1. *Какова, с вашей точки зрения, общая консолидирующая нацию идеология России? Что в неё обязательно войдёт? Какая формула могла бы выразить её ведущую идею и интегративный потенциал?*
2. *Как вы обоснуете, что именно такая версия идеологии является целесообразной и наиболее продуктивной для России в XXI веке?*
3. *Могли бы вы в тезисной форме изложить основные черты образа будущего, модель «идеального государства»:*
   - *3.1. Образ-идея страны, образ государства (в историческом/историософском и геостратегическом пространствах);*
   - *3.2. Образ общества и социальная структура;*
   - *3.3. Модель экономики, образ органичного научного и технологического развития;*
   - *3.4. Образ и тип личности;*
   - *3.5. Образ культуры;*
   - *3.6. Образ природы и цивилизации в природной среде;*
   - *3.7. Образ гармоничного мироустройства. Послание Русской цивилизации другим народам и культурам;*
   - *3.8. Другие аспекты образа будущего, которые представляются вам наиболее важными.*
4. *Как вы оцениваете трудности и расстояние, отделяющее нынешнюю РФ от реализации предлагаемого вами образа будущего? Какие формы подачи и институты поддержки потребуются? Какие механизмы внедрения и воплощения новой идеологии необходимо создать?*

Работа Изборского клуба над этим идеологическим проектом продолжается.

Содержание:

2 Александр ПРОХАНОВ.
Сакральная триада Русского государства

8 **Код Александра Невского**
(по материалам круглого стола Изборского клуба)

14 Епископ Городецкий и Ветлужский АВГУСТИН.
Солнце Земли Русской

20 Владимир БОЛЬШАКОВ.
Судьбы русской сакральности

28 Владимир МОЖЕГОВ.
Ось империи

34 Александр ЕЛИСЕЕВ.
Код Героя

40 Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Икона русской истории

42 Виталий АВЕРЬЯНОВ.
Революция сверху. Последний шанс

49 Александр ДУГИН.
Государство для идеологии, а не идеология для государства

58 Михаил ДЕЛЯГИН.
Мечта о будущем всегда побеждает настоящее

66 Шамиль СУЛТАНОВ.
Мистика идеологии

70 Андрей КОБЯКОВ.
Идеология справедливости вне право-левых координат

76 Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ, Юлия ЧЕРНЯХОВСКАЯ.
Мобилизующая идеология и образы будущего

82 Игорь БАБИЧЕВ.
О гармоничном интегративном строе будущего

90 Георгий МАЛИНЕЦКИЙ.
XXI век. Стратегия и идеология России

95 Вардан БАГДАСАРЯН.
Образ Ковчега

100 Максим КАЛАШНИКОВ.
Курс — на грядущее!

105 Сергей БАРАНОВ.
Век русской воли

112 Валерий КОРОВИН.
Национал-большевизм — выход из безыдейного пространства

118 Федор ПАПАЯНИ.
Уже есть удачный опыт идеологического строительства

123 Владимир АРИСТАРХОВ.
Это четвёртая попытка сформулировать идеологию

130 Владимир ЕЛИСТРАТОВ.
Об идеологии как словесной ловушке

132 Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Мистический классицизм — идеология XXI века

138 **Библиотекарь**

140 **Хронология мероприятий клуба**

141 Василий ПОПОВ.
«Нам совесть выпала в награду...»
(стихи)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** **№3 (89), 2021 год**

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

На обложке использовано изображение фрагмента скульптуры Александра Невского (проект памятника в Переславле-Залесском работы Алексея Чиркова)

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
Телефон: (499) 241 84 96
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 28.04.2021
Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»
Тираж 700 экз. Заказ № 0571

/ Александр ПРОХАНОВ /

Сакральная триада Русского государства

Идеология — это откровение «континента Россия»

В России объявлен сезон охоты. Охоты на идеологию. Либералы и патриоты, «кремлёвские мудрецы» и «яйцеголовые» интеллектуалы спустили борзых и гончих и ринулись в «отъезжие поля с охотою своей», полагая найти в полях желанного зверя, затравить и вернуться с добычей. «И страждут озими от бешеной забавы, и будит лай собак уснувшие дубравы». Дубравы нашей сонной историософской мысли.

Идеологию нельзя придумать в угоду заказчику. Она не рождается за круглыми столами. Её не провозгласит красноречивый вития. Идеология государства обнаружит себя на полях сражений, в непочатых народных трудах, в великих поражениях и светоносных победах. Не поверим тем, кто утверждает, будто у сегодняшней России нет идеологии. Если есть государство, значит, есть идеология. Ибо государство без идеологии невозможно. Идеология — здесь, в нас, вокруг нас. Надо приглядеться, прислушаться. Перечитать скрижали русской философии, романы и поэмы Золотого и Серебряного века. Прошагать с «Бессмертным полком». Промчаться по Крымскому мосту через керченскую лазурь. Увидеть, как в Северодвинске спускают на воду тысячетонный «Борей». Схватиться в яростном споре с врагами государства Российского.

И тебе откроется идеология «континента Россия».

История русского государства — это история сменяющих одна другую империй. Симфония пространств, народов, языков, культур, верований — это и есть империя, есть Россия. Русская история — таинственная синусоида, по которой движутся царства. Зарождаются, достигают цветения, опрокидываются в чёрную дыру, как в гроб, чтобы снова воскреснуть.

Киево-Новгородская Русь — Первая империя. Московское царство — Вторая империя. Романовская Россия — Третья империя. Сталинский Советский Союз — Четвёртая империя. Мы пребываем в Пятой империи в период её становления.

Россия повторяет земной путь Христа с праздничным въездом в Иерусалим, крестным страданием, Голгофой, схождением во гроб и чудесным Воскресением. История России пасхальная.

В многоязыкой империи народы образуют симфонический имперский народ. Народ народов. В нём составляющие его народы обретают цветение, творят мировую историю, совершают всемирно-исторические деяния, непосильные отдельному народу. Увеличиваются под имперской линзой, становятся видны остальному миру. Имперский сгусток обладает колоссальным запасом исторической энергии, наделяет этой энергией все составляющие сгусток народы.

В государстве, достигшем симфонизма, каждый народ, даже самый малый, даже тот, что состоит из двух или трёх человек, — драгоценен. Является государствообразующим, поддерживает каждый на своём месте свод государства. Народ — это столп, подпирающий небо империи. Исчезает народ — рушится столп, падает свод государства. Есть империя — есть Россия. Империя распадается — исчезает Россия, исчезает Народ народов, а вместе с ним сиротеют все его составляющие. Существование единого симфонического народа есть незыблемое условие существования России. Этот симфонический народ сберегается при переходе одной империи в другую. Он неизменен при всех изменениях внешних имперских форм. Отдельные народы могут уходить из империи, вновь возвращаться. При этом имперский народ остаётся незыблем. Важнейший идеологический постулат государства Российского — «Один Народ».

Народ, двигаясь в историческом времени, из империи в империю, из одной государственной формы в другую, сберегает глубинный идеал, Мечту об идеальном бытии, идеальном царстве, где исчезают несправедливость, дисгармония, человеческое несовершенство. Об этой Мечте говорили сказочники и волхвы, православные мистики, русские космисты, вся великая русская литература, большевистские теоретики. Разным языком, созвучным эпохе, провозглашалась эта Мечта. Сберегать её, нести как путеводную звезду — было судьбой народа, и народ переносил эту Мечту через все «чёрные дыры» истории, и эта Мечта была воскрешающей силой, сотворяла из праха новое государство. Продлевала русский путь, чтобы «свеча не погасла». Мечта сращивала исторические разрывы, сберегала единый световод русской истории. В этом световоде драгоценен любой его фрагмент. Попробуй исключить этот фрагмент, сочти его ненужным, безобразным, безбожным, вырежи его из световода, и распадётся связь русских времён, сольётся в никуда историческая энергия, исчезнет пасхальное чудо.

Судьба — проносить свою мечту через все невзгоды, судьба — принимать историю всю целиком, с её победами и поражениями, пла-

хами и космическим взлётом. Всё это наше, неотъемлемо для всех и во все века. Таков второй идеологический постулат государства — «Одна Судьба».

Мечта недостижима. Возможно лишь вечное к ней приближение. Приближение к идеальному бытию, к Царствию Небесному. Мечта — это Победа. Царствие Небесное — это Победа. Недаром на Распятии, попирающем ад, греческими буквами выведено слово «Победа». Христос — Победитель. Свершилось очищение от земных грехов, одоление тьмы. Мир стал прозрачен для света. Человек стал прозрачен для света. Случилась Победа побед. Венец всех побед, одержанных народом в его стремлении к Мечте. Наступило Царствие Небесное. Конец истории, конец времён.

Эта высшая Победа, Победа побед, складывается из бесчисленных одолений, из побед, одержанных народом на пути к Мечте. Это военные победы, самые малые, уже забытые. И великие победы на священных полях России. Ледовая сеча. Куликовская битва. Бородино. Сталинград. Прохоровское поле. Но и не только военные победы. Победы духовные. Несравненная русская иконопись. Несравненная русская архитектура — северная деревянная готика. Это Золотой и Серебряный век русской литературы. Это труды, которых не знал мир. Освоение льдов и пустынь, строительство великой цивилизации: заводов, городов, космодромов, научных центров. Это создание «ядерного щита», вакцины «Спутник». Это победы, которые одерживает отдельный человек, одолевая в себе зверя, запечатывая тьму, открывая дорогу к свету, побеждая в «невидимой брани».

Все победы вливаются в Победу побед, становятся одной лучезарной Победой. Третий постулат русской идеологии — «Одна Победа». **Так возникает сакральная триада русской идеологии. «Один Народ, одна Судьба, одна Победа».**

Идеологию государства Российского в его современном исполнении невозможно выразить без понятия «Русские коды». «Русские коды» — это навыки, уменья, духовные приёмы, определяющие неповторимость русского человека. Эти коды позволяют народу не изменить своей Мечте, превозмогать напасти и бездны в заповедном стремлении к божественному идеалу. Годовые кольца в стволе дерева показывают, как взрастало дерево, одолевая засухи, пожары, затопления. Русские коды помогают понять, как взрастало древо русской государственности, древо Русской мечты. Этих кодов множество, очевидных и потаённых. Мудрый правитель, опираясь на эти коды, запуская их, может направить народ на великие свершения, на великие стояния. Если же кодами овладеет враг, он может погасить, подавить народ, остановить и разорвать русское время. Знание этих кодов есть сокровенное знание, путь к управлению русской историей.

Мы называем обретение Русской мечты Победой. Стремление к мистической Победе, влечение к Мечте, поиск «обетованной земли», где Победа одержана, есть «код Взыскания». Тот таинственный зов, побуждающий русского человека искать райскую обитель в Беловодье, уходить «за три моря», в полярные льды, в космические выси. Этот зов погружает «очарованного странника» не только в бесконечность пространств, но и в бесконечность души. В ней он отыскивает райское, Божье, ищет его в человеке, в птице, цветке, в снегопаде, в вешних водах. «Благоговение перед жизнью» определяется в русском человеке «кодом Взыскания».

«Код Труда Священного» делает русского человека самым трудолюбивым человеком земли. Труд — священный. Большевики, атеисты, замыслив Царство Божье на земле, обожествили труд. Он занял место Бога. «Владыкой мира станет труд». Трудами, великими, надрывными, слёзными, создавалось это земное советское царство. Труды возводили плотины и заводы, прокладывали дороги, распахивали пустоши. Русским судьба вручила огромный континент, и русские непомерными трудами очеловечивают, одухотворяют эти топи, льды и пески. Господь изгнал согрешивших людей из рая, повелев им трудиться в поте лица своего, чтобы искупить грех. Труд — это Божья воля, Божье наказание, но и ключ к спасению, к возвращению в небесный чертог. Великий памятник Мухиной «Рабочий и Колхозница» — это Адам и Ева, завершившие земные труды. Они показывают Господу орудия своего труда — молот и серп и возвращаются в рай. «Труды праведные» — так говорит народ о своих земных трудах.

Но труды преображают не только землю, но и душу. «Царствие Небесное усилиями берётся», то есть трудами. Великие труды совершает человек, добиваясь духовного совершенства. Об этих духовных трудах повествует русская литература.

Создание государства Российского, возведение его среди внешней тьмы и тьмы вну-

тренней, одоление этой тьмы и построение могучего, праведного государства — есть плод великих трудов многонационального народа России, Народа народов. «Труд Священный» — важнейший код, приближающий русского человека к Победе.

«Код Воскрешения» объясняет череду русских империй, где каждая воскресает после смерти предшествующей. Смерти, после которой разверзается «чёрная дыра» русской истории, и в этой дыре исчезает государство, народ, историческое время. Кажется, что вовеки не быть государству Российскому. Но из «чёрной дыры» возникает новое государство в блеске военных побед и духовных свершений. Пасхальное воскрешение после схождения во гроб. Россия каждый раз выходит из огней и пожаров в новом обличии, оставаясь верной своему историческому предначертанию. Так в сказке Иван Царевич ныряет из котла в котёл, вылетает из кипятка в новом кафтане, краше прежнего.

Используя «код Воскрешения», Сталин извлёк Россию из кровавого месива Гражданской войны и создал могучее Красное государство. Это государство закрасило в красный цвет половину мира и часть космического пространства. Этот же код побудил народ в кратчайшие сроки восстановить истреблённое войной народное хозяйство. Этот же код украсил русскую землю монастырями и храмами на фундаментах поруганных и разорённых. Этот же код возводит сегодняшнее государство Российское, Пятую Империю, среди бурь современного мира.

«Код Русского Чуда». Русский человек верит в чудо, знает, что оно случится. Когда, кажется, нет больше сил, чтобы бороться, когда опускаются руки, когда враг одолевает, когда смерть неизбежна, — тогда случается Чудо. Тьма отступает, силы прибывают, смерть минует, и продолжаются непрерывные труды. «Русское авось» — это глубинное верование русского человека в Чудо. Русскую историю не понять без категории Чуда. Необъяснимы возрождения павших русских империй, канувших в «чёрные дыры». Возникновение новой империи необъяснимо поведением вождей, разумением элит, новыми экономическими укладами. Всё это присутствует, и всего этого

мало. Есть что-то ещё — чудесное, не оставляющее народ в годины великих напастей. Вся русская история наполнена чудесами. Сколько раз на поле брани являлась Богородица и отводила нашествия. Сколько раз убитые и погребённые появлялись в здравии на пороге родного дома. «Чудо под Москвой» в сорок первом: когда у русских не осталось войск, Москва стояла беззащитной, и немецкие мотоциклисты разъезжали в Химках, случилось Чудо, и немцы без видимой причины побежали, оставляя на подмосковных дорогах заглохшие танки и броневики. Оттого парад сорок первого года невозможно смотреть без слёз. Солдаты, пройдя по брусчатке, уходят в бой и оттуда — в небо. Русская история божественна и чудесна. Русская мечта угодна Творцу. Когда у народа не хватает сил и он начинает клониться, его подхватывает чудесная сила и ведёт дальше к Священной Победе.

«Код Общего дела». Сотворение совершенного государства невозможно в одиночку, а только сообща. Государство, которое дорого всем, создаётся всеми. Солидарное общество, в котором справедливо учтены интересы всех групп, сословий, вероисповеданий, возрастов, профессий, — такое солидарное общество воплощается в солидарном государстве. Оно — результат Общего дела. Артель, батальон, община, собор — всё это формы солидарности, они позволяют совершать невозможное. «Общим делом» выигрывается война. Сибирь осваивается сообща. В космос летим сообща, и пусть в кабине корабля один космонавт, но ученики малочисленной сельской школы со старенькой учительницей участвуют в этом полёте. Советский Союз создавался проектами, и каждый — Ликвидация неграмотности, Индустриализация, Великая Отечественная, Создание ядерного оружия — примеры «общего дела». Недостижимое становится достижимым. Сегодняшняя Россия, Пятая империя, обнаружила свою общность, свою исконную солидарность в дни возвращения Крыма. Тогда президент России

и фермер со своей крохотной фермой ощутили общность, соединились вокруг Херсонеса, откуда повелось государство Российское, где ослепительно воссияла Русская мечта.

«Код Оборонного сознания» поднимает русский народ на защиту своего государства, божественного идеала, что таится в государстве Российском с момента его сотворения, идеала Херсонеса, Русской мечты, во имя которой и было сотворено государство. На этот идеал, волна за волной, идут нашествия. Тьма нападает на свет. Демоны сражаются с ангелами. Все войны, что вела Россия, заслоняли Русскую мечту. Враг зарится на русские земли, на русские сокровища, но пуще всего желает затоптать Русскую мечту. Разрушить Храм на Холме, что является для врага невыносимой укоризной. Россия, обращаясь к заносчивой Европе, говорит: «Ты, Европа, живёшь не по правде. Такая, какая ты есть, ты неугодна Богу». Чтобы не слышать укоризны, Европа насылает нашествия. То Стефана Батория, то Наполеона, то Гитлера. Оборонное сознание делает русских народом-воином, народом-Пересветом.

Но тьма приходит не только извне, но из глубин бытия. Тьма присутствует в каждой душе, плодит грехи и искушения, мешает стать государству праведным. С этой тьмой сражаются праведники, русские святые. Если у народа есть святые и полководцы, значит, у народа есть государство. К концу двадцатого века, после крушения Красного царства, у русских не было государства. Но были живы два праведника — старцы Иван Крестьянкин и Николай Гурьянов. Возникли полководцы Владимир Шаманов и Геннадий Трошев — и появилось государство. Началось сотворение Пятой империи.

Код «Россия — душа мира» — это русская всемирность, о которой говорил Достоевский в «Пушкинской речи». Этот код позволяет создавать небывалые по сложности и красоте империи. Сотни народов, языков, культур складываются в чудесный букет цветов, растущих на клумбах Русского рая. Храм Василия Блаженного — это образ Небесной империи, где обитают народы. Россия открыта миру, любит мир, делится с миром своим добром. Спасает мир в годину тьмы, даёт приют мировым святыням, когда те попираются в их исконных землях. Аркаим, что на Южном Урале, — чаша, из которой излились предтечи индусов, иранцев, европейских народов. Пуповина, соединяющая эти народы с их российской

Если у народа есть святые и полководцы, значит, у народа есть государство. К концу XX века, после крушения Красного царства, у русских не было государства. Но были живы два праведника — старцы Иван Крестьянкин и Николай Гурьянов. Возникли полководцы Владимир Шаманов и Геннадий Трошев — и появилось государство. Началось сотворение Пятой империи.

прародиной, жива, по-прежнему питает великие цивилизации мира.

Сакральная триада русской государственной идеологии содержит три постулата. «Один Народ. Одна Судьба. Одна Победа». К каждому из постулатов восходят коды, побуждающие народ к государственному строительству. «Один народ» создаётся кодами «Россия — душа мира», «Общее дело», «Труд священный». Постулат «Одна судьба» взращивается кодами «Взыскание», «Воскрешение», «Русское чудо». Постулат «Одна Победа» соединяет все упомянутые коды и код «Оборонного сознания».

Каким же выглядит совершенное для данной эпохи государство, имеющее идеалом Царствие Небесное? Это многонациональное имперское государство, в котором все народы составляют симфоническое целое, — Народ народов. Это государство, пребывающее в общем потоке русской судьбы, несущее в себе исторические энергии и смыслы прежних эпох и судеб, всех без исключения. Судьба судеб.

Это государство содержит в себе элемент, способствующий постоянному улучшению, постоянному очищению, удалению из своей природы несовершенных форм, усилению духовной составляющей. Этим духовным чистилищем служат церковь, культура, семья и школа. Всё это направляет государство к идеалу, к Русской мечте, к Победе побед.

Государство Российское является продуктом неповторимой русской цивилизации, способной защитить свою неповторимость.

Цифровой характер эпохи, «искусственный интеллект» будут способствовать гармонизации всех элементов государства, избавят управление от ошибок, вносящих в государственную и общественную жизнь дисгармонию.

Конкретные формы управления, экономики, иных институтов будут подсказаны обстоятельствами, в которых созидается государство. Пятая империя русских.

Код Александра Невского

(Из материалов круглого стола, проведённого в феврале 2021 года Изборским клубом и движением «Русский мир»)

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
заместитель председателя Изборского клуба, доктор философских наук:

– Мы предварительно обсуждали, какой ракурс юбилейной темы, связанной с 800-летием святого благоверного князя Александра Невского, был бы наиболее актуален сегодня. И мы пришли к выводу, что формулировка такого ракурса темы для всего процесса дальнейшего обсуждения должна звучать как код Александра Невского.

Речь идёт о цивилизационных и культурных кодах. Это тема, которой наш клуб последнее время активно занимается. Это фундаментальная, в том числе метафизическая, тема. На первый взгляд понятие кодов может показаться несколько схематичным и позитивистским, но мы одухотворяем и высветляем эту проблематику цивилизационных кодов и культурного наследо-

вания. Ведь в науке уже давно рассматривается это явление культурного генокода, которое выступает своего рода аналогом биологической наследственности.

Суть цивилизационных кодов в том, что за каждым из них стоит глубинный образ учителя, родоначальника, подвижника. Коды — это не столько то, что мы созерцаем и постигаем, сколько лики, которые сами нас созерцают, заставляют соотносить с ними нашу жизнь.

Трудно найти более яркий пример этого, чем Александр Ярославич Невский. В моём понимании князь Александр является родоначальником нынешней российской цивилизации. Вслед за Львом Гумилёвым я являюсь сторонником той точки зрения, что мы, современная Россия, — это новый цивилизационный цикл Руси-России. А князь Александр Невский — это мост, который соединяет два цикла: русской античности, которая пресеклась в эпоху монгольского нашествия, и нынешней 700-летней нашей цивилизации. Иными словами, если для нас он родоначальник, то для русской античности он является венцом. Он увенчал всё лучшее, что было там, и сумел квинтэссенцию той Святой Руси, её прафеномены завещать и передать потомкам.

Было бы крайне важным в наших работах сегодня не свести разговор к историографии. Тем более что, как известно, летописные, житийные источники по этой эпохе очень скудны. И скудость этих источников делает возможным, в том числе, и жёсткие выпады против Александра Невского и его подвигов, попытки «отменить» и обесценить их со стороны ревизионистов из либерального западнического лагеря.

Сила Александра Невского в том, что вот эта скудость исторических источников XIII века восполняется и с лихвой компенсируется обширностью и обилием фактов любви и признательности к нему его потомков и продолжателей. И поэтому важной материей для исследования опыта князя Александра является не только фактура его эпохи, но и фактура воспроизводства его кода в нашей истории.

Во-первых, это эпоха канонизации благоверного князя Александра — эпоха митрополита Макария и Ивана Грозного. И это неслучайно. Код Александра Невского был востребован тогда в связи с бурным ростом и строительством Московской Руси — как мы её называем, «второй империи». Сейчас мы с вами стоим на пороге Пятой империи, пятого исторического проекта русской государственности. Отсюда возрастающая актуальность того же кода Александра Невского как символа преодоления исторической катастрофы и в то же время, можно сказать, возникают буквальные аналогии с эпохой Ивана Грозного.

Далее: Пётр Великий, к которому можно относиться по-разному. Но мы с вами прекрасно ощущаем, что как раз Александр Невский — это оправдание многих ошибок Петра. Потому что в зеркале кода Александра Невского отразилась та сторона Петра Первого, которой он прочно врос в русскую цивилизационную традицию. Это, в первую очередь, Полтавская его победа, которая является своего рода мистическим продолжением Невской битвы, — и в ней отражается в целом способность Петра развернуть оружие Запада против самого Запада ради сохранения России.

Наконец, Сталин, который канонизировал Александра Невского в светском смысле, подобно тому, как Иван Грозный канонизировал его церковной канонизацией. И во многом образ Александра Невского, который живёт сейчас в нашем сознании, в нашей культуре, — это наследие именно сталинской эпохи.

Это, конечно, предельно сокращённый и схематичный перечень судьбы кода Александра Невского в нашей истории. Но самое главное для нас в том, что тема кода Александра Невского сегодня — это не просто историческая тема. Нам нужно ответить, прежде всего, на вопрос: что князь Александр может предложить нам сегодня для строительства Пятой империи? Он наш живой собеседник, мы должны обратиться к нему и узнать у него, что мы берем из прошлых эпох в будущее.

Дмитрий САГАЛ,
секретарь попечительского совета Общероссийского общественного движения «Русский мир»:

— Как только приходит беда на русские земли, имя небесного покровителя и защитника русского народа великого князя Александра Невского, заложившего основы нашего государства и сформировавшего континентальный масштаб русской цивилизации, вновь проявляется в истории Отечества.

Признание Александра Невского «солнцем земли Русской» и великим заступником за православный русский народ произошло ещё при его жизни и продолжилось в народе сразу после смерти. Дмитрий Донской обращался за духовной помощью перед Куликовской битвой к своему великому и непобедимому предку Александру Невскому. Первый русский царь Иоанн Васильевич Грозный призывал имя великого князя Александра помочь в борьбе с врагами Русского государства. Пётр Алексеевич Романов для основания новой столицы государства мощи святого благоверного князя перевёз

из стольного града Владимира в Санкт-Петербург и завещал каждый третий храм в России строить в честь Александра Невского.

Иосиф Виссарионович Сталин призвал имя великого полководца, чтобы вдохновить народы советской империи на борьбу с врагом. Был снят великолепный фильм «Александр Невский» и учреждён орден Александра Невского.

Не счесть, сколько менее известных героев нашей истории на протяжении веков обращались к нему и получали поддержку от великого русского святого князя. И в наши сложные для Отечества дни всем сознательным гражданам надо обратиться к имени святого благоверного великого князя Александра Невского и получить от него уроки мужества, мудрости, православной веры и смирения перед Божьей волей, верой в свой народ и победу над его врагами.

Чуткие сердца по всему Русскому миру готовятся к преображению России. Образовалось стихийное общественное движение имени Александра Невского во всех уголках нашей необъятной Родины и за её пределами. Строятся храмы, пишутся иконы, ставятся памятники, создаются организации, проводятся соревнования и другие проекты, пишутся песни и стихи о великом князе.

Не покидает ощущение, что сам князь управляет этим грандиозным процессом, а государственные и церковные служащие не возглавляют этот процесс народного почитания и любви, а в основном лишь «не мешают» ему. Хочется привести всего три значимых примера общенародной подготовки к юбилею.

Александру Невскому в этом году будет посвящён наш фестиваль «Русский мир», который соберёт, как планируется, десятки тысяч участников из различных регионов России и стран Евразии. Ядром фестиваля являются этническая физическая культура и национальные виды спорта различных народов, вокруг этого ядра — народные промыслы и искусство, военно-историческая реконструкция и фольклор, все культурные достижения, чем может гордиться Россия и наши соседи по континенту.

Уже в седьмой раз 9 июня 2021 года стартует Александровский крестный ход из города Александрова Владимирской области в город Переславль-Залесский Ярославской области. Крестный ход приходит в Переславль 12 июня, в день рождения Александра Невского, день России и день города Переславля-Залесского. Переславль-Залесский — это не только родина Александра Невского, здесь его крестили, посадили на коня, здесь на Александровой горе на берегу Плещеева озера князь собирал русских воинов в походы.

Также в этом году в честь юбилея из Москвы с Красной площади с «нулевого километра» начнётся пешее путешествие с иконой Александра Невского до Соловецкого монастыря по маршруту Великого Русского Северного Пути. Этот путь богомольный не только для простого русского человека, но является историческим богомольным путём династий Рюриковичей и Романовых, составляет протяжённость около 2000 километров и пролегает через семь регионов России, в том числе через Владимирскую, Ярославскую, Вологодскую области, Карелию и Архангельскую область.

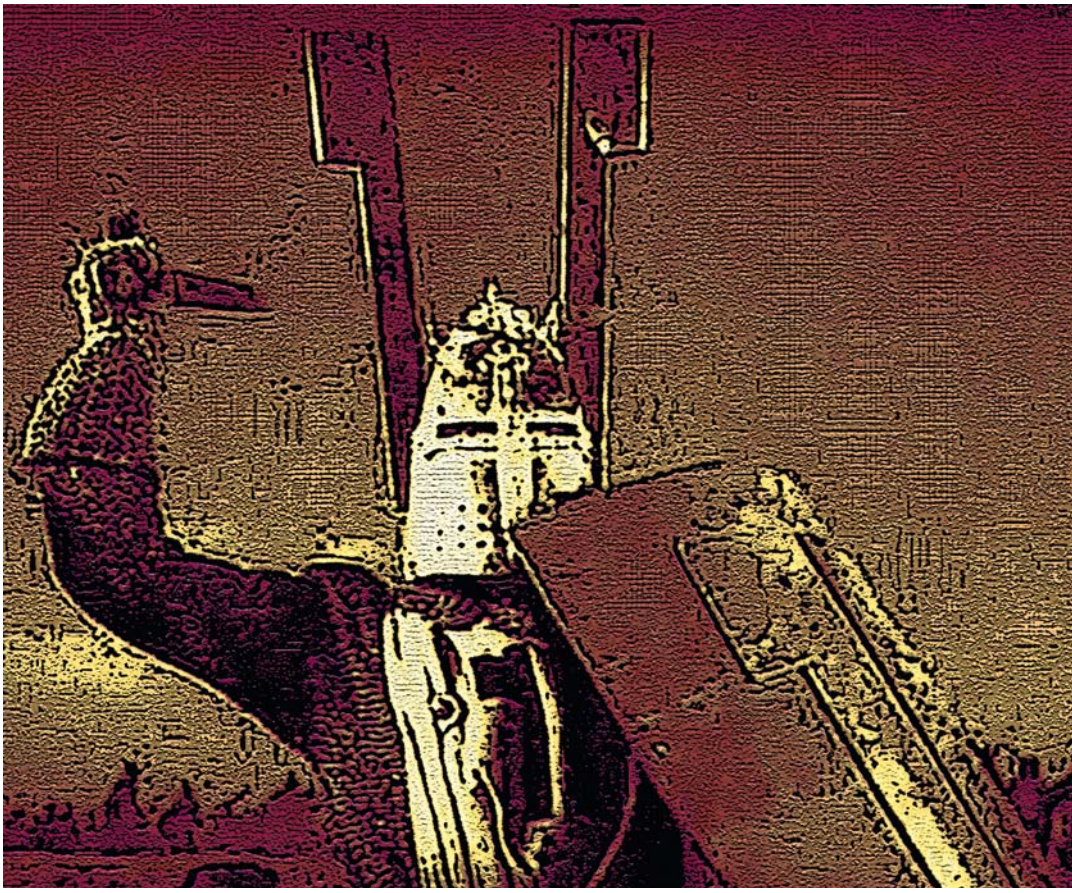
Алексей КОМОГОРЦЕВ,
писатель, аналитик, ведущий научный сотрудник Института динамического консерватизма:

— Уникальность фигуры великого русского полководца и святого, князя Александра Невского, избранного 28 декабря 2008 года по результатам всероссийского опроса «именем России», состоит в том, что он является фактической персонификацией сразу нескольких ключевых русских культурных кодов. В первую очередь это относится к категории справедливости как высшей метафизической правде, пронизывающей все базовые русские культурные коды. Буквальным олицетворением этого фундаментального русского культурного кода является афоризм, неразрывно связанный в народном сознании с именем Александра Невского. Согласно преданию, слова эти были произнесены в 1240 году в Великом Новгороде, у храма Святой Софии во время вторжения шведского войска: «Братья! Не в силе Бог, а в правде!»

Образ Александра Невского, за всю свою жизнь не проигравшего ни одной битвы, служит живым воплощением совокупности наиболее значимых для русского бытия и сознания культурных кодов, связанных с кодом Победы. Вступая на рискованный путь военной конфронтации с католическим Западом, князь защищал православие и русскую идентичность не столько от военно-политической, сколько от куда более опасной духовной экспансии. При этом Александр видел в монголах дружественную в культурном отношении силу, которая могла помочь ему сохранить и упрочить русскую самобытность, защитив её от коррозирующих влияний католического Запада. Выбор Александра Невского представляет собой отнюдь не выбор между «монгольским игом» и «просвещённой Европой», как это часто пытаются преподнести некоторые современные либеральные идеологи, но выбор между двумя стратегическими руслами, в которых могла развиваться наша

цивилизация, — восточнохристианским (православным) и западнохристианским (католическим).

Святейший патриарх Кирилл не без оснований полагает, что именно Александр Невский являлся создателем того многонационального и многоконфессионального Русского мира, который существует по сей день. Именно он «оторвал Золотую Орду от Великой Степи». Своим хитроумным политическим ходом он «склонил» Батыя не платить дань монголам. И с тех пор Золотая Орда стала втягиваться в ареал русской цивилизации. Это, как сформулировал патриарх, были первые «прививки» нашей многонациональности и многорелигиозности.



Мы живём в тревожное и трагическое время, когда на наших глазах предпринимается попытка пересборки транснационального Четвёртого рейха, активно пытающегося использовать ситуацию, складывающуюся вокруг COVID-19, для радикальной трансформации в своих интересах всей системы внутрисоциальных связей в рамках земного шара. Противостояние надвигающейся угрозе Четвёртого рейха является актуальным вызовом для современной русской цивилизации, призванной оградить от этой губительной напасти не только себя, но и всех, не пожелавших рабски подчиниться новому глобальному миропорядку с его «питательным бобовым супом». В этом смысле образ и опыт Александра Невского снова оказывается востребованными для современной России в первую очередь на ниве информационной войны за умы и души людей.

Здесь мы видим неразрывную связь с ещё одним стратегическим резервом русского народа — мобилизационным культурным кодом. Олицетворением этого кода является знаменитый афоризм Александра Невского: «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!» Во время Великой Отечественной войны эти слова, неразрывно спаянные в народном сознании с именем Александра Невского, стали символом сопротивления, а в конечном итоге — символом Великой Победы над немецко-фашистскими агрессорами.

В настоящий момент наши геополитические противники активно используют две вполне иезуитские по своему содержанию тактики нейтрализации критически важных для существования русской цивилизации культурных кодов, неразрывно связанных с фигурой Александра Невского. Первая тактика состоит в попытках откровенной дискредитации великого святого и политика. Вторая тактика, обусловленная неуспехом первой, состоит в последовательном столкновении русских и советских культурных кодов, наиболее свежим примером чего служит недавняя история с электронным голосованием по вопросу о том, кому именно должен быть установлен памятник на Лубянской площади в Москве. Какими бы первоначальными намерениями ни была продиктована эта акция, её закономерным фактическим следствием оказался раскол патриотически настроенного электората вокруг фигур Александра Невского и Феликса Дзержинского.

В этой связи хотелось бы ещё раз настоятельно напомнить о необходимости соблюдения крайней осторожности и деликатности в обращении с историческими личностям, чьи судьбы не только стали неотъемлемой частью нашей общей истории, но и олицетворением русских культурных кодов, от существования которых напрямую зависит будущее русской цивилизации.

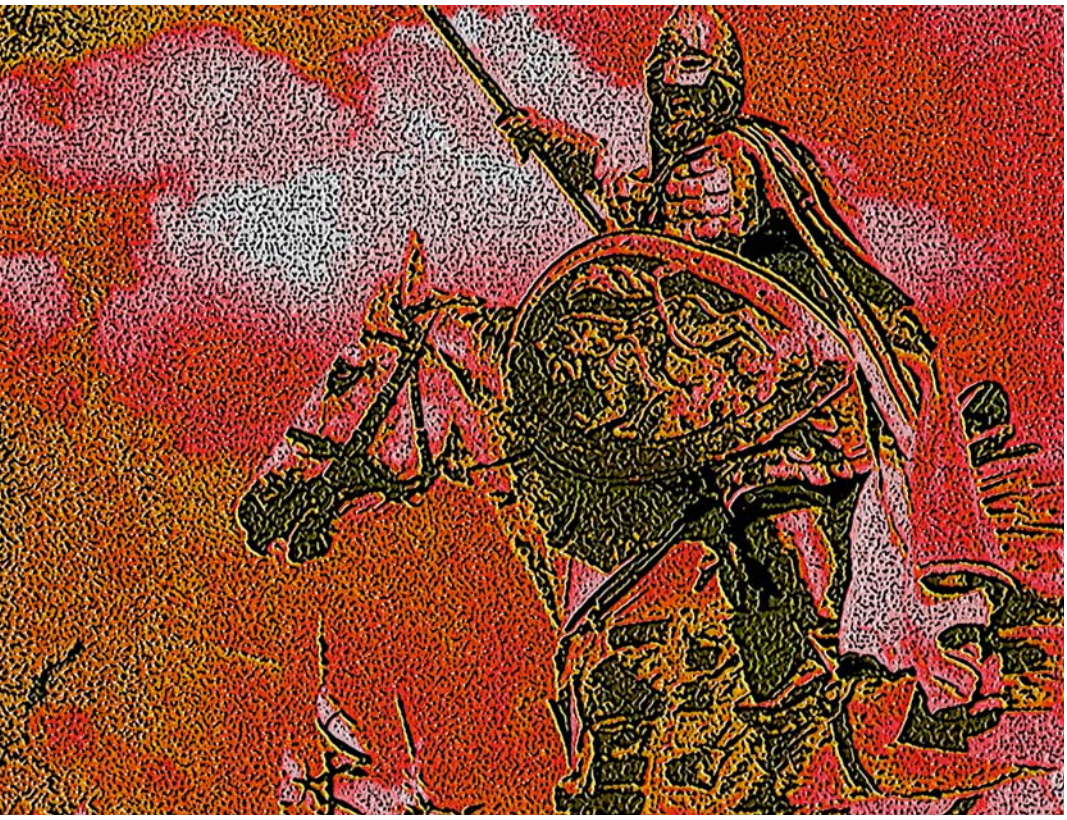
Пётр КАЛИТИН,
профессор МИФИ, доктор философских наук:

— Мне бы хотелось актуально конкретизировать русский код «Александр Невский», особенно с учётом народного отождествления этого имени с именем самой России в 2008 году. И акцент я сделаю не на общеизвестную победоносность святого благоверного князя, хотя она и предвосхитила качественное своеобразие наших военных триумфов: действовать не числом, а умением — и всегда на удивление врагу. Нет, я остановлюсь на принципиально иной характеристике Александра Невского, правда, с той же победоносной результирующей для нас. Речь пойдёт о его плодотворном в миру смирении, или кенозисе, который принципиально подчёркивал владыка Иоанн (Снычев) в своём «Самодержавии духа»…

Непосредственно исторически эта особенность выглядела как явно фактическое подчинение монголо-татарской власти и — как собственно здравомысленная очевидность. Но далеко не случайно именно обращение в православие царевича Сартака, инициированное нашим князем, который предпочёл достичь исключительно «культурной гегемонии» (если воспользоваться ёмким понятием А. Грамши) над, казалось бы, тотально восторжествовавшим противником, и пусть по не зависящим от святого побратима сартаковского причинам, она не осуществилась — смыслократический вектор русского кенозиса был задан.

Главное: жертвенно — по Л. Н. Гумилёву, «пассионарно»! — приготовиться к любым материально-психологическим лишениям, вплоть до ущемлённой очередным государственническим игом гордыни. Вплоть даже и до личной гибели… Весьма и весьма знаменательно, что наша конференция проходит, мало сказать, в праздник 23 февраля — она проходит в день гибели Александра Матросова — одного из страстны́х мучеников Великой войны и только потому чудо-героев-победителей в нашей истории.

Александр Невский жил на пасхально-духовном кресте именно что самоотверженно и тем предвосхитил и заложил тот код, который стал приоритетом русского православия и своего рода гарантией русской исторической идентичности и суверенности. Противостоящей всяческому потреблению, расслаблению, иудиной аполитичности торгашеского и развлекательного «мира сего».



Валентин НАЗАРОВ,
профессор Международного Славянского института, доктор технических наук:

— В начале апреля отмечается годовщина битвы на Чудском озере, когда дружина новгородцев, переяславцев и владимиро-суздальцев под руководством Александра Невского дала ожесточённый отпор вооружённому авангарду католической Европы, претендовавшему не только на русские земли и богатства, но прежде всего — на образ мысли, мировоззрение «восточных христиан».

Почётное имя своё «Невский» двадцатилетний князь Александр, сын Ярослава Всеволодовича, получил в знак победы над превосходящим отрядом шведов, остановившихся на привал у впадения реки Ижоры в Неву 15 июля 1240 года. Бесстрашие и отвага горстки русских воинов принесли не только победу, но и неизбывную веру в ратную силу народа, в его способность вновь и вновь возрождаться для обустройства этих огромных пространств — в устроении пашни на месте лесов, осушении болот, закладке городов и поселений, где более высокое разделение труда порождало самобытный социально-эконо-

мический уклад Русского мира, привлекающий другие этносы территории к соработничеству ради совместного будущего.

Эта уверенность в своих силах стала очень необходимой, когда в 1240 году в пределы новгородских земель вторгся опаснейший враг — Ливонский орден, захвативший Изборск, Псков, подошедший под стены Новгорода.

В чём же источники столь острого противостояния с Западом, причём при одновременно нарастающей экспансии в лице конницы татаро-монголов? Дело в том, что экспансия с Востока не требовала мировоззренческого переформатирования людей Русского мира, допускала разноверие, что воспринималось всеми и каждым как главное условие для воссоздания уникального цивилизационного уклада. А уклад этот основан на специфических механизмах экономического устройства и общественных практиках, которые обеспечивали в веках воспроизводство «среды обитания» людей Русского мира.

Важнейшими чертами мировоззрения людей Русского мира всегда были: неприятие зла и первичность справедливости во всех сферах жизнедеятельности людей; равенство всех людей «в Господе» и веротерпимость; сочетание коллективистских форм труда и быта с высокой творческой способностью каждого; сочетание демократических форм принятия стратегических решений с единоначалием, понимаемым как полнота прав по управлению процессами и личной ответственности за результат управления; нестяжание и добротолюбие, другие. По своей сути человек Русского мира является человеком-творцом, стяжающим в своей жизни не материальные блага, а гармонию с окружающим миром, не покоряющим, а преобразующим его по законам Гармонии и Красоты.

Ярчайшими формами проявления этих свойств в экономической жизни явились крестьянские общины в землепользовании и артели при строительстве и в производстве, механизмы торгово-промышленного развития на принципах старообрядчества, «аномально» высокий вклад представителей Русского мира в мировую науку и искусство.

Природным антагонистом Русскому миру тысячелетиями является Мир Запада, мировоззрение людей которого основано на стяжании материальных благ, власти и удовольствий (гедонизма). Именно эти принципы реализуются в сфере экономики и общественных отношений в первичности формальных законов, норм и правил, формах экономического принуждения к труду, воспринимаемому как наказание, конформизму ко злу вплоть до утраты способностей в его различии. Своим возвышением и бурным развитием в последние 400 лет Мир Запада всецело обязан достигнутому всемирному разделению труда на основе ростовщического капитала, бросившего на цели развития и демонстративно избыточного потребления весь прибавочный продукт будущих поколений.

В этом извечном противостоянии Русского и Западного миров мы имеем цивилизационный конфликт сил творческого созидания и развития и корыстного потребления и деструкции, аналогично библейскому сюжету про братьев Каина и Авеля, когда сам смысл бытия Авеля «умножал на ноль» весь смысл бытия Каина. И не было у Авеля ни зла, ни экспансии, ни спора со своим братом, как и не было ни злости к нему, ни страха перед ним. Именно поэтому Мир Запада всегда будет ненавидеть и бояться нас, а мы их — нет.

Вот такие смыслы пытался я донести ополченцам в новогоднюю ночь на 2015 год на окраине Донецка в красном уголке бывшего здания СБУ. И тему Русского мира подняли сами ополченцы — местные шахтёры и рабочие, добровольцы из России, уже принявшие это самое главное в своих жизнях решение — решение защитить, закрыть собою Донбасс от беснующегося бандеровского фашизма, решившими, но желающими услышать от меня и осознать в правильных словах и смыслах суть того исторического водоворота, в эпицентре которого они оказались. И я три часа говорил о том, что вот уже сейчас очнёмся мы от этой гонки за успешностью, за стяжанием богатств, власти и удовольствий и возвратимся мы в наш Русский мир, где за 28 мирных лет после Гражданской войны и тифа, дважды восстанавливая страну из руин, из глубин нашего полуграмотного народа были созданы лучшие в мире наука и техника, образование и медицина, осуществлён прорыв в космос и к водородной бомбе, стали строиться новые города и подводные атомные ракетоносцы, стал реализовываться План преобразования природы, превративший засушливые степи в цветущие долины.

Вот он — потенциал Русского мира. Вот они — его творческие способности. За это будущее умирали поколения наших предков. Именно это качество сохраняли они в веках — быть самими собой и воссоздавать наш уникальный цивилизационный уклад Вечного Народа на Вечной Земле, когда каждый человек бесценен и наделён уникальными способностями, раскрыть которые возможно исключительно в коллективистских формах бытия, в гармоничном преобразовании Природы. Сейчас пришло время нашему поколению перенять эстафету.

/ Епископ Городецкий и Ветлужский АВГУСТИН /

Солнце Земли Русской

Президент России Владимир Путин издал указ о праздновании 800-летия со дня рождения славного святого князя Александра Невского. И сегодня мы не можем не вспомнить начало, которое положил в 2008 году митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл во время реализации замечательного проекта «Имя России». Именно он тогда предложил имя Александра Невского, и большинство отдало голоса именно за святого князя.

ПРАВИТЕЛЬ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВРЕМЁН

У каждого народа есть правитель, как у каждого человека есть голова, разум, премудрость, воля. История племён, княжеств, народов показала разные типы правителей. Одни правители — те, кто способен организовать своё государство, то есть государственный аппарат, — на служение своему народу. Есть такие правители, которые сами способны быть примером и эталоном для народа. Есть правители, которые занимают своё место в силу царского происхождения. Есть правители, которые сами желают власти и рвутся к высшей власти. А есть правители, которых избирает Бог в особые периоды истории. Есть уникальные страницы в истории земной деятельности людей, когда им приходилось не просто выполнять какую-то узкую функцию.

В данном случае мы обращаемся к личности человека, который был правителем в весьма экстремальный период нашей истории.

Чем руководствуется правитель в экстремальной ситуации, когда надо принимать одно, правильное решение? Что должно включиться в человеческой душе, в сердце, в уме, в рассудке, в воле, в нервной системе? Ведь, может быть, твоё решение уничтожит в одно мгновение то, что собиралось многими поколениями?

Мы прикасаемся к личности человека, который оказался на пике величайшего личного напряжения. Он постоянно находился в экстремальных условиях, требующих принимать то самое одно решение. XIII век для Руси Владимиро-Суздальской — один из самых напряжённых. Тогда правитель не только должен был делать выбор за столом совещания со своими чиновниками. Правитель лично обязан был принимать правильное решение в мгновение времени. Принимать на поле боя, во время вооружённого столкновении с мощным, искусным противником в лице элитных рыцарей разных народов (шведов и немцев). Элитное войско рыцарей уже подошло к границам княжества. Послы Папы Иннокентия IV требуют уже немедленного ответа о переходе в католичество. И мы знаем, что князь Даниил Галицкий, родственник Александра Невского, принял иное историческое решение для своего народа и его будущего. И это было решение в отношении духовного кода. Великий князь Владимир принял для своего народа, для будущей России православие, а князь Даниил принял католичество. И кто сегодня знает князя Даниила и Галицию?

Александра Невского вызывают в Орду, а там до него уже побывал его отец и другие князья. Отец отравлен, кто-то из князей убит. Это хорошо и комфортно нам рассуждать из уютного кабинета о том времени. Если даже всё просчитать, заранее с кем-то договориться и вроде бы обеспечить принятие нужного решения, то остаётся реальность — встреча с первым лицом, с правителем империи. Нельзя предсказать само мгновение встречи с ним.

Именно ему, Александру Ярославичу лично приходилось принимать мгновенные решения исторического характера. При этом он находился постоянно в экстремальных ситуациях — либо боя, либо на поле коварного, беспощадного, неумолимого, бесцеремонного, бескомпромиссного правителя Орды. Да, Александр Невский посвящён в воины в три года. Да, Александр Невский — правитель с 16 лет. Да, Александр Невский — сын великого князя и наследник по крови великого князя Владимира Равноапостольного. Но есть мгновение исторического времени, когда нужно принять правильное решение для сохранения своего народа и его национального кода. И осуществить это нужно на чужой территории, на территории господина, на территории могущего правителя Орды, империи. И чем больше будет в тебе авторитета, силы, чем больше в тебе будет мощи, красоты, чем лучше, плодороднее, богаче природными ресурсами будет твоя территория — тем хуже для тебя. Кто тебя тогда оставит в живых? А если переводчик не так переводит твои ответы и твои просьбы? А если у верховного правителя Орды в это время плохое настроение? Или неприятности со здоровьем? Что ему подсказали его советники? Что ему важно в отношении тебя, твоего народа и территории? Это слишком глубокая тема для нашего рассудка, привыкшего к кабинетным и аудиторным рассуждениям.

ПОДДЕРЖКА БОГА

Теперь обратимся немножко к действиям Александра Ярославича. Он ведь совсем ещё молодой. Он не имеет личного земного опыта. Он не имеет нужных советников. У него нет тех, кто пойдёт по его указанию и победит, как это было у императора Юстиниана или у Сталина. Или того, кто пойдёт и убедит в дипломатических переговорах через своих дипломатов. Он правитель

Рассматривая личность Александра Невского, мы стоим у истоков формирования русского этноса. Мы стоим у истоков русской культуры, русской и российской цивилизации, нашего культурного и цивилизационного кода. Мы стоим у истоков Московской Руси, России, Российской империи, Советского Союза и сегодняшней Российской Федерации. В его лице мы можем видеть реальные личности, которым надлежало принимать исторические решения в экстремальных условиях.

маленького народа, и он в мгновенной встрече с другим великим правителем, императором должен принять в этот момент решение. У них нет ничего общего в языке, в религии, в традициях, в условиях воспитания, в возрасте. Ты — раб, ты — ничто, тебя нет. И вдруг — ты побеждаешь в битве, когда ты моложе тех, с кем ты воюешь, и находишься в меньшинстве. (Александр Невский всегда был моложе тех, с кем воевал, и всегда был в меньшинстве.) Ты побеждаешь в переговорах с самим правителем, с основателем и родоначальником идеи — как сегодня говорят, парадигмы. Ты беседуешь с могучим правителем-завоевателем, которого знает весь мир и трясётся перед ним. И к тебе пришли посланники самого Папы Иннокентия IV — не с просьбой, а с требованием подчиниться его воле.

Александр Ярославич всегда вынужден находить решение, когда воля могущественного лица уже принята. Папа Иннокентий IV уже принял решение, чтобы Александр Невский вместе со своим народом перешёл в католичество. Рыцари, немцы и шведы, пришли уже, чтобы захватить нашу территорию. Утвердилась Ордынская империя в лице Батыя и других правителей.

А новые правители Орды, как они себя ведут? Вот они уже не оставляют Александру Ярославичу даже жизни. Чудо не совершилось, а ему всего 43 года. И закатилось «Солнце земли Русской». С таким эпитетом, с таким именем ввёл в историю Александра Невского его сотаинник митрополит Кирилл, который вместе с народом ожидал возвращения Александра Невского. Но Александр Невский уже не вернётся, вернётся его скрюченное тело. Князь закончит свою жизнь 27 ноября 1263 года здесь, в нашем Городце.

Рассматривая личность Александра Невского, мы стоим у истоков формирования русского этноса. Мы стоим у истоков русской культуры, русской и российской цивилизации, нашего культурного и цивилизационного кода. Мы стоим у истоков Московской Руси, России, Российской империи, Советского Союза и сегодняшней Российской Федерации. В его лице мы можем видеть реальные личности, которым надлежало принимать исторические решения в экстремальных условиях. Мы прикасаемся к действию человеческой воли, человеческого разума, человеческой премудрости и явных божественных энергий. Здесь явно действует Божий Промысел и Божья воля. Это отмечают уже даже наши враги, которые неоднократно хотели «посетить» нас и завладеть нашей территорией.

Христос сказал такие слова: «Без Меня творить ничего не можете». И сегодня, оглядываясь на жизнь Александра Невского, мы должны сказать: да ничего не мог бы он сделать, если бы не было этой Воли, если бы не было присутствия Бога, присутствия ангелов, святых, покрова Божией Матери. Так и вошла Россия в сокровищницу мировых культур — как дом Пресвятой Богородицы. Потому что столько чудес свершилось через Неё, что «несть этому числа». Вот в каком Отечестве мы с вами родились и в каком Отечестве творим и живём.

750 лет нашей отечественной истории идёт осмысление жизни и подвигов, принятия исторических решений великим князем Александром Невским. Идёт прославление его имени. Мы видим, что ни одна историческая эпоха не забывала личности уникального сына нашего народа, Отечества и Церкви. Его поведение изучалось и до сих пор изучается. В честь его имени — воинские награды, имена кораблей и дивизий, имена улиц и фондов.

ПРАВИТЕЛЬ-«ЭТАЛОН»

Александр Невский является эталонной личностью для подражания новым поколениям России. И в этом плане, я думаю, сегодня есть интерес к данной теме и данной личности у ректоров и преподавателей высших учебных заведений, у руководителей школ, у родителей. И конечно — у наших правителей, которые сегодня должны принимать правильные решения в экстремальной ситуации этого периода нашей славной истории. Я не сомневаюсь, что у нас очень мощное, богатое и замечательное будущее. Сегодня Россия явно набирает свой вес, Россия набирает свою силу, как это и было в прежние века. И сегодня имя славного сына нашего Отечества вольётся в плеяду имён других личностей, которые его прославили, которые дали основание и начало великой Российской империи.

Я всю свою жизнь читаю «Жизнь замечательных людей». На сегодняшний день моя библиотека — больше 14 000 книг. Должен сказать, что прочитав огромное количество национальных и зарубежных авторов, героев, святых, я не могу найти аналогов князю Александру.

Знаю, что многие люди родились по воле Бога. Сергий Радонежский,

когда ещё находился во чреве матери, и она была на Богослужении, трижды воскликнул. И все, кто был в храме, слышали это, видели его мать и распознали источник звука. Но кто мог предполагать, что родится будущий игумен земли Русской, который остался им до сегодняшнего времени. Кто наш игумен? Наш игумен Сергий Радонежский — на все времена. Вот так же, я думаю, мы должны относиться к личности Александра Невского. Если мы скажем, что это сугубо национальная личность, то мы, наверно, ошибёмся. Потому что личность Александра Невского сегодня известна всему миру, всему человечеству.

Так случилось, что имя Александра Невского вошло в мою жизнь поздно. Может быть, тогда, когда я приехал в Городец. До приезда в 2008 году в Нижний Новгород, когда был приглашён перейти в Городецкую епархию, я прошёл тысячи конференций, форумов, сказал много докладов по Александру Невскому. Но я не мог понять, к какому имени обращаюсь, не мог понять, что за личность передо мной. И я не мог предположить, что тогда уже имею соприкосновение с таким гигантом духа, гигантом воли, гигантом талантов. Да я уже был юрист, человек образованный, неоднократно пытался защитить диссертацию, и не по моей воле этого не совершилось. Я занимался наукой. Я прошёл службу в Вооружённых силах, служил в Германии. Я уже эту жизнь достаточно хорошо знал, много лет был в Церкви. Были глубокие, удивительные, чистые духовники, все с академическим образованием. Но, соприкасаясь с этой темой, я не предполагал до конца, что передо мной. Почему я сейчас делаю акцент на этом посыле? Потому что каждый из нас упускает что-то.

Мы вступаем в брак и не понимаем до конца, что это такое. Нам нужно служить в армии, а мы думаем: пойти или не пойти? Отслужили. «Ну как ты отслужил?» Махнули рукой. Мы даже вкушаем пищу и не придаём значения этому. Мы сегодня рождаемся в этот мир. Каждое утро каждый из нас рождается. Мы ложимся спать — мы умираем, а каждое утро мы рождаемся заново. Ведь не все же проснулись после ночи? Меня поражает наше безразличие к прожитому дню, вступлению в брак, рождению детей (убить или родить ребенка). А когда ребенок к нам обращается, мы ему говорим: «Я сейчас занята, пойди посмотри телевизор». Какое ужасное преступление мы совершаем!

С каких бы позиций я не рассматривал жизнь Александра Невского, я всё время вижу недопонимание вот этого человека. Я задаю вопрос: «Господи, что это за «реперная» точка на Руси, что это вообще за фундаментальное начало, которое Ты положил через вот этого человека?»

ПУТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОИНА

Долго размышляя об Александре Невском, я всё время подбираю самый короткий путь, чтобы люди меня понимали. Подбираю язык, на котором должен говорить. И вот совсем недавно я нашел слово. **Александр Невский — воин.** Это не сол-

дат, не офицер — даже высшего ранга. Он — воин. Еще добавим сюда, что он **православный** воин, то есть человек, который находится все время в движении. Кому он служит? Чей он воин? Он воин Бога на Земле. И Бог его рождает именно в нашем православном Отечестве.

А теперь смотрите, что происходит с этой личностью, какой его род? Род его прекрасный. Он сын великого князя, мать его замечательная. Но как относятся к нему родители? Какое он получает воспитание? В три года его посвящают в воины. И мать не перечит воле мужа, она живет в традиции. (Патриотизм — это знание традиций, умение в них жить и готовность отдать за них жизнь, если им угрожает опасность.) Какая сегодня мать отдаст своего ребёнка в три года, чтобы его посвятили в воины?

Далее, он всё время находится с отцом, в посольстве отца. Отец — великий князь. Он с кем-то беседует, кому-то указывает на что-то, кого-то наказывает. И этот ребёнок растёт и всё впитывает в себя. А теперь смотрите, что получается с этим воином. Этот воин становится великим князем. Теперь Господь вверяет ему Великий Новгород, где он, когда был юный ещё, находился во главе города вместе со своим братом. И это была только подготовка. И поездки в Орду — только подготовка. Но вот он теперь — великий князь. Теперь его родословная действует, действуют навыки, которые он приобрёл как воин, как участник диалогов отца и свидетель его поведения. Теперь мы видим перед собой удивительного человека.

Далее, нападение, чтобы забрать нашу территорию. Кто с нами воюет? С нами воют не просто солдаты или офицеры, а элитные войска Европы — шведы и немцы. Когда мы говорим о нём как о воине, реально державшим оружие в руках и командовавшим неким ополчением, мы должны открыть тайну — он всегда был в меньшинстве и всегда был моложе тех, с кем он воевал. Но почему-то он побеждал. Что, рыцари немецкие и шведские были не воины? Что, их полководцы не были знаменитыми в мире, в Европе? Почему же он побеждал? А потому что он был православный воин.

Теперь нужно было принять решение. Время Александра Невского очень похоже на наше с вами время. Да, из Европы идет НАТО, а тогда шли элитные войска папы римского. А дальше что? А дальше — Азия. Как нужно было вести себя с Азией? Когда князь впервые попал в Орду, он пробыл там год. И когда Александр Невский увидел, что Орда — это профессиональные воины, и воины безжалостные, жестокие, он понял, что Русь не готова сейчас иметь отношения с ордынцами как с воинами. Тогда он становится православным воином-дипломатом. Шесть раз ходил в Орду Александр Невский — и всё время достигал той цели, которую ставил. А какую цель он ставил как великий князь? Да у правителя любого народа есть только две цели. Первая — демография, нужно, чтобы размножилось население,

чтобы рождались не больные дети, а здоровые, крепкие, нормальные, чистые. А вторая цель — нужно защитить свою территорию. Мы видим, что Александр Невский был выдающимся дипломатом. Все будущие дипломатические академии изучали дипломатические приёмы и методику Александра Невского, вплоть до Советского Союза. Поэтому на сегодняшний день мы говорим ещё, что он — воин-дипломат.

Когда Александр бывал в Орде, он неоднократно встречался с посланниками Папы Римского Иннокентия IV. Они плотно работали с ордынцами и склоняли князя, от имени понтифика, к принятию католичества. Он с ними много общался. Более того, будучи великим князем, он принимал легатов от Папы Иннокентия IV, которые давали доказательную базу необходимости идти в католичество. Но, оказывается, Александр Невский даже знал догматическое богословие. И он удержал нашу Россию, будущую Россию, будущую Российскую империю, будущий Советский Союз и нынешнюю Россию в православии. Мы верны православию до сих пор. А вот Даниил Галицкий, его родственник, как уже говорилось выше, принял католичество. И что стало с Украиной, с Галицией? Поэтому сегодня мы говорим, он — защитник Церкви.

КНЯЗЬ-МУЧЕНИК

Мы должны сказать, что Александр Невский — мученик. Почему он мученик? Мученичество имеет много форм. Кому-то отрубили голову, как апостолу Павлу и прочим. Кого-то отравили. Когда Александр был последний раз в Орде, то уже не было Батыя, который любил князя. Не было других, кто уважал Александра Невского как великого полководца. А были те, кто завидовал ему как сопернику. И когда я учился в юридическом институте, то один профессор мне сказал: «А ты никогда не думал, почему Александр Невский так рано ушел из жизни?» Я тогда не был готов к такому ответу. Он мне сказал: «Чем более был знатный соперник для Орды, тем более драгоценный камень подбирали, чтобы его лишить жизни». Он сказал: «Растёрли камень и подсыпали в пищу». Скорее всего, разорвался кишечник. И мы знаем, как страдал и мучился Александр Невский, прибыв в Городец.

А почему он прибыл в Городец перед тем, как вернуться во Владимир, где был великим князем? Да потому, что здесь был его брат Андрей, который много выступал против него, который не слушался его, сбежал в Швецию. Александр вернул Андрея из Швеции и поставил в Городец. Он хотел ему сказать: «Брат, я снова выполнил ту функцию, которую должен был выполнить. От нас требуется послушание. Мы не имеем той критической массы, чтобы восстать против ордынцев». Но здесь он не пошёл жить к брату, не остановился в его покоях. Он остановился в монастыре, который основал его предок — Юрий Долгорукий — в 1152 году. И здесь он попросил о монашестве. И мне кажется, монашество именно Александра Невского открывает всю тайну его личности. Он всегда был монахом. Ибо трудно представить, чтобы он сидел у телевизора или за компьютером. Трудно представить, чтобы он играл в карты, шашки или домино, как сегодня делают многие люди, которые были очень великими профессионалами. Нет, такого не может быть. Он был всегда в движении, как апостолы. И он, находясь вот в таком состоянии, принимает монашество и показывает всему миру, что всегда был наедине с Богом, ходил пред Богом, был воином Бога Небесного — Творца мира. Он знал, что делал, знал, Кто ему помогал. И поэтому мы говорим, что монашество его — это сакральное действие.

И конечно, за ним наблюдает его сотаинник Кирилл — митрополит Киевский. Он наблюдает: где же наш дорогой и великий князь? Когда он прибудет из Орды назад? Но однажды на Богослужении, а служил он каждый день, народ был потрясён, что так долго нет князя. И митрополиту Кириллу открылось, что всё, Александр Невский умер. И тогда, прервав Богослужение, он вышел к народу и сказал: «Закатилось Солнце земли Русской». Народ был в потрясении.

Но Господь прославляет своё чадо сразу. Десять дней — с 27 ноября до 6 декабря — везут мёртвое, скрюченное тело великого князя до Владимира. И когда совершается отпевание тем же митрополитом Кириллом, в руки этого мёртвого, замершего тела кладут отпускную грамоту (с его грехами) в мир иной. И вдруг тело оживляется… Кто оживляет его? Тот же Бог, Который управлял им и руководил им… Александр протягивает руку, берет эту грамоту, кладёт на грудь и вновь застывает. Это что такое? А когда его уже причислили к лику святых, и совершалось торжество прославления, то огромное количество людей, которые присутствовали при этом великом событии, стали свидетелями, как хромые, сухие, бесноватые исцелялись и становились нормальными людьми.

Сегодня существует 1700 храмов Александра Невского, которые разбросаны по всем столицам, городам Европы и мира, включая США, — везде почитают это имя. Я открою вам тайну, что наша епархия сегодня продолжает дело Александра Невского. Всё, совершаемое нами в епархии, мы делаем для того, чтобы реализовать те славы, которые внёс в нашу жизнь Александр Невский. Занимаемся демографией, чтобы наша брачная жизнь была нормальной. Занимаемся с главами наших администраций и муниципальных образований. Занимаемся самим образованием, здравоохранением, культурой. Занимаемся не только искусством, но и «возделы ванием душ людей». Мы занимаемся со всеми слоями нашего населения. Этим мы продолжаем дело великого князя — святого благоверного Александра Ярославича Невского.

/ Владимир БОЛЬШАКОВ /

Судьбы русской сакральности

Историософский анализ в контексте 800-летия Александра Невского

Христианская государственность, обретя сакральный фундамент, стала естественным развитием римской государственной доктрины. Будучи завершённой уже в Византии в VI веке, при Юстиниане Великом, она тем не менее впитала весь опыт античности. И, в таком совершенном виде, была воспринята и реализована в Древней Руси — вместе с принятием христианства.

ЕДИНСТВО И РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

Так уж случилось, что Господь не дал домонгольской Руси необходимого времени для мирного процесса вызревания социально-политических институтов, выросших на почве древнего славянского язычества, и превращения их в национальные институты русской православно-монархической государственности.

На Руси всегда было неспокойно, и хотя она была окружена народами, неприязненными к русским, никто из этих соседей не обладал такой силой, чтобы угрожать её независимости. С враждебно настроенными соседями разбирались, как правило, сами удельные князья, приглашая лишь иногда своих ближайших соседей с дружинами.

Но с большим усердием предавались русские удельные князья страсти взаимного соперничества. В результате на Руси сложилось некое подвижное равновесие. Если какое-либо княжение слишком усиливалось, это вызывало противодействие соседей, формирующих союзы. Последние часто видоизменялись, препятствуя укреплению единоличного могущества кого-либо из князей.

Равнинный ландшафт русской природы, не разделённый никакими естественными преградами и пронизанный густой сетью внутренних вод, препятствовал обособлению отдельных земель. Разнообразие климата, почвы, влияние соседей и других исторических условий способствовали развитию некоторых отличий в быте и характере населения. Но руководимые единым княжеским родом — многоветвистым древом потомков Святослава Храброго — данные земли сохраняли неразрывность Русских земель. Сознание этой кровной связи и общности яснее всего выразилось в княжеских съездах — своего рода верховных судах для самих князей и верховных советов для всей земли. Однако этот институт управления не развился в достаточной степени. Да и сами князья не всегда соответствовали своему предназначению. Святослав Храбрый, Владимир Красное Солнышко, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах в полной мере осознавали свою ответственность за страну перед Господом. Еще в большей мере это было присуще деятельности князей Северо-Восточной Руси: Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо и св. Александра Невского. Но лишь московские князья впоследствии в полной мере прониклись смыслом и задачами своего державного достоинства. Чтобы прийти к убеждению, что князь ответствен за народ перед Господом, должно было пройти ещё много времени.

Понимание, что всякая власть — от Бога и что князь — есть Божий слуга, требовало от подданных князя повиновения и почитания.

ОТХОД ОТ САКРАЛЬНОГО И НАШЕСТВИЕ

Отход княжеской власти от действительного её предназначения, чрезмерное увлечение взаимным соперничеством стали причиной охлаждения народа к власти. Иначе говоря, ко времени нашествия Батыя произошёл разрыв между властью и народом.

Усобицы — страшный и главный грех Русской земли, порождённый алчностью, взаимным соперничеством и гордыней князей и их окружения. Они были отступлением от главного закона — закона Любви к ближнему.

Монгольское нашествие, в отличие от внутренних войн, прошло по Русской земле как смерч, уничтожающий всё живое. Культурное наследие Древней Руси было уничтожено.

Монгольское государство сложилось в результате длительной борьбы за выживание среди монгольских племён — наиболее отсталых в Центральной Азии. Выйдя победителем в борьбе против своих могущественных родовитых противников, Чингисхан создаёт сильное централизованное военно-лагерное государство, сразу вступившее на путь широкой внешней экспансии.

С первых шагов Чингисхан осуществляет систему радикальных военно-административных реформ, порывающих с родоплеменной раздробленностью и превращающих монгольский народ из варваров — в монолитное, правильно организованное войско. В нём старинный родоплеменной принцип сменяется милиционно-территориальной системой с делением на десятки, сотни, тысячи и туманы (тьмы) — 10 тысяч. Новые образования были одновременно и военно-мобилизационными, и административными единицами. Дикость и отсталость монголов в умелых руках реформатора стали источником их силы. Слишком слаба была ещё родоплеменная аристократия, чтобы серьёзно противостоять политике Чингиса. Традиции варварской сплочённости стали определяющей основой его объединительной политики. А его первые военные удачи с самого начала обусловили успех внешней экспансии. Они закрепили,

После Александра Невского правители Золотой Орды ловко разжигали борьбу за Владимирский стол. Сначала — между Тверским князем Ярославом Ярославичем и сыном Александра Невского Дмитрием. А потом — между сыновьями Александра Невского и их потомками и т. д. Умело поддерживалось соперничество между княжествами, пытавшимися возглавить объединение русских земель в одно государство. Речь идёт о соперничестве между Москвой и Тверью, между Москвой и Суздальско-Нижегородским княжеством, между Москвой и Рязанью. Когда Великого князя всея Руси не стало, единой осталась только православная вера.

сделав необратимыми, внутренние реформы и лишили всякой надежды внутреннюю оппозицию.

Чингисхан удачно сочетал варварскую сплочённость монголов — с лучшими из достижений китайской военной науки, самой передовой в ту эпоху. Рыцарские дружины того времени, с выдающимися индивидуальными боевыми качествами отдельных воинов и воевод, в то же время организационно рыхлые, раздираемые внутренними противоречиями, столкнулись с настоящей регулярной армией. Русские князья недооценили данный фактор, следствием чего стал разгром на реке Калке. Избегшие смерти и плена князья разбежались по своим уделам, а победители шли за бегущими остатками русского войска до самого Днепра, истребляя всё, что попадалось на пути.

В результате покорения Русской земли и других монгольских завоеваний к середине XIII века создалась держава Чингизидов — открыто паразитическое государство. Наибольшее преимущество в нём получали воины, торговцы, ростовщики. Огромные массы покорённых народов оказались в положении рабов. Все, кто противился новым господам, беспощадно уничтожались. Старики, дети, больные и нищие — также. Таким должен был утвердиться «новый мировой порядок».

Казалось, Древняя Русь погибла окончательно. Князья теперь все поравнялись: сделались рабами варваров. Многие города, такие как Рязань, Вщиж, Серенск и другие, были полностью разрушены и уже никогда не восстановлены на прежнем месте. Другие, такие как Киев, Чернигов, насчитывавшие до нашествия варваров многие тысячи жителей, были разорены настолько, что долго не могли восстановить своё былое величие. По мнению Б. А. Рыбакова, Чернигов восстановился в прежних домонгольских границах только в XVIII веке.

В результате татаро-монгольского погрома Русь была отброшена назад на несколько столетий. Не меньший ущерб татаро-монгольское нашествие нанесло аграрным поселениям. Примерно девятая часть из них в Северо-Восточной Руси, как показывают раскопки, прекратила свое существование. По мнению историка Н. И. Костомарова, население Руси уменьшилось в десять раз. Нарушились многочисленные связи Руси с Западом и Востоком, затруднилось общение с Византией.

Но самые тяжёлые последствия татаро-монгольского нашествия на Русь — потеря независимости. Тотчас по своём возвращении из похода Батый потребовал явиться в свою ставку в низовьях Волги (Сарай) всех князей. Их представление хану сопровождалось унизительными обрядами. Князья становились «улусниками», «подручниками» Батыя и Великого хана. Каждый являвшийся на поклон к хану должен был, дабы очиститься от греховных помыслов, пройти меж двух огней, а также поклониться солнцу, огню, кусту и идолам. Говорить с ханом надо было, стоя на коленях, кратко. Под страхом смерти запрещалось касаться порога, стирать в пределах Орды одежду, есть снег. К хану являлись без оружия. Для многих князей поездки в Золотую Орду и к Великому хану оканчивались гибелью.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ОТСТУПЛЕНИЕ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Великий князь Ярослав Всеволодович первым отправился в Золотую Орду. За покорность Батый пожаловал его Великим княжением. Вслед за Ярославом в Золотую Орду отправились другие князья Северо-Восточной Руси. В 1247 году, после смерти отца, пришлось ехать на поклон к Батыю и Александру Невскому. Тогда Великокняжеский престол остался незанятым, и от воли хана зависело, кто его получит. Батый принял Александра ласково, но назад не пустил, отправив в Большую Орду к Великому хану. Там князь нашел приём не хуже, чем у Батыя. Великий хан утвердил его на престоле Владимирском, отдав всю Южную Русь и Киев. Возможно, именно в это время будущий святой благоверный князь обратил ко Христу сына всемогущего Батыя, царевича Сартака, став его побратимом. От него Александр Невский получил старшинство над всеми русскими князьями. Сартак в то время управлял делами Орды, за дряхлостью своего грозного отца, и это открывало перед Александром широкие возможности в деле объединения Руси под единой властью Великого князя.

Но недолго пришлось наслаждаться покоем. В 1255 году умер Батый, и в Орде произошел государственный переворот. Сартак был умерщвлён

своим дядей — Берке, который и стал ханом. В Русскую землю были посланы татарские чиновники для переписи народа и сбора дани. Александр поспешил в Орду, но не успел умилостивить хана — в рязанских, муромских, суздальских землях появились татарские численники. Там ставили своих десятников, сотников, тысячников, тёмников, переписывали жителей для обложения их поголовной данью. Не включали в списки лишь духовных лиц. Таким образом, внутри Руси вводилось чуждое, иноземное управление. Оно грозило разрушить остатки самостоятельности страны.

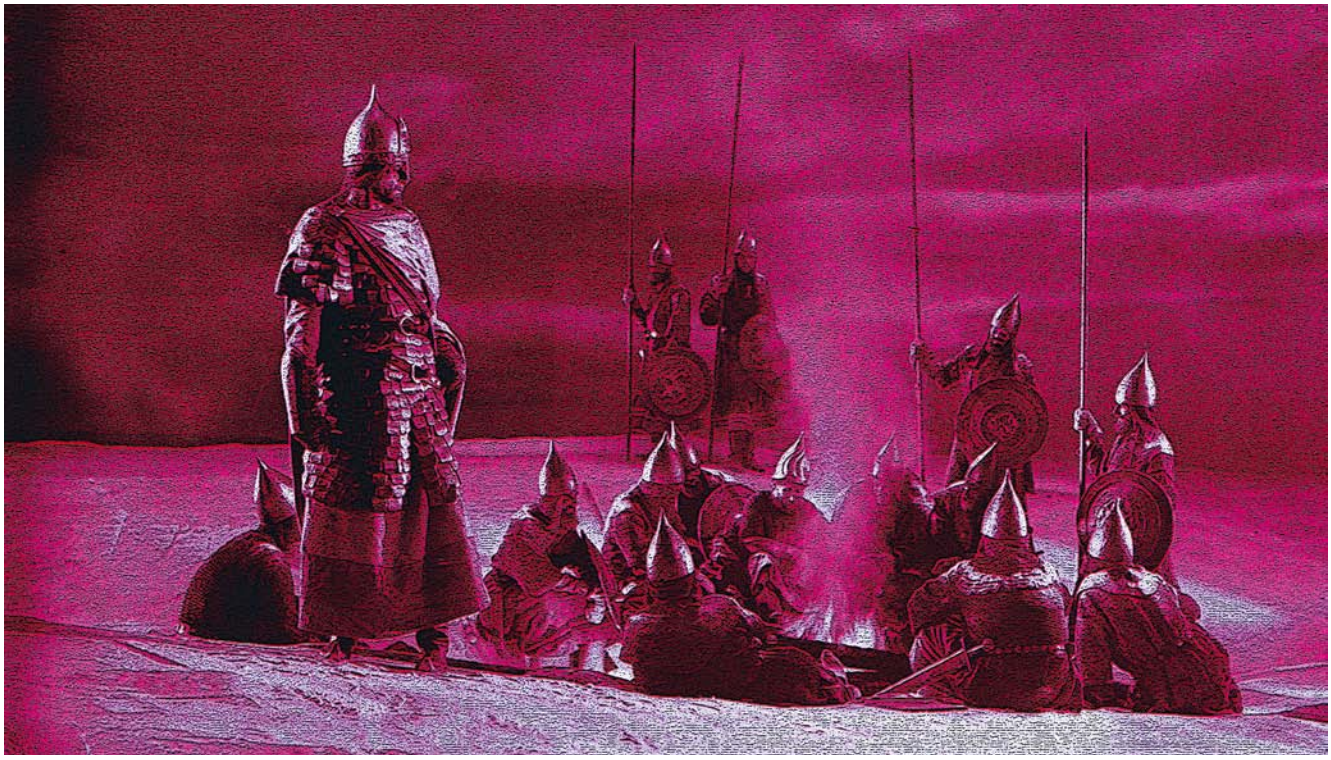
В 1257 году неутомимый князь вновь едет в Орду. Ханский наместник Улагчи, ведавший русскими делами, потребовал, чтобы и Новгород подвергся унизительной процедуре переписи. С горестью должен был взять на себя князь дело тяжёлое и неприятное. Ему нужно было склонить к рабству новгородцев, не знавших доселе поражений от восточных завоевателей и не считавших себя покорённым народом. Баскаки сочли жителей, распределили налоги и уехали, так как Александру удалось выговорить для новгородцев право доставлять дань в Орду самим или через Великих князей, не имея дела с чужеземными сборщиками.

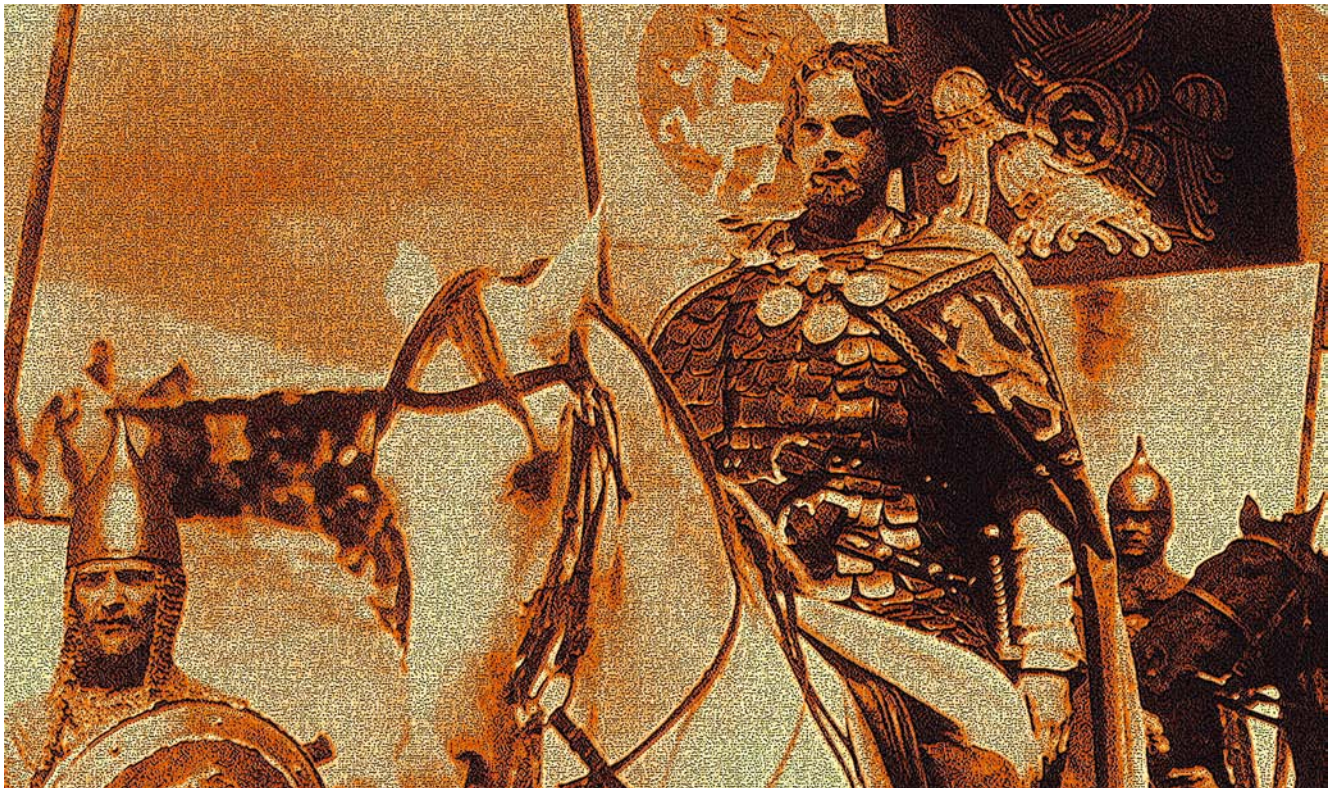
В Русских землях росло недовольство притеснениями. Положение стало нестерпимым, когда монгольскую дань взяли на откуп хивинские купцы-мусульмане, получившие название бесерменов (от слова «басурмане»). Сам способ сбора дани был очень тягостным — в случае недоимок насчитывались грабительские проценты. При невозможности заплатить — брали в рабство чуть ли не целыми семьями. Но не это переполнило чашу народного терпения. Когда к тяготам хозяйственным прибавились глумления над верой, взрыв народного негодования стал неминуем.

В 1262 году во Владимире, Суздале, Переяславле, Ростове, Ярославле и других городах ударили в набат. По старому обычаю собрали народное вече, на котором решено было ненавистных откупщиков истребить. Бунт, естественно, вызвал ханский гнев. В Орде для наказания непокорных уже собирались полки, когда Александр Ярославич в который раз, «избавы ради христианския», приехал в Сарай. Ему снова удалось уладить дело благополучно — хан Берке оказался даже более милостив, чем можно было ожидать. Он не только простил русским избиение бессерменов, но и освободил Русь от обязанности поставлять воинов для его ближайшего похода. Достигнуть этого оказалось непросто, и князю пришлось провести в Орде всю зиму и лето. Осенью, возвращаясь на родину с радостными вестями, он заболел и умер, приняв перед смертью монашеский постриг с именем Алексий.

НАТИСК С ЗАПАДА И С ВОСТОКА

После Александра Невского правители Золотой Орды ловко разжигали борьбу за Владимирский стол. Сначала — между Тверским князем Ярославом Ярославичем и сыном Александра Невского Дмитрием. А потом — между сыновьями Александра Невского и их потомками и т.д. Умело поддерживалось соперничество между княжествами, пытавшимися возглавить объединение русских земель в одно государство. Речь идёт о соперничестве





между Москвой и Тверью, между Москвой и Суздальско-Нижегородским княжеством, между Москвой и Рязанью. Одновременно Золотой Ордой поддерживалось дробление Руси на более мелкие княжества. Так, в 1247 году было поддержано образование Тверского княжества, а в 1328 году и в 1341 году одобрен раздел Великого княжества Владимирского, приведшие к образованию Суздальско-Нижегородского княжества. И все они стали именоваться Великими княжествами — в пику Великому княжеству Владимирскому. Впоследствии Ордой поддерживалось дробление Тверского и Рязанского княжеств на более мелкие уделы. Со смертью Александра Невского (1263 г.) произошло окончательное разделение Руси на Северо-Восточную и Юго-Западную. Когда Великого князя всея Руси не стало, единой осталась только православная вера.

Вселенское православие переживало тогда трудное время. После захвата крестоносцами Царьграда в 1204 году на пятьдесят семь лет прекратила своё существование Византийская власть в Константинополе, которая могла бы поддержать Русь. Сразу же после падения Царьграда папа послал письма, дабы убедить русских в торжестве латинской веры, но не имел успеха. Русские митрополиты до 1261 года ставились в Никее, где находился тогда Вселенский патриарх.

Нападение на Русь Батыя совпало по времени с нападением шведов (1240 год) и немецких рыцарей (1242 год). И это породило мысль о тайном соглашении с ханом или его окружением. В момент наивысшей опасности дружины германцев вместо помощи христианским народам предприняли наступление на Италию и Венгрию. Предположение о сговоре между Западом и ханом подкрепляется тем обстоятельством, что Батый подверг разгрому земли преимущественно славянские. Исключение составила Венгрия. Однако и это объяснимо, ибо венгры занимали, главным образом, земли разгромленной ими Великой Моравии — славянского государства IX–X веков. Преднамеренный характер погрома Батыем славянских земель подтверждают арабские и персидские источники.

Запад всегда стремился подчинить своему влиянию Святую Русь. Вспомним, что ещё при княгине Ольге, в середине X века, Рим посылал послов-миссионеров в Россию. С предложением о «соединении» обращался к русским князьям папа Климент III в 1080 году. В 1147 году папа Евгений III благословил первый крестовый поход германцев против славян. В 1200 году в устье Западной Двины, при попустительстве русских князей, которым подчинялась в то время Ливония, германцами был основан город Рига. В 1201 году двинулся на Русь орден Христовых воинов, или Меченосцев, подчинённый Рижскому епископу. С тех пор на берега Западной Двины нескончаемым потоком стремились толпы выходцев из немецкой земли, желавших искупить грехи ценой убийства православных христиан. (Папа отпускал их всякому, кто под знаменем креста лил кровь «упрямых язычников».) Папы в XIII столетии всеми силами пытаются воспользоваться несчастным положением разорённой монголами Руси, они благословляют направленное против

православной страны оружие датчан, венгров, шведов и немцев.

Не брезгует Рим и антирусскими интригами при дворе Батыя — не случайно одним из советников хана является рыцарь ордена Святой Марии — Альфред фон Штумпенхаузен. Ездил в Великую Монголию с поручением от папы Иннокентия IV к самому Великому хану минорит Иоанн де Плано Карпини в сопровождении двух доминиканских монахов — Асцелина и Симона де Сен-Кента.

Задача монгольских завоевателей, в отличие от латинян, состояла в материальном завоевании Руси. Основным правилом жизни в Орде служила «Яса» Чингисхана — сборник, содержавший в себе запреты и узаконения, касавшиеся самых разных сторон жизни. В нём, в частности, предписывалось уважать и бояться всех богов, чьи бы они ни были. В Орде свободно отправлялись богослужения, и сами ханы присутствовали при совершении христианских, мусульманских, буддистских и иных обрядов. В 1267 году митрополит Кирилл сумел получить от хана Менгу-Темира ярлык, которым хан освободил духовенство от дани и других поборов. Этим же указом, под страхом казни, хан воспрещал надругательство над православием. С позволения хана владыка Кирилл основал в самом Сарае православную епархию.

Задачу уничтожения православия поставил перед собой хан Мамай, к войску которого тогда спешила на помощь польско-литовская рать католика Ягайлы. Но было уже поздно, горькая чаша гнева Божия была испита русским народом. Скреплённая молитвами преподобного Сергия Радонежского, Русская земля уже в состоянии была не только выстоять, но и победить — на Куликовом поле.

МЕХАНИЗМ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ

Анализируя этапы развития кризиса Древней русской государственности, мы можем сформулировать историософскую концепцию, согласно которой системный кризис государственности, или Смутное время, вызывается утратой властью своей сакральности, То есть можно сказать, что речь идёт о десакрализации православной государственности. А она является следствием охлаждения веры в Бога. Утрата сакральности власти неуклонно приводит к скатыванию на дно системного кризиса, если не происходит покаяния и попыток не доводить ситуацию до последнего предела. Этот процесс имеет чёткие стадии:

1) Десакрализация власти, которая обычно сопровождается убийством носителя верховной власти или наследника престола;
2) Корпоративно-политическое противостояние;
3) Военное противостояние или гражданская война;
4) Внешняя военная интервенция;
5) Оккупация — самое дно скатывания государственности в Смутное время.

При этом надо иметь в виду, что оккупация не всегда носит военный характер. Можно выделить несколько её форм: экономическую, религиозную, политическую, этническую, финансово-информационную. Сегодня оккупация происходит на уровне IT и цифровизации. Данные формы также могут находиться в различных сочетаниях.

Здесь надо сказать, что выход из Смутного времени, или системного кризиса, также имеет совершенно чёткие этапы:

1) Покаяние — осознание того факта, что десакрализация власти не была воспринята как начало страшного бедствия, не было покаяния перед Богом в совершённых грехах и, следовательно, не было попыток остановить процесс развития системного кризиса;
2) «Партизанщина» — создание в условиях оккупации религиозно-политических, экономических и военных образований, способных противостоять оккупантам;
3) Народное ополчение — общенациональное объединение с формированием единой военной силы;
4) Восстановление традиционной православно-монархической государственности, сакральности власти и признания её всем народом.

Таким образом, системообразующим фактором российской государственности является сакральность власти, в основе которой находится русская соборность. Она может быть определена как свободное устремление к единству многих лиц на основе их общей любви к Богу и Абсолютным нравственным ценностям.

В рамках предложенной концепции можно определить **системный кризис государственности, или Смутное время, как функциональную перестройку механизма власти**. Данная перестройка вызвана утратой духовно-религиозной, нравственной составляющей, а значит, утратой сакральности и восприятием не свойственных русской цивилизации государственных форм.

Следствием восстановления сакральности стало превращение Древней Руси в суверенную мощную православную державу — центр восточного христианства, а Москвы — в Третий Рим, или Новый Иерусалим.

РЕВАНШ СВЯТОЙ РУСИ

Впоследствии Иоанн IV Грозный создал национальную форму поземельно-сословного народного представительства — Земский собор. Это специфический, присущий русской цивилизации исторический институт народного волеизъявления. Он содержит механизм согласования Верховного единоначалия и коллегиальности, что позволяет выполнять объединяющую функцию в условиях системного кризиса. Только спустя 200 лет после деяний Иоанна Грозного, в результате великих революций, в Европе появилась альтернативная и чуждая русской политической традиции партийно-политическая форма народного

Акт отречения императора Николая II от прародительского престола есть мистическое средоточие великой русской трагедии, русской смуты XX века. Своим отречением он вернул сакральность императорскому престолу. И явление в тот день Державной иконы Божией Матери — зримое тому подтверждение.

представительства — парламентская демократия. Она прикрыта фиговым листком — принципом разделения властей, что не объединяет, но лишь разъединяет народ.

Духовно-государственное строительство Иоанна Грозного по созиданию русского соборного царства оказалось столь основательным, что помогло пережить полную кошмара эпоху Смутного времени рубежа XVI–XVII веков. Тогда вся Европа, под незримым дирижёрством Римской курии и ордена иезуитов, жадно набросилась на богатства Русской земли.

ОТХОД ОТ САКРАЛЬНОСТИ И ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Подготовленный западниками церковный раскол второй половины XVII века стал крупнейшей социально-политической катастрофой системного характера. Её внутренней причиной стал кризис русской государственности. Он заключался в охлаждении веры, утрате сакрального восприятия царской власти, падении нравственных устоев общества. Последовавшие затем реформы Петра, при всей их прогрессивности, нанесли сокрушающий удар не только по боярской знати, но и по русской аристократии вообще, открыв иностранцам дорогу к высшим должностям.

Устранение Петром соборных традиций лишило верховную власть ореола сакральности и сделало её не объектом народного призвания, а целью борьбы корпоративных кланов и дворцовых интриг. Закулисные решения проводились в жизнь силой дворянской гвардии. Как следствие реформ Петра Земские соборы, обеспечивавшие реальное единение царя с народом, были упразднены. Церковь в послепетровское время сама была отрезана от верховной власти и подчинена той же бюрократии, что и вся нация. А основа русской жизни — крестьянство — было превращено в рабов для потомственных рабовладельцев, нравы которых проявлялись порой в самых диких формах.

Культурный разрыв между европеизированным высшим сословием и народной массой, ставший причиной отчуждения народа от своего царя, начался именно с Петра. В общественном сознании просвещённого слоя империи заметен резкий перелом: промонархические настроения сменяются антимонархическими. Стало модным относиться к верховной власти скептически, фрондёрство становится признаком хорошего тона. Духовная составляющая императора как Божиего Помазанника, как сакральной, харизматической, священной особы, исчезла в глазах высшего сословия. Для придворных, министров и советников, генералов и администраторов император стал фигурой политической, таким же человеком, как и все, только облечённым властью. В этой власти они уже не видели никакой сакральной силы и признавали её необходимой лишь с утилитарной точки зрения.

Однако с воцарением Павла I в России начала восстанавливаться законность, единая и для простого народа, и для высшего света. Павел запретил ввоз иностранных книг, сеявших революционные идеи. Из-за новых политических теорий, волновавших тогда Западную Европу, последовало запрещение отправлять молодых людей для образования за границу. Если Екатерина была «матушкой» для владетельных дворян и заезжих щелкопёров, то Павел обретал образ «батюшки» для простого народа, как это и было положено от века русскому Царю. После злодейского убийства 11 марта 1801 года в Михайловском замке Павла I к его могиле потянулись простые люди, ища небесной помощи, исцеления и его небесного заступничества. Почитание Павла I в народе и церкви православной было таково, что, как вспоминал исправляющий должность товарища обер-прокурора Святейшего синода князь Н.Д. Жевахов, только революция 1917 года прервала работы по подготовке его канонизации.

Двадцатичетырёхлетний Александр, вступив на родительский престол, попал в крайне затруднительное положение, оказавшись в окружении убийц своего отца. Он, вероятно, хорошо понимал, что если ему пойти по пути резкого ограничения всевластия придворной знати, по которому шёл отец, его ждёт та же участь. И в Зимнем дворце, и в Царском Селе молодой император был заложником группы связанных между собой общим интересом богатых и влиятельных лиц. Говоря современным языком, это была государственно-политическая придворная мафия, целый век правившая страной руками возводимых ею на трон монархов. Собиралась она править также и впредь — на этот раз руками Александра, но им это не удалось. Большая часть царствования Александра Благословенного прошла среди великих войн, но государь находил время и для забот об упорядочении внутреннего управления империей. Особенно важные меры были осуществлены императором Александром в деле высшего управления, которое со времён Петра находилось в руках коллегий. Созданная им система управления посредством министерств в главных своих чертах сохранилась до самого крушения

Российской империи, однако она так и не избавилась от рудимента западной цивилизации.

Младший брат императора Александра — Николай I Благовенчанный в отношениях с европейскими державами сохранял начала Священного союза и всегда готов был оружием поддерживать старый порядок в Европе, хотя бы и с ущербом для интересов Российской империи. В итоге Россия не только не заслужила благодарности европейцев, но мало-помалу за ней закрепилась репутация жандарма Европы. Однако благодаря политике Николая I России удалось отодвинуть массовые кровопролития, и все революционные потрясения обошли наше Отечество стороной,

В эпоху Александра II Освободителя российская государственность приняла характер мягкого, просвещённого и космополитического абсолютизма.

Александр III старался внести в реформы те поправки, которые, по его мнению, были необходимы для внутреннего равновесия России. Но в полной мере ему это не удалось.

Николаю II досталось тяжёлое наследство. Глубокая трещина прошла через всю Россию.

Демократические реформы 1905–1907 годов — это ещё одна попытка пересадить на русскую почву чуждую, разрушительную для русской государственности модель западной парламентской демократии.

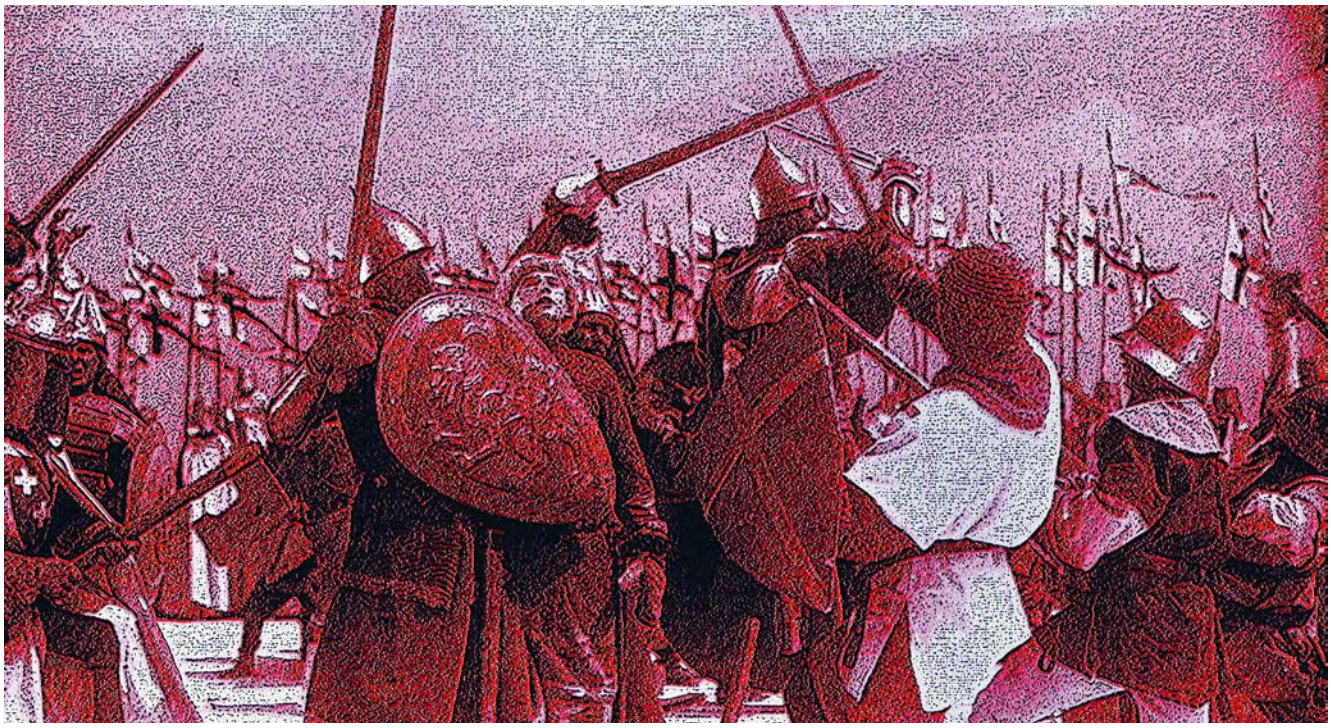
Подрывные силы использовали парламентскую трибуну для грязной травли государя. 1 ноября 1916 года в Государственной думе Милюков произнёс свою «историческую» речь, в которой он, не имея в своём распоряжении ни единого доказательства, обвинил императрицу в измене.

Клевета сделала своё дело. Города, веси, армия наполнялись отзвуками этих подлых обвинений.

Николаю II, когда верность ему и присяге уступила место измене, ничего иного не оставалось, как, уповая на волю Господа, принять насильственное отречение от прародительского престола. Будучи истинным православным царём, он не видел выхода в установлении с помощью верных штыков кровавой диктатуры. Отречение государя Николая Александровича не слабость и безволие, а поступок величайшей силы. Это сознательное, жертвенное предание себя в руки врагов, дабы не силой политической власти, а силой христианской жертвы победить их.

Почти семь десятилетий питались русские люди одной лишь революционной ложью, потом ей на смену пришла ложь демократическая. Плохие Ленин, Троцкий и Свердлов заменялись «хорошими» Гучковым, Милюковым, Родзянко и Корниловым. А страшная трагедия России, разделившая русских людей на два непримиримых лагеря, так и остаётся непреодолённой — с помощью хитроумных манипуляций. Настало время отделить зёрна от плевел. В течение XX века русские люди смогли переварить откровенно богоборческое учение марксизма-ленинизма, извлечь из него позитивные начала и направить в разумное русло.

По всем человеческим меркам, по всем земным законам и расчётам Россия должна была бы сегодня пылать в огне непрекращающейся гражданской войны, гибнуть во мраке и гладе хозяйственной разрухи, безвластия, беззакония и хаоса. На месте России должна была бы возникнуть духовная пустыня. Вместо этого медленно, но неуклонно происходит пробуждение религиозно-национального самосознания.



/ Владимир МОЖЕГОВ /

Ось империи

1.

Архетипичность образа Александра Невского складывается из двух важнейших моментов: Александр как строитель государства, причём государства, находящегося в сложнейшем положении, теснимого и с Востока, и с Запада; и Александр как правитель, задающий и определяющий вектор развития страны, которая в обозримой исторической перспективе обратится в великую империю. Оба эти вектора коррелируют друг с другом и поддержаны третьим: Александр — святой благоверный князь, канонизированный православной церковью и почитаемый русским православным народом.

Однако в этом почти монументальном образе не всё так однозначно и просто. И чем внимательнее мы вглядываемся в фигуру Александра, тем более понимаем, что, реального русского князя, который в двадцать лет воевал на Неве со шведами, усмирял новгородцев, многократно ездил в Орду, налаживал отношения с князьями, боролся с братом за первенство и даже воевал с русскими князьями на стороне Орды, совершая и множество других неоднозначных и неизбежных поступков, свойственных его месту и времени, — образ этот до конца не отражает. Слишком много в нём и наслоений политической, прежде всего, конъюнктуры — многовековой борьбы партий и интересов. Притом что местное церковное почитание Александра начинается практически сразу после его смерти — случай достаточно редкий.

Князю благоволила Русская церковь, что и понятно: он отверг унию с Римом («всё доброе ведаем, а от вас учения не принимаем», — ответил Александр Папе); Иван Грозный прославил его в лике благоверных; Пётр Великий избрал его небесным покровителем своего броска на Запад («Александр бил шведов, и мы бить будем»). Затем своей идеологической иконой сделали его евразийцы, проповедуя строительство самодостаточной евроазиатской цивилизации. Советские культуртрегеры использовали образ Невского для ориентации русской молодёжи на войну с Германией. Причём в известном фильме Эйзенштейна главным врагом Советского Союза (понятно, что перед нами именно СССР, а не аутентичная Древняя Русь) выступает даже не военная машина Германии, а христианская цивилизация в целом (в то время антихристианские авторы, в ужасе перед Гитлером, называют его «Христос со свастикой», «этот Дон Кихот» — уже по этим кличкам ясно, что речь идёт даже не о Гитлере и нацизме; в них стигматизирована вся европейская христианская традиция в целом, приговорённая к окончательному искоренению). Наконец, уже в наше время, проявилась тенденция прикрыть образом Александра неудобную для современной российской власти фигуру Сталина. Так, в 2008 году именно Александр Невский спас лицо проекта «Имя России» (2008), заменив собой стремительно набирающего голоса вождя народов.

Как видим, различные группы и идеологии с удовольствием используют имя Александра в своих целях, причём порой в целях диаметрально противоположных. Можно даже сказать, что существует опасная тенденция: настойчивое желание некоторых групп подменить подлинный «код Невского» (силу и опасность для себя которого они отчетливо чувствуют) «антикодом».

Перед нами же стоит задача прямо противоположная: вскрыть все эти опасные подмены и раскрыть подлинный «код Александра Невского». То есть под всеми этими идеологемами нащупать настоящий образ князя. Но и не тот бытовой образ историков, скрупулезно изучающих каждый шаг. Нам необходимо обнаружить то главное и высшее в человеке, что делает его фигурой исторического масштаба, высшим выражением его времени, мостом из прошлого в будущее. Тот настоящий «код», включение которого наводило бы энергетический контур, работающий на возрождение России.

2.

Но, прежде чем искать ответ на вопрос, кем же был Александр Невский на самом деле, — заметим, что мы не должны бояться двойственности и двусмысленности в наших находках. Двойственность — неизбежна на земле. Каждая вещь этого мира отбрасывает тень, и чем вещь выше и объёмнее, тем эта тень больше. Что же может быть выше и объёмнее России с её бесконечным стремлением к Абсолюту во всём? «Россия граничит с Богом», — заметил Рильке. Но это значит, что и иная бездна распахнута перед ней в той же мере. «Две бездны рядом», — любил повторять Достоевский, называя эту мысль самой главной и глубокой во всём своём творчестве. Живя на земле, мы обречены на двойственность, и, возможно, именно здесь и необходимо искать настоящие ключи к коду самой России. Нащупывая пути к возрождению, приходится опасаться двух «драконов», стерегущих нас на двух обочинах нашего пути: как чрезмерного самобичевания, так и чрезмерного самовозвеличивания. Особенно учитывая то, с каким удовольствием русский человек склонен впадать в обе эти крайности.

Но вернёмся к князю. В краткой квинтэссенции своего образа Александр предстаёт перед нами как человек, побеждающий шведов и немцев, останавливающий экспансию с Запада, заключающий мир с Востоком и закладывающий фундамент будущей империи со словами: «Не в силе Бог, а в правде». Причём особенно люб нам запечатлённый в памятниках героический победитель Чудского сражения. Понятно, однако, что это лишь малая толика настоящего образа Александра. Невский — конечно, и воин, но прежде всего — дипломат и руководитель, которому приходится лавировать меж разными центрами силы, пока-

зывая, где нужно, несгибаемую волю, где нужно — мягкость и способность к компромиссу.

Вообще, когда мы говорим о благоверном Александре как защитнике западных рубежей, человеке, спасшем Русскую церковь от окатоличивания и повернувшего Русь на Восток, нужно понимать, что сам Александр вообще едва ли мыслил в таких категориях. Он занимался вещами гораздо более прозаическими: решал споры между князьями, искал опоры своей власти. И сама его западная политика, и легендарные битвы были продиктованы более интересами власти и новгородского купечества, нежели чем-то иным. Да и самого понятия единой Руси тогда не существовало.

Так же и договоры с Ордой не были попытками установить стратегический союз или выбрать путь своеобразной цивилизации, как это представляется сегодня евразийцам. Ни о чём подобном князь думать, конечно, не мог. Он хотел обезопасить рубежи своих владений, обеспечив максимально возможное спокойствие на Востоке. Даже само устоявшееся в веках прозвание Невский намекает на то, что это всё же не вполне евразийская фигура. У Петра Первого прав на евразийскость, во всяком случае, было ничуть не меньше. То, что Александру удалось закрепиться на невских берегах, отбить атаку германцев, — дало возможность позднее Петру построить здесь крепость, открыть России путь к Балтийскому морю. И здесь, на древнейших землях Рюрика, на которых воевал Александр: устье Невы, где проходила некогда центральная магистраль пути из Варяг в Греки, — нам, прежде всего, открывается *имперский смысл* строительства русской цивилизации. В собственно «евразийском» смысле всё для Александра кончается как раз-таки довольно плачевно. Его, по-видимому, отравили в Орде. И все попытки обезопасить русскую государственность на Востоке удаются ему гораздо меньше, чем на Западе.

Итак, реальный человек Александр Ярославич Невский не воевал с Западом, не вёл Россию на Восток, империю как таковую не строил, даже в своих мечтах. Не был реальный князь той эпической фигурой, каким остались в истории Александр Македонский, Октавиан Август или Константин Великий. Нельзя и уверенно говорить о том, что он выделялся особой харизмой среди других русских князей. И если уж одевать Александра Ярославича в эпические доспехи, то ими окажутся, скорее, фартук и мастерок строителя. Строитель государства и великий труженик — вот тот живой образ князя между отлитым в бронзе героем киноэпоса и реальным человеком историков, та золотая середина образа, то высшее в человеке, что оставляет след в вечности. Князь отстоял сам факт существования русского государства. А затем намечал, проводил, обозначал контуры и границы будущего — и это осталось следом его деятельности в веках. С этим определением согласился бы, наверное, и сам благоверный Александр. И если мы хотим найти настоящий глубинный «код Александра Невского», то исходить должны отсюда, а отнюдь не от терминологии евразийства, западничества или славянофильства.

Вневременное и пророческое в образе реального Александра Ярославича открывается нам лишь в видении князей Бориса и Глеба перед Невской битвой. Святые братья, явившиеся и укреплявшие русское войско в начале жизненного поприща князя, перед самым дерзновенным его деянием, должны были оставить глубокий след в его душе. Вероятно, и дальнейшая его деятельность проходила под знаком этого видения. Всё это составляет тайну его души, проникнуть в которую мы не можем. Но можем предположить, что здесь дух Александра приближается к небу вечности, становясь необходимым мостом от Древней Руси Владимира Мономаха и Ярослава Мудрого к Руси Средневековой, а далее — к Ивану Грозному, Петру Великому и в наше настоящее и будущее, определяя поступательное движение Русского мира и русского духа. В деле жизни Александра Невского Русь отстояла свою государственность, свою самобытность, свою церковь, свой духовный облик, в котором и западные, и восточные черты слились: и лик немецкого рыцаря, и лик ханского воеводы — оба они оказались ей не чужды, и в русском менталитете сплавились в нечто уже по-настоящему русско-имперское.

3.

Итак, реальный Александр Невский являет нам лик труженика, строителя государства, который упорно, неутомимо, методично, не путём одних героических рывков (хотя были и такие рывки, конечно), но путём скорее разноплановых действий — дипломатии, сделок, лавирования меж полюсами, — сшивает тело будущей империи. Не евразиец и не западник, но, сколь бы это ни показалось парадоксальным, всё же больше западник, чем евразиец. О чём говорит и его почитание, прежде всего, в петровскую и послепетровскую эпоху. Именно в это время имя Александра обретает настоящую цельность, обретает всегосударственное значение. Пётр переносит ковчег с мощами благоверного князя из Владимира в Петербург и делает его святое имя духовным основанием своей империи. А дальнейшая перекличка имени Александра с именами русских царей выстраивает единую её духовную ось. Три Александра Романовых, к которым мы должны приложить и четвёртого Александра — Пушкина. Итого, вместе с самим князем, — пять Александров. Вот ещё одно измерение, ещё один секрет этого кода. Собственно, к этому обязывает само имя, отсылающее к первому великому имперостроителю, и даже, прежде всего, — культуростроителю. Главным деянием Александра Македонского стала ведь не столько империя, которая оказалась эфемерной и его не пережила, сколько эллинская

культура, его усилиями завоевавшая мир. Завоевав Восток, Персию, дойдя до Индии, Александр создал общую ойкумену эллинской культуры — пространство для её торжества. Не тем ли занимались и Александр Первый — победитель Наполеона, и Александр Второй — освободитель крестьян, и Александр Третий — строитель Русского мира?

При этом деятельность всех трёх Александров и её результаты также оказались неоднозначными. Александр Первый победил Наполеона, однако участие в заговоре против отца бросило тень на всё его царствование и сделало опеку англичан над русским двором, мягко говоря, чрезмерной. Если Павел хотел воевать вместе с Наполеоном против Англии и строить русско-французскую Европу, то и Александр пытается создать новый имперский союз, новое переиздание Священной Римской империи под именем Священного союза. Однако начинание это ждёт крах, Революция же (после поражения Наполеона и ослабления Франции) одерживает одну победу за другой.

Александр Второй — освободитель крестьян, либеральный реформатор. Однако земельная реформа, которая, конечно, была необходима, приводит к роковому разрушению крестьянской общины. Чёрствость и тяжеловесность петровской бюрократической машины, железно сцепившей к тому времени тело страны, и не могла, вероятно, привести к иному. Неудача реформы становится следствием глубокого разделения крестьянского мира и мира петровской аристократии, к тому времени уже свершившегося, глубокого непонимания властью того, как и чем живёт крестьянин. Двусмысленность реформы привела к большому недовольству крестьян, раскачала страну, что в конце концов подталкивало её к революции.

Александра Третьего многие, особенно славянофилы, называют лучшим русским царём. С удовольствием присоединимся к такой оценке. От Александра Невского до Александра Третьего (в дни царствования которого никакая война в Европе не могла разразиться без его санкции) мы видим триумфальное восхождение русского знамени над Европой.

Однако именно позиция Александра Третьего относительно Германии и Австро-Венгрии привела к переориентации России на противоестественный для неё союз с Францией и Англией, что, в свою очередь, стало причиной катастрофы Первой мировой войны. Противный духовному смыслу, идеалам и интересам страны союз с либеральной Антантой против родственных России имперских держав стал роковым для его сына Николая.

Как видим, и здесь нам никуда не уйти от двойственности, как от нашего имперского византийского орла о двух головах, каждая из которых не всегда в ладу с дугой. Фигура Николая Второго, на котором обрывается царственная русская традиция, являет исход этой двойственности. Но не исход самой империи. Советская империя — это снова сумма неустойчивых колебаний меж двух векторов: идеями сталинского имперского строительства и мировой революции Троцкого, очередного броска на Запад. Проецируя которую на времена Александра Невского, убеждаемся, что общая картина принципиально не сильно меняется: то же балансирование между полюсами, та же борьба сил, необходимость, с одной стороны, — отражать агрессию, с другой — вести переговоры и вступать в компромиссы, договоры с неоднозначно дружественными сторонами. Всё то, с чем приходилось иметь дело и Александру Невскому, и русским царям, и Сталину, который также вынужден был воевать с Германией, имея в союзниках главного и извечного врага России — Англию.

4.

В последнюю коллизию погрузимся чуть глубже, поскольку её вектор непосредственно выходит в наш сегодняшний и завтрашний день. Если Александру Невскому приходилось

выбирать между Западом и Востоком, то подобный геополитический выбор стоял и перед Петровской и Советской империями. Только читался он иначе: ориентация на континентальную Европу или Англию? При этом и в национальном, и в политическом, и в геополитическом, и даже духовном планах Россия всегда была гораздо более родственна Германии, нежели Англии. Последняя грезила о России как своей колонии, интересуясь лишь её ресурсами (в том числе и в качестве пушечного мяса). Что же касается германского мира, то, как и русский, он всегда транслировал вовне традиционные смыслы, отличая себя от модернистского Запада.

Что и понятно: Россия и Германия являются наследниками единой христианской Римской империи: одна Восточной (Византия), другая Западной (Карл Великий и Оттоны) её частей. О чем, кстати, никогда не забывали ни русские цари, ни наши враги. И что нашло всеобъемлющее отражение в геополитической теории Макиндера, которую можно сформулировать так: *для обеспечения геополитического господства англосаксов необходимо во что бы то ни стало разрушить союз России и Германии. Ибо только этому союзу под силу сокрушить мировое господство англосаксонского мира.* На разрушение самой возможности такого союза и был потрачен Англией, а затем США весь XX век. С этой целью и были развязаны в XX веке две горячие и одна холодная мировые войны. Так обстоят дела и сегодня.

К сожалению, возможности союза двух самых родственных в мире народов англичане понимали гораздо лучше нас, лучше немцев, лучше всех славянофилов (обуреваемых утопическими идеями объединения славян), и западников, и евразийцев вместе. Будучи хозяевами дискурса, англичане умело направляли русскую мысль, пестуя все удобные себе идеологии в ущерб единственной, по-настоящему им опасной — идеи союза России и Германии и восстановления христианской Римской империи.

Дважды стравив Россию и Германию в опустошительных войнах, англосаксонские элиты добились тотального ослабления силы русской и германской крови. А вместе с тем — и гибели традиционной Европы в целом. Задача, которая стоит перед глобальной элитой нынешнего века — уничтожение уже белой расы в целом как основного носителя имперской и христианской идеи. А значит — и единственного потенциального конкурента глобалистского антихристианского проекта. Именно ради этого глобальные культуртрегеры вели и продолжают вести сегодня работу по демонизации образа России в Европе и образа Германии в России.

В связи с этим ещё раз вспомним фильм Эйзенштейна, в котором христианское рыцарство и сама христианская идея представлены абсолютным злом. Рыцари-монахи, ритуально сжигающие детей под воздетые благословляющие руки епископа, — это глумление примерно того же рода, как и известное фото, на котором Эйзенштейн улыбается в камеру, развалившись на троне русских царей (его пустили в зал Эрмитажа для съемок фильма «Октябрь») и задрав толстые ляжки на его подлокотники.

Задача культуртрегеров, подобных Эйзенштейну, понятна. Ритуально убив царскую семью и затопив Россию в крови, им необходимо было создать в сознании новых русских детей (которых уже готовили к новой, необходимой им войне) нужный образ, представляющий убийцами христиан и немцев. Создать нужный «антикод» в русском сознании им удалось. Им также удалось уничтожить ещё десятки миллионов русских и немцев в результате вновь раскрученного маховика войны. Сегодня те же глобальные культуртрегеры продолжают транслировать тот же антикод (уже в терминологии квир-большевизма) в сознании новых поколений русских и европейских детей. Но сегодня их цель, как мы уже говорили, — уничтожение всей европейской цивилизации в целом. Получится ли это у них? Во многом это будет зависеть от того, сумеем ли мы разгадать их маневры и нейтрализовать их антикоды.

5.

В условиях сегодняшней культурной войны наша задача — не только раскрыть и разрушить планы глобальных элит, но и противопоставить им собственный культурный проект. Таким проектом может стать, на наш взгляд, только идея восстановления Христианского мира — единства христианских народов — во всей возможной полноте. Возможно ли это? Как это возможно? — это уже другие вопросы.

Кто-то скажет, что настоящий наш союзник — Китай, и наша цель — Евразийские степи. Что ж, и такое направление восстановления традиции в принципе возможно. Но без европейского вектора оно означало бы для нас только одно — утонуть и раствориться в песках Азии. То есть сделать то, что хотят сделать с нами наши враги, своими собственными руками. Двигаться по этому вектору (учитывая и нашу усталость, и то, что коммунистический Китай — просто ещё один, запасной сценарий глобализации) нужно очень осторожно, не забывая о других, гораздо более нам близких: европейском векторе (преимущественно Римо-Христианском) и Индо-Иранском, ещё более глубинном векторе индоарийской цивилизации. Но без исцеления ядра христианской цивилизации, по крайней мере в нас самих, мы едва ли найдём в себе достаточные силы двигаться дальше.

Возможно, дело дойдет и до того, что сама Россия останется единственной настоящей Европой будущего, и здесь нам придётся принимать европейских беженцев из захваченной новым квир-большевизмом и исламизмом старой Европы.

В XVIII–XX вв. из окна, прорубленного Петром, к нам хлынула зловонная муть антихристианского «просвещения» — вековых нагноений уже умирающей Европы. Возможно, в XXI веке вектор истории станет обратным. И уже нам придётся нести в Европу очистительные смыслы, освобождая её от новой «большевистской» чумы. А возможно — и готовить последний очистительный Крестовый поход. И воевать нам придётся тогда уже не с немецкими рыцарями и не с Чингисханом-Батыем, а с реальностью, едва ли не постчеловеческой… XX век любил демонизировать врагов, но в наше время враг и правда начинают обретать уже откровенно демонические черты. «Дьявол вышел без маски в мир», — говорил ещё Гоголь. **За прошедшие 200 лет дьявол проделал большую работу по погружению мира в инферно. Сегодняшняя глобалистская элита и те ультралевые идеологии, которые она транслирует вниз, уже и правда не имеют в своей природе почти ничего человеческого**. Англосаксонская жажда мирового господства, банкирские сверхкапиталы, жадное могущество ТНК — это квинтэссенция зла, противоположная всякому народному духу, всякой национальной идее — английской, немецкой, русской, еврейской, китайской, какой угодно. И если завтра нам действительно придётся выходить на бой с этим драконом, то союзниками нашими могут стать представители всех наций и народов, не утратившие традиционных начал и национальных смыслов… Ибо выходить на бой нам придётся уже с самим люциферианским духом зла, который, уничтожив почти всё человеческое в человеке, желает теперь пожрать само человечество… Вот это будет уже по-настоящему мессианская война — война со зверем, выходящим из бездны. И тогда рыцари, побеждённые некогда Александром, возможно, оттают изо льда, всплывут со дна Чудского озера и встанут в наши ряды… И воины Чингисхана, восстав из песков, которые их погребли, тоже окажутся с нами. И сам Александр Невский будет нашим знаменем. Вот так, быть может, следовало бы нам разгадать сегодня код Александра Невского?

В заключение посмотрим на Александрийский столп, ставший символической осью Дворцовой площади имперской столицы. Монумент, воздвигнутый Николаем Первым в честь победы его старшего брата Александра над Наполеоном и увенчанный фигурой ангела, — является прекрасной иллюстрацией к нашему разговору. (Кстати, установка колонны на пьедестал и открытие памятника состоялись 30 августа, в день перенесения мощей благоверного князя Александра Невского в Санкт-Петербург и главный день празднования святого). Памятник отсылает не только к Александру Первому и Александру Невскому (в одном из проектов колонна должна была увенчаться его фигурой), но и к Вандомской колонне Наполеона, которую он превосходит высотой, и к колоннам Траяна и Антонина в Риме и Помпея в Александрии… В нём, таким образом, заключена вся история имперского Рима. История, увенчанная и бессмертным пушкинским «Памятником», завершающим каменноостровский евангельский цикл и представляющим собой, в свою очередь, пасхальный гимн победы человеческого духа над смертью.

/ Александр ЕЛИСЕЕВ /

Код Героя

В своей работе «Хронологические выписки» Карл Маркс коснулся борьбы князя Александра Невского с тевтонскими и ливонскими рыцарями. При характеристике западных агрессоров он использовал выражение «Reitershunde». Его перевели как «псы-рыцари», и оно стало широко распространённым фразеологизмом. Потом выяснилось, что перевод был неправильным и марксово выражение следует переводить так: «конный сброд» или «рыцарский сброд».

На самом деле показательно не то, как перевели. Показательно то, что само словосочетание «псы-рыцари» плотно вошло в общественное сознание русских людей. Здесь, как очевидно, был выражен некий **глубинный архетип**, который и пробудился после «неправильного» перевода и «вброса» указанного словосочетания в сознание людей. Что же это за архетип?

«ЦАРЬ-СОБАКА»

Все помнят бессмертный эпизод из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», когда «и.о. царя» Бунше очень не понравилось определение, данное «крымскому царю». Последний был обозван собакой. К слову сказать, и сам Бунша был охарактеризован как «**сукин** сын, самозванец».

Характерно, что «царём-собакой» называли весьма интересного персонажа былин — Ка́лина. Его там именуют «татарским царём», но это уже «исторические напластования». В былинах всё гораздо глубже. Имя самого **Калин**а этимологизировали на самый разный лад, наиболее популярна «тюркская версия». Но на более глубинном, «мифологическом» уровне его можно связать с **Калин**овым мостом, который находится над огненной рекой Смородиной. Ведёт этот мост в Навь — царство теней, славянский Аид. Там обитает змеевидное Чудо-Юдо, которое противостоит русским богатырям на Калиновом мосту.

Очевидно, что здесь два образа царя. В корпусе русских духовных стихов, известном как «Голубиная книга», говорится:

«У нас Белый царь — над царями царь.
Почему ж Белый царь над царями царь?
И он держит веру крещёную,
Веру крещёную, богомольную,
Стоит за веру христианскую,
За дом Пречистыя Богородицы, —
Потому Белый царь над царями царь...»

Перед нами ещё один образ царя, так сказать, положительный. Что же данные образы выражают? Здесь следует поговорить на философском языке, который приемлем как для мистиков, так и для рационалистов. Белый царь — это Царь Мира, которого разные традиции знали под именами Вайшванары, Мельхиседека и т.д. Это есть **бытийный полюс** нашей реальности, абсолютный Субъект, тотальный Центр. В то же время Калин-царь есть **«полюс» небытийный**, абсолютный (но агрессивный) Объект, тотальная Периферия.

Древние знали о наличии данных полюсов и выражали это знание в мифопоэтических образах. Калин — именно «собака-царь», и это заставляет вспомнить о змее-псе Кербере, сторожащем вход в Аид (Навь). В эллинской традиции Кербер — хтонический пёс, охраняющий царство теней. Его обычно представляют, прежде всего, именно псом, но он является одновременно и змеем. Кербер — сын драконоголового Тифона, волосы на голове и спине у него состоят из змей, он обладает хвостом-драконом, которым жалит. Кроме того, у охранника Аида три головы, что роднит его с драконами, а из пасти у него капает ядовитая слюна.

У Кербера есть египетский аналог — чудовищный Амт, сторожащий врата Аменти. Он же пожирает души на суде у Осириса. У него собачье тело, а голова — крокодила и бегемота. Показательно, что у Кербера, как и у Амта сливается воедино змеиное и собачье.

Кербер имеет аналог в скандинавской традиции — это чудовищный четырёхглазый пёс Гарм, порождение коварного бога Локи и великанши Ангброды. Во время Рагнарёка, конца мира и последней битвы, это чудовище загрызёт бога Тюра и погибнет само. Однако скандинавы знали и о другом хтоническом персонаже — мировом Змее Ерманганде, которого также породили Локи и Ангброда. Этот космический Змей опоясывает землю. Представляется, что изначально Пёс и Змей были единым персонажем, но потом образ раздвоился.

Космический змеепёс **опоясывает** Землю, и данный пояс есть абсолютная Периферия и тотальная Объектность. Последняя активно поглощает весь мир, убивая его Субъектность. Она как бы инициирует всеобщий космический и социальный каннибализм. Известно, что одни галактики «пожирают» другие. Так, Туманность Андромеды в настоящий момент с «аппетитом» поглощает свою соседку, а потом примется и за Млечный Путь. На социальном же плане происходит эксплуатация, когда из людей-субъектов вытягивают материальные средства и жизненные энергии. Частенько, впрочем, каннибализм буквален. (К слову, о Калине-царе, — само слово «каннибал» означает именно «пёсьеголовый» — от слов «канн», «канис» — «собака» и «бал» — «голова», «шар».) Имя «Кербер» имеет много этимологических «расшифровок», однако сами греки производили его от слов χῆρες («души умерших») и βιβρώσχω (**«пожираю»**).

Крайне интересен сюжет о том, как Геракл, сын Зевса-Громовержца, одолел Кербера и вывел его из Аида на свет (потом змеепёс отправился обратно). Он схож с сюжетом о противоборстве Тора-Громовержца с Ермунгандом — тогда Змея подняли из вод, потом расплющили ему голову, но он всё равно остался жить в своих глубинах. Судя по всему, здесь сообщается о том, как некогда Змею был нанесён некий серьёзный

ущерб. Возможно, это было наступление Века Героев, о котором сообщает Гесиод и которое временно обратило вспять процесс деградации. (Характерна этимологическая близость слов «**гер**акл и «**гер**ой».) До этого всё катилось вниз, Золотой век сменился Серебряным, потом — Медным. Но инволюция была приостановлена и отчасти обращена вспять Героями (Геракл — как раз Герой). В настоящее время имеет место последний, Железный век. (Любопытно, что индоарии называют его **Кали**-югой, что заставляет вспомнить имя **Кали**н.)

«Нашего» змее-пса русских былин, «царя-собаку» Калина, одолевает Илья Муромец — наш Геракл. Но есть другая сюжетная линия, где Чудо-Юдо одолевает Иван — крестьянский сын. И вот — поразительное совпадение: последний имел прозвище «**Кал**линик-победитель» (на это обратил внимание исследователь Л. Гурченко). Безусловно, такие совпадения не случайны и уходят в глубокую-глубокую древность.

Продолжая тему «пса» («смердячего» — это определение звучит и в упомянутом выше фильме), нужно вспомнить о собачьих головах на сёдлах опричников. Это можно интерпретировать как символическую готовность уничтожать «пёсьеголовых», под которыми следует понимать всякую нечисть, пытающуюся разрушить Царство. К слову, на лицевых апокалипсисах той эпохи Гог и Магог (предводители войска антихристова) изображены во главе людей с пёсьими головами. В «Откровении Мефодия Патарского» предсказано: «В последние дни перед концом мира Гог и Магог выйдут на землю Израильскую. Это цари языческие, которых закрыл царь Александр с северной стороны <…>, и все, людоедами называемые, имеющие пёсьи головы <…>. Ибо люди <…> есть начнут плоть человеческую и кровь пить, как воду. И эти люди растлят землю и осквернят её».

Очень показательно, что великий правитель Древнего мира и средневековый князь носили одно имя — «Александр». И оно переводится как «защитник людей».

ПОБЕДА НАД ЧУДОВИЩЕМ

Поразительное (и далеко не случайное) совпадение — русский князь Александр Невский был канонизирован в 1547 году, во время царствования именно Ивана Васильевича Грозного. Сам князь — воин и правитель, давший первую битву на реке **Нев**е (ср. со словом «**Нав**ь»). Тут необходимо вспомнить о реке **Смор**одине (ср. со «**смер**дящим»), отделяющей мир живых от мира мёртвых (Нави). Она же в русских былинах — «**Нев**а-река **самор**одная», именно туда князь Демьян бросает правую руку своей жены с золотым кольцом. Как раз через эту реку и ведёт **Кал**инов мост, на котором было побеждено Чудо-Юдо.

На **Нав**ьей реке князь Александр остановил европейских варваров, не дал им символически пройти через реку **Смор**одину, не позволил западным псам проникнуть в наш, Русский мир.

А на **Чуд**ском озере князь уничтожил псов-рыцарей, загнав их под лёд, подобно тому, как Александр Македонский «закрыл» орды Гога и Магога. Здесь на память сразу приходит «Чудь белоглазая». (Этот «народ» не следует путать с названием финно-угорских этносов.) Как очевидно, тут налицо этимологическая связь со словами «**чуд**о» и «**чуд**овище». Можно предположить, что речь идёт о неких древнейших сообществах, возникших в результате своего рода «мутаций», вызванных различными чёрномагическими экспериментами.

Не исключено, что данные эксперименты происходили в эпоху древнейшей «феминократии», о которой пишут многие исследователи, например М. Гимбутас. Вот что сообщает северогерманский хронист Адам Бременский (XI в.): «Говорят, где-то на берегах Балтийского моря обитают амазонки, их страну называют теперь раем женщин. Иные рассказывают, что амазонки становятся беременны, выпив воды. Другие говорят, что они зачинают либо от проезжих купцов, либо от тех, кого берут в плен, либо, наконец, от чудовищ, которые в этих землях не редкость. Последнее, полагаем, наиболее вероятно. Когда дело доходило до родов, то оказывается, что, если плод мужского пола, это киноцефал, а если женского, то совершенно особая женщина, которая будет жить вместе с другими такими же, презирая общение с мужчинами. Если же в их край приезжает какой-нибудь мужчина, они изгоняют его совершенно по-мужски. Киноцефалы — это те, которые носят на плечах [пёсью] голову. Их часто берут в плен в Русии, а говорят они, мешая слова и лай».

Существует легенда, согласно которой «чудь ушла под землю». Она вырыла большую яму с земляной кровлей на столбах. Потом «чудь» подрубила данные столбы и захоронила себя. По сообщению сибирских легенд, «чудь» ушла под землю, когда зацвели белые березы. В этом она увидела признак приближения Белого царя. И в нём можно, с полным обоснованием, увидеть персонифицированный образ бытийного полюса мира, побеждающего силы «полюса» небытийного.

В данном плане весьма интересно обратиться к данным письма пресвитера Иоанна (в русской версии — царя-попа Ивана) византийскому императору: «Наша земля является домом… рогатых людей, одноглазых людей, людей, у которых глаза есть и спереди, и сзади, кентавров, фавнов, сатиров, пигмеев, гигантов высотой сорок локтей, циклопов и подобных женщин; это также дом феникса и почти всех существующих зверей. Некоторые из подвластных нам людей едят человечину и выкидыши животных и не боятся смерти. Когда кто-либо из них умирает, его родственники и друзья с жадностью пожирают его тело, потому что считают своей главной обязанностью

съесть человеческую плоть. Вот их имена: Гог и Магог, Ани, Агит, Азенах, Фоммепери, Бефари, Коней-Самант, Агримандры, Винтефолеи, Казбеи, Аланеи. Эти и подобные им народы **Александр Великий заключил за высочайшими горами на севере**».

Как представляется, здесь имеет место указание на некое архетипическое событие, в результате которого были побеждены и усмирены зверочеловеческие сообщества.

Однако же в самом Конце Времён инфернальное, зверочеловеческое начало вновь пробудится, и тогда Гог и Магог со своими ордами вновь вырвутся на свободу, как это и предсказано в «Откровении Мефодия Патарского».

Образ **пресвитера** Иоанна, царя-**попа** Ивана, заставляет вспомнить Русского Государя и (по соборной грамоте константинопольского патриарха Иосафа и восточного духовенства) Вселенского Царя, царя-игумена — Ивана (Иоанна) Васильевича Грозного. Его Опричнина и есть образ Сокровенного Царства, которое находится одновременно внутри и опричь (вне, снаружи) — Земщины, земли. И это опричное, сокровенное царство пленяет и обезвреживает «псов **смердящих**» — тех «элитариев», которые хотят подмять царскую власть и примучить «простой люд». Стоит снова напомнить, что воины-опричники разъезжали с привязанными пёсьими головами. Этим они символизировали победу и над современными им псами, и над теми «пёсьеглавцами», которые вырвутся из плена Царя Мира в самом конце времён.

Вообще, всё опричное царствование пронизано глубочайшим эсхатологическим символизмом.

Сам же Грозный Царь символизирует и Царя Мира, и Последнего Царя. В «Апокалипсисе Даниила» («Житие Андрея Юродивого») предсказывается, что в Константинополе будет царствовать «царь от нищеты», ревнитель Правды, который «брань устранит и нищая богаты створит… и боярам… творящим беззаконие сотворит показнь». И этот царь-избавитель представляется спящим мёртвым сном — где-то «за морем, на островах — нищим и убогим». Это будет великая консервативная революция Пробуждённых, возвращение Государя — по-русски. Тогда же будет битва с людьми-чудовищами, которые выйдут из глубин. И с теми людьми, которые станут мало отличимыми от чудовищ.

«Не в Силе — Бог, а в Правде» — так сказал Святой князь Александр Невский, указывая на то, что Кривда — космическая Сила, Рок, Змей, тотальная Периферия, агрессивный Объект. (В то же время Правда — бытийный полюс мира.) Собственно, это и есть Калин-царь — Собака. Именно символизм сокрушения «псов смердячих» позже выразят опричники, сражающиеся с изменниками, поборниками «западных ценностей».

МИСТЕРИЯ ЛЬДА И СОЛНЦА

Как известно, псы-рыцари утонули в водах Чудского озера, их веса не выдержала ледяная твердь. И в этом тоже заметен архетипический символизм. Вода символизирует изначальный хаос творения. В «Книге Бытия» сказано: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Здесь имеется в виду некая первоматерия (materia prima), сотворённая до создания оформленных «вещей» (materia secunda). Эти хаотические воды разделяются на нижние и верхние, о чём ещё будет сказано ниже. А разделяет их небесная твердь, которая, по утверждению выдающегося православного космографа Косьмы Индикоплова, создана именно изо льда. Поэтому, для уяснения архетипической сути

Ледового побоища, необходимо коснуться основ космогонии Традиции.

В русских сказаниях описывается бел-горюч Алатырь-камень, который «всем камням мати». Находится он на острове Буяне — посреди «моря-окияна», и там центр всего мира. Из-под этого камня вытекает чудесный источник, исцеляющий и питающий весь мир. Причём в некоторых сказаниях Алатырь-камень расположен у реки Смородины.

Как представляется, Алатырь-камень и есть та твердь, о которой рассказывает «Книга Бытия»: «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй».

«Нижние воды» — это та самая вода, над которой носился Дух тогда, пока земля была безвидна и пуста. «Верхние воды» — это Навь, мир тонких форм, регион Души, но не райско-ангелического Духа. Это пространство сплошной витальной энергии, причём внутри каждого человека есть такая энергия — душа («яростно-желательное» начало). Есть у него и дух — начало сверхинтеллектуальное.

Мир верхних вод — это мир Психеи, регион Чистого Движения, чьим символом является сверхподвижность и ликвидность воды. Это некий «высший», «светлый» хаос, не имеющий даже собственного центра. (В индоарийской традиции центром промежуточного мира — Бхуваса — выступает центр земного, плотного мира — бог Агни.) Указанный регион представляет собой одну сплошную Периферию, каждая его точка — конечный пункт перманентного движения. Его онтологическая функция заключается в том, чтобы оживотворять плотный, физический мир, быть его витальной энергией. Он может оборачиваться как жизнью, так и смертью. Там же, в качестве некоего сегмента, находится инферно — мир ангелов, выпавших из райской полноты Духа.

Твердь, которую символически выражает наше земное небо, минимизирует и сдерживает хаос, отделяя низшие воды от высших. Она же побуждает последние выполнять важную онтологическую функцию, оживотворяя наш мир. Нижние же воды нужны для того, чтобы человек имел некую возможность «спускаться» вниз, иначе он был бы просто марионеткой Абсолюта, не способной на выбор.

Вот этой самой твердью и является Алатырь-камень, расположенный в центре мира, посреди «окияна», символизирующего разделённые воды. В острове Буяне следует видеть изначальную, полярную Гиперборею, царство Золотого века. Он **Буян**, то есть **буйн**ый, потому что граничит с регионом чистого и абсолютного Движения. Точнее сказать так — речь идёт о некоей области Гипербореи, которая ближе всего к навьей стихии. И вполне логично, что именно в этой области и находится Алатырь-камень — твердь, разделяющая воды хаоса. Некогда произошла ужасная метасоциальная катастрофа, в результате которой большинство гипербореев

вынужденно покинули свою полярную родину. Остались там только праведные рахманы русских сказаний. Гиперборея стала недоступной и незримой, античный автор Пиндар утверждает, что туда нельзя найти дорогу «ни сушей, ни морем». Впрочем, немногим всё же позволяется не только узреть, но и попасть в царство рахманов. Полярную страну окружают полярные же льды, символизирующие разделяющую твердь Алатырь-камня. Таким образом, Гиперборея уберегается от хаотических вод деградирующего социума.

Алатырь-камень охраняют змея Гарафена и птица Гагана. Первая загадывает загадки путникам и убивает тех, кто не способен отгадать. Здесь явная параллель со Сфинксом, который символизирует зверочеловеческое начало. В то же самое время Гагану можно связать с началом духовным, которое устремлено ввысь. Налицо некая двойственность региона, который является пограничьем между двумя «хаосами». Алатырь подвержен воздействию региона Души, который он отделяет от изначального хаоса. Но сам Камень пронизан высшими, райскими влияниями, его функция именно духовная, «ангелическая».

На Руси Алатырь-камень почитался даже и в довольно-таки поздние времена. Так, немецкий путешественник Адам Олеарий в своём «Описании путешествия в Московию» (XVII в.) сообщает: «В далёкие времена пришли на Москву странники от самого Белого моря и принесли с собой бел-горюч камень Алатырь. Камень был разбит на девять частей. По легенде, в основе границ Московии лежат эти девять осколков камня Алатыря. И схоронены они в стенах девяти городов: Коломны, Серпухова, Дмитрова, Тулы, Волоколамска, Вереи, Наро-Фоминска… Русские верят, что нет на свете более могучего оберега, нежели осколки Алатырь-камня, от войны и иноземного нашествия, а также от мора и других злых бед».

Показательно, что осколки священного Камня располагали именно на границе. Это ещё раз свидетельствует о его «разграничительной», так сказать, роли.

В геополитическом плане Твердь Алатырь-камня символизируют государства, в первую очередь крупные и континентальные. Для них характерна «речная цивилизация», предполагающая опору именно на речные коммуникации. Сама Река символизирует усмирение и заточение воды, она подобна покорённому Змею. (Русские мифы повествуют о том, как некий Кузнец победил и обуздал Змея, заставив его пропахать Змиевы Валы.) Россия являет собой ярчайший пример крупного континентального государства.

Против государств, особенно континентальных, выступает глобальный транснациональный капитал, который так же ликвиден, расплывчат и хаотичен, как и мировые Воды. Он символизируют низшие Воды Хаоса и старается размыть государственную Твердь держав.

Экспансия западных псов-рыцарей прообразовала более позднюю экспансию западного капитала. И она же символически выражала агрессию инфернальных существ, пытающихся прорваться в наш мир с той стороны Калинова моста. К слову сказать, в индоевропейской традиции на Западе находилась страна мёртвых. Сам **Зап**ад — это сторона Заката, именно туда **зап**адает Солнце. И Солнце же ослабило ледяную твердь Чудского озера. Псы-рыцари были ориентированы на Навье инферно. И Солнце отправило европейскую «Чудь» в холодную пучину вод.

Сама тема весеннего Солнца выводит нас на тему русского «космизма». И здесь нельзя пройти мимо имени первого в мире космонавта. Имя «**Юр**ий» очень близко к слову «**Ир**ий» — так назывался духовный Рай у славян, который следует отличать от душевной Нави. Оно близко и к теониму «Ярила», который был именем древнерусского бога весеннего Солнца. К слову сказать, сам **Яр**ила назывался еще и **Юр**илой. После христианизации его культ оказался интегрирован в культ Святого Георгия Победоносца, где и «растворился». Именно поэтому связывают имена «Юрий» и «Георгий». Точнее говоря, между этими именами изначально была некая мистическая связь, которая и привела к соединению двух культов. Существует также версия, согласно которой основатель великой русской династии Рюрик был не язычником, а христианином, причём в Крещении ему дали имя Георгий. Любопытно, что есть и такой вариант имени этого князя — **Ер**ек. И здесь снова заметна этимологическая связь с Ярилой-Юрилой-Юрием. Также можно вспомнить **гер**оического **Гер**акла — там тоже основа «**ер**». (Касаясь имени Гагарин, можно вспомнить и про птицу Гагану.)

Понятно, что Гагарин просто должен был совершить свой высокий космический полёт именно в апреле, который есть месяц Ярилы и Георгия Победоносца. Точно так же, как и Сталин должен был взять Берлин 23 апреля по старому стилю, в день Георгия Победоносца. При этом сама столица рейха сгорела в огне русских танков и захлебнулась в водах, затопивших берлинский метрополитен. Так же 5 апреля 1242 года в воды Чудского озера погрузились псы-рыцари, которых не выдержал лёд, истончившийся под огнём весеннего, Ярилиного солнца. Гитлер считал, что его война с Россией отражает борьбу двух стихий — Огня и Льда. Но, как и в 1242 году, эти стихии объединились против германцев — в 1941 году, когда на замёрзшую гитлеровскую армию обрушилась огневая мощь сибирских дивизий, идущих с востока на запад, подобно Солнцу.

Архетипический код Александра Невского можно «расшифровать» следующим образом. Князь символизирует собой Белого царя, Царя Мира, Он, как и Александр Македонский и Иван Грозный, также символизирует Героя, который противостоит демоническим ордам Гога и Магога, сдерживая натиск инфернальных сил.

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Икона русской истории

В православии существует особый иконографический тип, называемый «икона с клеймами», или «житийная икона». В центре её «средник» — большая икона святого, а по краям — «клейма»: малые иконы, изображающие фрагменты его жития. Русскую историю можно представить в виде иконостаса таких житийных икон равноапостольного князя Владимира, преподобного Сергия Радонежского, преподобного Серафима Саровского — тех святых, к которым всегда обращались на новом витке истории, на чьих иконах каждая последующая за их земных житием эпоха возникала иконописным клеймом.

В этом житийном иконостасе особое место занимает святой благоверный князь Александр Невский. В нашей истории он неизменно появлялся в пору великих испытаний и одновременно великих свершений. Так, в год Куликовской битвы произошло обретение мощей Александра Невского, и промыслительно ратники, благословлённые Сергием Радонежским, увидели над полем брани князя на белом коне, ниспославшего своё небесное благословение.

1547 — год канонизации Александра Невского. Это и год кончины Ивана Грозного, который молился князю в пору присоединения Казани, который назвал его в письмах Курбскому первым «великим государем», храбрым правителем, «иже над безбожными немцы победу показавшим».

Эпоха Петра I — время не только грандиозных реформ, но и прочного державного преемства. В подтверждение тому в Петербурге был построен Троицкий собор, подобный собору в «обители преподобного Сергия». В Петербург же в 1774 году были перенесены мощи благоверного князя Александра — державного строителя, того, кто первым не отыскал, не отворил, а именно «прорубил» русское окно в Европу. Указуя на сакральную связь двух правителей, в «Слове в день святаго благовернаго князя Александра Невскаго» Феофан Прокопович назвал Петра Великого «живым зерцалом» святого.

Образ благоверного князя вновь возникает накануне и в период Великой Отечественной войны: хрестоматийные фильм Эйзенштейна, кантата Прокофьева, портрет работы Корина. Несправедливо была отодвинута на второй план нашей культурной памяти поэма Константина Симонова «Ледовое побоище» (1937). В постсоветское время её вероломно назвали «политической агиткой», увидели в ней нечто поверхностное и ходульное. Но именно эта поэма, с чёткими историческими параллелями, наиболее явственно даёт понять причину предвоенного обращения именно к образу Невского. Финал «Ледового побоища» — по-прежнему актуальное предостережение всем нашим недоброжелателям:

За годом год перелистаем.
Не раз, не два за семь веков,
Оружьем новеньким блистая,
К нам шли ряды чужих полков.

Но, прошлый опыт повторяя,
Они бежали с русских нив,
Оружье на пути теряя
И мертвецов не схоронив.

В своих музеях мы скопили
За много битв, за семь веков
Ряды покрытых старой пылью
Чужих штандартов и значков.

Как мы уже тогда их били,
Пусть вспомнят эти господа,
А мы сейчас сильней, чем были.
И будет грозен час, когда,

Не забывая, не прощая,
Одним движением вперед,
Свою Отчизну защищая,
Пойдёт разгневанный народ.

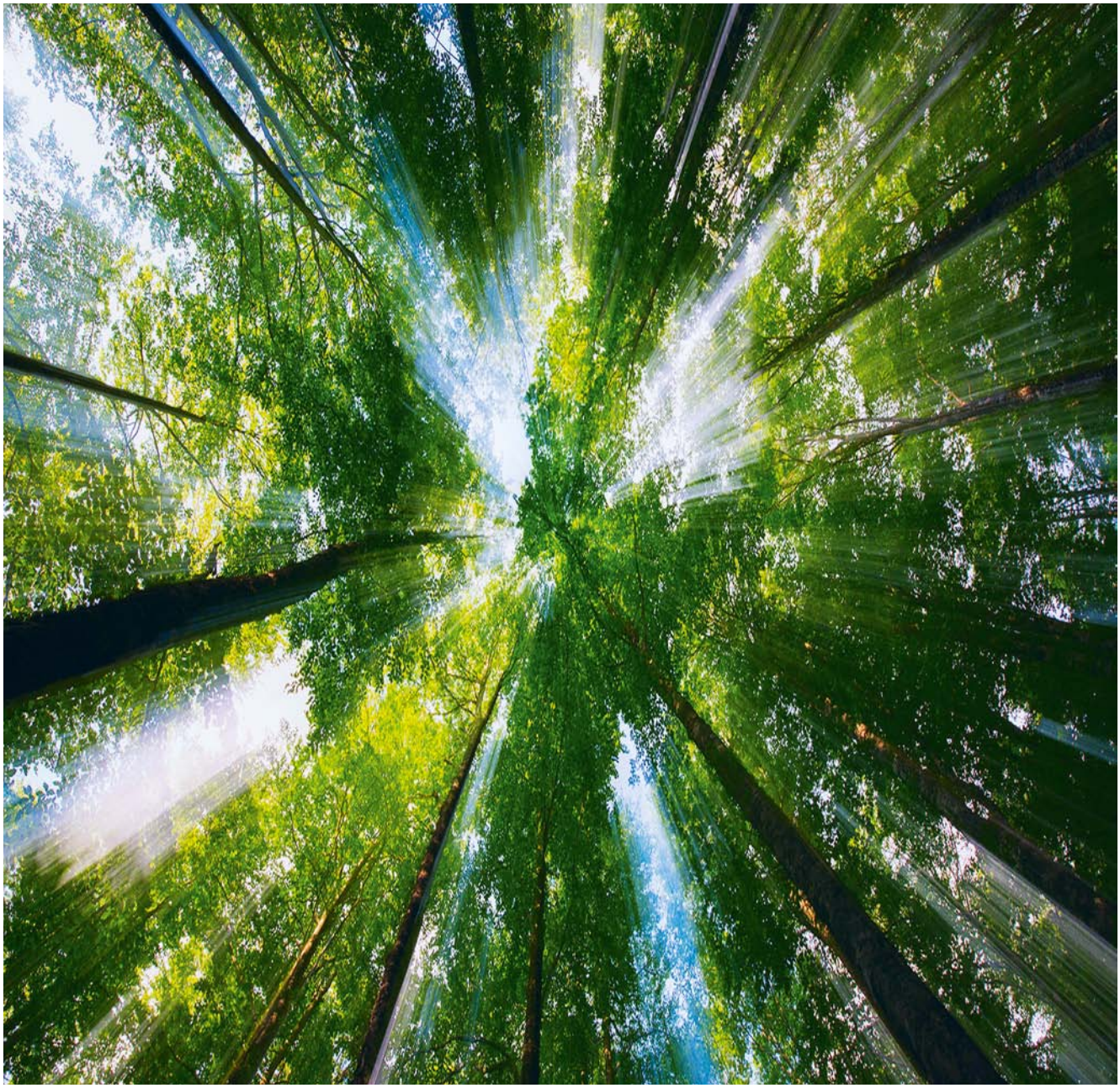
Вот уже восьмой век перелистываем мы со дня рождения Александра Ярославича. И именно теперь, в последнее десятилетие, мы с особенно горячим сердцем обращаемся к нему. 800-летний юбилей — лишь календарный повод провести серию мероприятий, осуществить давно задуманные благие дела. Глубинная причина обращения к Невскому — в другом, её сложно выявить аналитически, объяснить рационально, здесь нужен образ, нужна метафора.

Известно, что свой земной путь Александр Невский завершил пострижением в монахи. В этом обряде есть особенно сложное испытание для постригаемого: он должен трижды поднять постригальные ножницы в знак полной готовности к совершаемому духовному подвигу. Так вот, сегодняшней России, чтобы не изменить себе, предкам, своей вере, предстоит трижды поднять ножницы. Первый раз они уже упали. Сердце России замерло, она в сомнении, в искушении, ей тяжело отречься от соблазнов мира сего. Но крепкая десница князя-воина поднимает ножницы, князь говорит России, что впереди вновь великие испытания, но за ними придут и великие свершения. Это говорит тот, кто не отменил собой ни одной эпохи русской истории, кто стал символом непрерывного русского времени.

В начале 90-х годов владыка Иоанн (Снычёв) пришёл в газету «Советская Россия» и сказал: «Нет ни красных, ни белых — есть русские люди». Быть может, спасительные слова открылись митрополиту Санкт-Петербургского и Ладожскому по молитвам святому Александру Невскому.

«Нет ни красных, ни белых, нет ни допетровской Руси, ни петровской России, ни старообрядцев, ни никонианцев — есть русские люди, есть вечное Отечество», — говорит нам сегодня Александр Невский.

Святый благоверный великий княже Александре, моли Бога о нас!



/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Революция сверху. Последний шанс

Для полноценного счастья человеку, помимо его личного преуспеяния, необходимы также: удовлетворение положением своего народа и культуры, реализация их чести и достоинства, ощущение торжествующей в мире справедливости.

ИСХОД ИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ «ПУСТЫНИ»

Выработка формулы современной идеологии России, той идеологии, которая утвердится у нас в XXI веке, — это то, ради чего создавался Изборский клуб. Как клуб мы существуем уже практически девять лет, и, конечно, идеологические вопросы мы неоднократно поднимали. Но в таком виде, как работа над интегративной, собирающей и консолидирующей нацию идеологией, пожалуй, мы как клуб впервые беремся за данную, крайне важную для нас тему. Идеология должна быть явлена на выходе в абсолютно концентрированном, лапидарном виде.

Сегодня мы как государство, как народ находимся на решающем историческом переломе. По статье 13 Конституции у нас сохраняется запрет на ведущую идеологию, при этом допускается многообразие идеологий. Однако по своей сущности идеология является функцией социально-политической картины мира. Это некая целеустремленная система, которая направлена либо на сохранение, либо на изменение и развитие, либо на адаптацию социального порядка. Идеология — это всегда работа с социальным порядком. Если существует какая-то картина мира у правящей элиты, значит, есть и ведущая идеология, и не важно, называется она так или не называется. В этом смысле ведущая идеология существует всегда и везде, где есть государство.

Поэтому сам по себе данный конституционный запрет не с юридической, а с сущностной, философской точки зрения либо абсурден, нарочито безграмотен, либо же лицемерен. Этот запрет де-факто загоняет идеологию в закрытое пространство, в своего рода «подполье», делая её властью тайной мысли, а не открытой системой управления смыслами всего общества. В 1993 году этот запрет оказался «органичным» для квазиколониального государства. Это была идеология радикального либерализма компрадорского, хищнического типа. Её отличали такие черты, как делёж наследства того государства, на обломках которого возникала новая Россия, перекраивание, разбазаривание всех накопленных им ценностей и мощностей, узаконивание геополитического распада СССР, ломка национальной ментальности, ограбление большинства. Поэтому и объявлять об этой идеологии вслух, пытаться сделать её неким общественным консенсусом — было бы со стороны тогдашних властных элит безумием. Она и должна была быть негласной, подспудной, скрытой за пазухой или в рукаве — стратегическим оружием против большинства, оружием в руках меньшинства, предавшего это большинство.

Многие делают неверный вывод, что идеологии вообще не было — действительно, если рассматривать как эталон идеологии марксизм-ленинизм и советскую официальную практику, её как будто бы и не было. Но по контрасту с советским периодом идеология 90-х, идеология ельцинской России была её антиподом, движением маятника к обратной крайней точке. Эта идеология работала на отталкивание от прошлого, от традиции, в моей терминологии это была попытка добиться заведомо невозможного — институционализировать Смутное время.

В таком состоянии государство существовало как минимум девять — десять лет, а затем медленно началась эволюция. Некоторые сейчас упирают на то, что это была эволюция от либерализма к консерватизму. На самом деле, конечно, нет. Мы пришли к либеральному консерватизму, который возобладал в нулевые годы. Недаром его главным лозунгом была стабильность. Это как раз классическая характеристика либерального консерватизма.

Что это означало де-факто? Какой посыл получало общество в результате этой новой идеологической мутации? Это был посыл жить «как все». Это был посыл создавать обывательско-потребительский формат существования. Это был курс, если говорить прямым текстом, на прозябание. Ведь если мы делаем ставку на обывательско-потребительский формат, это значит, что мы проигрываем перед другими цивилизациями, которые данный формат реализовали успешно до нас. А мы туда встраиваемся для того, чтобы культивировать этакого пассивного, в идеологическом плане, человека. Либеральный консерватизм также был разновидностью лицемерия: для одних он означал стабильность офшорного капитала как разграбления страны, для других — стабильность убогого и бесперспективного существования с продолжающимся увяданием человеческого потенциала страны. При этом Россию как цивилизацию либеральный консерватизм не видит, не признает.

Какой рубеж мы переживаем сегодня? Здесь я перехожу к вопросу о знаке смены эпох. Мне кажется, что смысл деидеологизации был не только в том, чтобы выкорчевать советскую идеологию, но и в том, чтобы не допустить возрастания каких-то других идеологических эмбрионов, которые могли бы стать альтернативами этой либеральной утопии коллективного вхождения меньшинства предателей-компрадоров в Европу.

В моём понимании то, что власть и политическая элита в России обращается к идеологическому творче-

Динамический консерватизм — это не воспроизведение того, что происходило раньше, не самоповтор, а регенерирующая сила цивилизации. На практике это означает, что мы вместо «стабильности» или стагнации создаём своего рода кентавр ортодоксии и инноваций. И вот этот кентавр в XXI веке и будет основным обликом новой идеологии.

ству, — знак расставания с наследием Смутного времени, преодоления его коренных последствий. И сегодня речь должна идти о творчестве сверху. Это очень изборская постановка вопроса — добиться изменения атмосферы в обществе и во власти сверху, то есть через духовно-интеллектуальную сферу, через мечту. Понятно, что речь идёт о переломном времени, когда мы ставим вопрос о возвращении в историческое пространство империи. Называя вещи своими именами, фактически речь идет о революции сверху. (Возможно, это последний шанс на такую революцию, поскольку Россию в ближайшее время будут испытывать на прочность с утроенной силой.)

В недавней речи в Давосе Путин, вероятно, уже в последний раз отправил нашим «партнёрам» фразу: мы с вами одна цивилизация. Это своего рода прощание с предыдущим идеологическим этапом. На самом Западе мало кто уже говорит подобными словами начиная с Жозе Баррозу. Как мы знаем, он ярко сформулировал, что Россия — континент, который притворяется страной, или цивилизация, замаскированная под нацию. Многие наши лидеры уже неоднократно говорили о том, что Россия — это особая, самостоятельная цивилизация. Идеология, которую Россия обязательно построит в ближайшие годы и десятилетия, не партийная, не какая-то религиозная или культурологическая, даже не национальная, но именно цивилизационная. Данная идеология связана с глобальной альтернативой, которую Россия несёт в своем неистребимом культурном коде. Поэтому главное в ней даже не столько антизападничество, а просто констатация того, что мы цивилизация-Россия. А значит, по определению, не Запад. Вот этот выход на цивилизационный уровень предполагает, что идеология в XXI веке будет более широким и гибким образованием, чем она была в XX и в XIX веках.

ДИНАМИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

У нас недавно был опубликован материал «Об Изборском клубе пишет заграница»[1] (в газете «Завтра» материал выходил под названием «Люди Мечты»). Там содержится обзор многих материалов, но вот останавливает на себе внимание статья Джульет Фор в довольно популярном и в то же время авторитетном издании «Геостратегия». Там она пишет, что Изборский клуб подтолкнул Путина к созданию нового гибридного идеологического формата, консервативного с ценностной точки зрения и прогрессивного с точки зрения технической. Характеризует этот тип термин «динамический консерватизм». В доказательство своей мысли Джульет Фор приводит цитату из Путина: *«Консерватизм не означает стагнацию, консерватизм — это опора на традиционные ценности, с тем чтобы лучше ориентироваться на развитие»*. Очевидно, спичрайтеры президента читают многие наши работы…

Да, динамический консерватизм действительно может прийти на смену консерватизму либеральному. Это и могло бы стать благоприятным результатом революции сверху, революции долгожданной, выстраданной — и, как кажется нам, людям своего времени, мучительно запоздалой.

В чём суть динамического консерватизма? Динамический консерватизм — это не воспроизведение того, что происходило раньше, не самоповтор, а регенерирующая сила цивилизации. На практике это означает, что мы вместо «стабильности» или стагнации создаём своего рода кентавр ортодоксии и инноваций. И вот этот кентавр в XXI веке и будет основным обликом новой идеологии.

Удобнее всего представить основные параметры этой идеологии в её оппозиции, в её отталкивании от антипода, который де-факто всё ещё доминирует сегодня. Возьмем, к примеру, олигархический либерализм кланово-финансового типа — что мы ему противопоставляем? Солидаризм, солидарное общество с сильными социалистическими элементами.

Космополитизм с опорой на власть крупного капитала — что мы ему противопоставляем? Национализм, но — имперский, национал-патриотизм. У нас мощная национал-патриотическая традиция, её сторонники все эти годы были самой крупной идеологической фракцией в стране, среди политизированных людей. Но она никак не могла консолидироваться. И только под идеологию она консолидируется и реально станет ведущим слоем, потому что и сейчас остаётся самой крупной идейной фракцией в обществе.

Следующий момент. Сырьевая рентная экономика — что мы этому противопоставляем? Технократический традиционализм.

[1] Изборский клуб, 2020, № 10.

С той стороны трансгуманизм — что мы ему противопоставляем? Русский космизм как авангардную идеологию. Трансгуманизм использует понятие «негэнтропия», у него есть целое направление «экстропия». Но у нас совершенно другая негэнтропия, она как раз космистская, — о чем учит, в частности, так называемый ноосферный социализм.

С той стороны — постгуманизм, постгендеризм, неофеминизм, «новое левое» течение, с отрицанием семьи, частной собственности и государства на новом витке развития этих нигилистических идей. Заодно — отрицание классического пола, классического образа человека и всего наследия модерна. Что мы этому противопоставляем? Христианский социализм, лишённый гностической закваски. Под этой закваской имею в виду ту рецепцию гегелевского освобождения индивида как цели истории, которая была перехвачена Марксом и внедрена в социализм. А изначально социализм-то был христианский, но после того, как эта гностическая прививка была сделана, социализм превратился в антирелигиозный, антисемейный, антиродовой и антигосударственный по своему разрушительному потенциалу — и этот взрывной, разрушительный потенциал сделал революцию столь востребованной силами деструкции. Важен был именно разрушительный потенциал, он был замечен плутократией, отсюда её заинтересованность в революции, в том, чтобы оседлать её.

Потом, когда возник реальный социализм, он, конечно, был вынужден адаптироваться и со временем восстановил и семейные ценности, и тем более ценности государства, и даже создал какую-то собственную квазирелигию. Но тем не менее изначально имел место процесс узурпации идеи социалистической радикалами.

Мы исходим из двух аксиом. Первая аксиома — возрождение русской цивилизации. Вторая аксиома — возрождение государствообразующего народа, решение проблемы цивилизационного суверенитета и воспроизводства несущего антропологического типа. Все эти задачи можно решить, только исходя из идеологии восстановления духовного иммунитета и развития на этой основе.

В этом месте я бы сделал небольшое, но важное отступление в связи с темой демографии. В этой области, как показывают неангажированные исследования, основная мотивация связана не с материальными факторами, а с вопросом наличия воли к жизни, наличия витальной силы в людях. В современной демографической политике кардинально недооценён духовный фактор, воздействующий на волевое самоопределение людей. Поэтому хотя власть в последнее время начала наращивать количество мер по поддержке семей и рождению детей, есть самый главный, коренной «больной зуб», отравляющий жизнь многих народов, который не лечат и не вырывают. Это так называемая суицидальная антикультура. Она внедрена уже в Россию, тогда как на Западе господствует.

У нас она стремительно идёт к доминированию, воздействуя на молодёжь через массовую культуру, раскалывая общество на семейную, многодетную часть и бессемейную, бездетную часть. Её, эту суицидальную антикульутру, антикультуру чайлдфри и угасания воли к жизни, — нужно уничтожить. Демографическая стратегия — это системообразующий фактор для идеологии России на данном историческом этапе. Это задача № 1, императив выживания цивилизации. Дело доведено до крайности.

Все разговоры о великом демографическом переходе, о нормальности угасания цивилизованных этносов, о решении этой проблемы за счёт иммиграции — это самая настоящая диверсионная деятельность. Можно спорить о том, какую роль играет проблема перенаселённости и скученности людей в других странах. Но у России здесь иной, совершенно безальтернативный и бескомпромиссный вектор выживания и развития. Вплоть до введения режима чрезвычайного положения в области демографии, подразумевающего чрезвычайные меры, в том числе запретительные, — в отношении тех явлений и моделей поведения, которые противоречат такого рода стратегии развития. Никакого нейтралитета у государства в этом вопросе быть не может, если государство планирует существовать дальше.

МОДЕЛИРУЕМ ОБРАЗ БУДУЩЕГО

В 2000 году вышла наша большая работа «Русский Ковчег», она содержит в себе не только анализ и констатацию сложившейся ситуации — «предпотопного» кризиса, но и предлагает глобальную альтернативу. Мы стоим перед задачей — переплыть опасный участок истории. И в этом смысле идея Ковчега не просто красивый образ.

Ковчег — это сакральный символ. На новом уровне, в переводе на современный язык, опредмечивая старые истины в современных понятиях, в нашем Ковчеге вполне уместны и такие идеологические формулы,

как Третий Рим, Удерживающий, Священный союз Александра I, ялтинский миропорядок Сталина — всё это можно рассматривать как звенья единой цепи. Сегодня, по предложению Проханова, мы можем называть это собирание себя в истории и в культурной памяти Пятой империей. Это приближающаяся, надвигающаяся русская империя, которая обязательно возродится, но при этом нам придётся пройти через большие трудности.

В чём миссия этого государства? У нас очень удачно развивается линия — от Данилевского, через Вернадского, Чижевского, Козырева, сейчас у генерала Ивашова — линия осмысления космопланетарной функции русской цивилизации, функции уникальной. В тезисном виде: особая роль России — это регуляция мирового развития, удержание мира от глобальной катастрофы, поддержание гармонии. Как часть этого — обуздание претендентов на мировое господство.

И здесь мы выходим на проблематику критериев развития человеческого потенциала. В конечном счёте, счастливый человек — это и есть цель интегративной идеологии. Это её, так сказать, заострённый аттрактор. Существует индекс человеческого потенциала ООН. Он явно недостаточен, ущербен. Мы должны создать свой идеал качества жизни, который, помимо здоровья, трудоспособности, долголетия, подразумевает обязательно семью и детей (у тех, кто может по здоровью их иметь), а также — радость жизни, удовлетворённость материальным достатком, но вовсе не изобилие, которое всегда исторически относительно и в каждую эпоху по-разному оценивается. Далее, этот идеал подразумевает низкий уровень нравственных аномалий в обществе — маркеры здесь: количество убийств, самоубийств, брошенных детей и разводов. Следующий пункт в наборе счастья и высокого качества жизни: удовлетворение положением своего народа и культуры, реализация их чести и достоинства. Наконец, ещё один важный элемент — это торжествующая в мире справедливость. Если есть ощущение, что она, может быть, не сразу, но рано или поздно торжествует, — эта черта замыкает основной контур образа счастливого человека. Если мы эти вещи игнорируем, если они вываливаются из модели качества жизни, мы теряем ориентир и в плане цели идеологии.

Нам навязан целый ряд обманных идеологем, разработанных «цивилизацией потопа», как мы её назвали в своей работе. Таково «устойчивое развитие», которое в своём корне, прикрываясь словесами об интересах будущих поколений, озабочено лишь обеспечением интересов мировой банковской системы. Это лукавая идеология сохранения ядра глобальной «антицивилизации», сложившегося основного русла развития, принципиальный статус-кво с точки зрения власти ведущих мировых финансовых кланов.

Так же и демократия в России будущего не должна оставаться «священной коровой», потому что фактически демократия является политическим инструментом — почтенным, законным, но ценным лишь постольку, поскольку его работа направлена на общую пользу. Точно так же понятие «человеческий капитал» следует понимать как проговорку, признак психологии работорговцев. Или, например, «эффективность общества» — это тоже проговорка, потому что она выдаёт взгляд субъекта, внеположного данному обществу, рассматривающему общество как ресурс для достижения своих целей. Таким образом, вот эта стратегия роста ради самого роста (ростовщическая по своему происхождению) не сможет иметь компромисс с нашей будущей идеологией, несовместима с ней.

Ей должна быть противопоставлена совершенно другая, смыслократическая ориентация. В отличие от других цивилизаций русская смыслократия (или идеократия) не эзотерическая, не конспирологическая. Это будет открытая к обществу система, своего рода орден мечтаносцев (новый орден меченосцев) — хранителей стратегических смыслов, цивилизационных кодов и установки на преображение мира в духе и стиле Русской мечты.

Несколько тезисов по экономической идеологии. Для начала необходимо обеспечить финансовое изобилие в стране, чтобы вовлечь в процесс экономических отношений национальные богатства. Главным механизмом видится корпоратизация, призванная разрешить противоречия между частной и государственной собственностью. Цель здесь — солидарное рыночное государство-корпорация, где все граждане являются ассоциированными собственниками большого массива активов данной корпорации. Этот подход предполагает, что сохранится и капиталистический уклад, он будет существовать в разных формах. Но он станет лишь частью большого многоукладного порядка, в котором ведущее место займёт солидарное общество. Резко возрастёт роль учёных, педагогов, экспертов, то есть будет усиливаться меритократическое начало. Возникнет Социум Знания, знания станут критерием социального статуса и мощнейшим политическим фактором.

Соответственно, должна быть построена русская альтернатива цифровизации. Сегодня цифровизация направлена на перераспределение, а не на создание ресурсов. Эта модель современной технократической цивилизации не равновесна, духовно несостоятельна и не способна к самоисправлению. **В центре технократии как модели управления должен появиться духовный, этический стержень**, для того чтобы сама технократия не привела к самоубийству цивилизации.

В советское время было реализовано гениальное решение, связанное с развитием мирного атома. Мы взяли самое страшное, что придумала человеческая цивилизация, и повернули это изобретение лицом

Наш антропологический ориентир — не homo econoticus и не квалифицированный потребитель, а человек достатка. Но можно ещё добавить и этическую формулу: защитник идеала, «добро с кулаками», поборник воинствующей справедливости.

к человеку. Но сегодня стоят точно такие же рискованные проблемы, связанные с безопасным использованием инноваций. Например, огромные риски создают средства повышенной плодоносности или молекулярная генетика. Точно так же, как в случае с атомной энергией когда-то, нам необходимо дать русский ответ на такого рода вызовы. Это должна быть, условно говоря, мирная молекулярная генетика, это должно быть и мирное повышение плодоносности и фертильности. То же самое касается внедрения в производство технологий, связанных с «искусственным интеллектом». Необходимы не просто умные, а мудрые технологии — не подменяющие человека, а нацеленные на служение человеку и предполагающие в своей основе купирование угроз в адрес человека.

Русская цивилизация несёт миссию хранителя классического наследия человечества. И в этом смысле наш образ — не только человек-творец, не только движитель большого развития, но и человек-наследник, человек-хранитель — с упором на мировую классику. У нас в XX веке сложилась великолепная переводческая школа, которая перевела на русский язык почти всю классику, все сокровища мировой литературы, создала мощнейший научные тезаурус. Мы этот потенциал за 30 лет существенно растеряли. Много чего от него ещё осталось, но его нужно срочно восстанавливать и наращивать, потому что только на родном языке, с упором на свой научный тезаурус, можно осуществлять наступательное и упреждающее развитие наук и технологий. Конечно же, учёные должны знать несколько языков, всегда так было и будет, и в каких-то отраслях, где отставание фундаментально, придётся временно ориентироваться на иностранные языки. Но это не отменяет той закономерности, что у ведущей научной державы должен быть свой полноценный тезаурус на родном языке, а это предполагает публикацию всех объективно ценных новинок, научных достижений, перспективных гипотез в русскоязычной периодике и литературе с минимальным отставанием по времени. При современных технологиях решение этого вопроса не столь трудоёмкое, как в советское время. Научный тезаурус и корпус переводных текстов будут интеллектуальным и культурным стволом цивилизации, в том числе и в отношениях с другими культурами. Русский язык должен вернуть себе право на роль ключевого интерпретатора всех смыслов, в том числе и смыслов практических.

Наш антропологический ориентир — не homo economicus и не квалифицированный потребитель, а человек достатка. Но можно ещё добавить и этическую формулу: защитник идеала, «добро с кулаками», поборник воинствующей справедливости. Это русская формула и, думаю, что она должна так или иначе быть отражена в идеологии. Она, кстати говоря, находит своё подтверждение и в современной нашей истории.

В стратегической перспективе на основе деколонизации международного права, очищения его от ползучих привнесений со стороны глобального мизантропического лобби мы будем строить новую систему взаимоотношений государств, в том числе и новую систему взаимопомощи народов.

Для развития евразийского макрорегиона вместе с Россией, с учетом её геостратегических интересов, необходимо выстраивание полноценной союзнической оси Север–Юг, во главе которой окажутся Индия, Иран и Россия. Такой союз решал бы системным образом массу проблем мирового уровня. Насущность этой модели определяется, в частности, экономическими даже, а не только духовными и идеологическими причинами. Содружество по оси Север–Юг положит конец любой форме гегемонии в мире агрессивных союзов, ограничит их возможности в ведении военных действий, создаст возможности развития совершенных технологий — без участия мировой банковской системы, подконтрольной транснациональным центрам. Данное решение подобно разрубанию гордиева узла, подобно выскальзыванию из исторической ловушки, в которую нас загнали. Но данное решение поможет и большинству других государств в мире. Оно позволит снять напряжение, которое возникло по оси Восток–Запад между Китаем и атлантизмом. Заметьте, в центре этой геостратегической крестовины, перекрёстка осей, оказывается именно Россия, что, видимо, не случайно. Это будет огромным облегчением для всего мира, потому что Запад создаёт головную боль для очень многих, особенно для активно развивающихся государств, а противостояние Запада с Китаем эту боль усиливает.

Создав такую систему мировой гармонии и сдерживания агрессии, Россия смогла бы и обеспечить стабильность в целом ряде регионов, в том числе на Ближнем Востоке. Ведь хаос там, противостояние арабов и Израиля, радикалов и агентов Запада возможны именно потому, что нет оси Север — Юг, сдерживающей тех, кто стремится к мировому монополизму. Создание этой оси стало бы гарантией для всех участников этих конфликтов, шансом на мирную жизнь и на то, что их не вытеснят с геополитической арены.

/ Александр ДУГИН /

Государство для идеологии, а не идеология для государства

Если не напитать государство идеологией, то ниточка, на которой держится Россия, — порвётся.

ГОСУДАРСТВО-ПРИЗРАК

Идеология не может создаваться для государства. Наоборот, государство создаётся из идеологии. *Идеология всегда первичнее государства.* Тот факт, что сегодня наше государство начинает понимать, что ему *чего-то не хватает*, — это очень правильно и своевременно. Но идеология не может быть технологическим заказом: мол, «а подать нам сюда идеологию!» Так не бывает. Подобный заказ превратится лишь в серию концептуальных нарезок, годных для использоваться в грубой пропаганде.

Государство — это выражение мысли, Идеи. Какова эта Идея, Идея-Правительница, как говорили русские философы-евразийцы, таким и бу-

дет государство. Сегодня такой Идеи с очевидностью нет. Поэтому и российское государство представляет собой *призрак*. Отчасти это инерция и отблеск славного прошлого, отчасти — предвосхищение будущего. Но в прошлом Россия строилась на Идее — древнейшей языческой, затем православной византийской, позднее стала вдохновляться образом Третьего Рима, далее, с Петра, светскими образцами европейских суверенных монархий, и наконец, стала территорией осуществления советской идеологии. В 90-е годы любая форма русской Идеи — и монархической, и советской, и национальной — была отвергнута. И за этим закономерно последовал глубокий кризис, последствия которого не преодолены до сих пор. Либеральная идеология не придавала государству никакой ценности, рассматривая как переходный момент в ходе глобализации. Так любая Идея государства была упразднена. Следствием этого и выступает пункт Конституции о запрете государственной идеологии. Но это, в свою очередь, прямое следствие идеологии создателей такой Конституции, которыми и были либералы. Так Россия и стала призраком.

Конечно, реформы Путина внушили надежду на будущее. Либерализм стал изживаться, но пока не изжит. И тот же пункт об отсутствии идеологии перекочевал в новую версию Конституции, чуть подправленную. Поэтому если Россия как государство и есть, то это инерция прошлого и осторожное ожидание будущих изменений. Россия как государство будущего возможно только на основе Идеи, а это может наступить лишь после окончательного и бесповоротного отказа от либерализма, глобализма и западничества.

Сегодня российская государственность живёт за счёт кредита, взятого у будущего. Власть легитимна лишь в той мере, в которой намекает, что всё скоро изменится и Россия снова станет — из призрака или корпорации — полноценным субъектом истории, то есть государством с Идеей.

ЧТО ОТВЕТИТЬ НА ВЫЗОВ ГЛОБАЛИЗМА?

Отсюда логически вытекает вопрос. Осознали ли правящие элиты России, что *критический момент наступил*? Что без Идеи и, соответственно, идеологии государство не имеет будущего, а настоящее неизбежно приближается к естественному концу?

Для того чтобы понять важность и необходимость идеологии, надо *созреть*. Надо осознать, что мы находимся в критическом моменте истории. Ведь сейчас и есть тот критический момент в истории российской государственности, когда без идеологии она дальше существовать не сможет. Мы живём не в вакууме. Мы живём в очень сложном, напряжённом, драматическом, конфликтологическом мире, где Россия и ряд других цивилизаций оказались помехой на пути того катка либеральной идеологии, глобализма, который жёстко движется к своей цели. И приход администрации Байдена к власти, и его грубые и вызывающие

выпады в адрес президента России, самой нашей страны недвусмысленно описывают то, с чем нам придётся столкнуться в ближайшем будущем. Глобалисты явно решились предпринять попытку вернуться к ситуации однополярного мира, сложившейся в 90-е годы, и подавить все очаги многополярного мира, которые стали постепенно обозначаться на карте мировой политики. Прежде всего, речь идёт о России и Китае, а также о ряде исламских обществ. И это означает эскалацию именно идеологической войны — войны Идей. С одной стороны, идеология либерального глобализма, претендующего на универсальность и единственность. А вот что с другой? Какая Идея? При всём уродстве предлагаемого либералами будущего, у них образ этого будущего есть и основан на логике становления западной цивилизации эпохи Модерна и Постмодерна. А у нас? Какое будущее лелеет современная российская власть?

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА

Для того чтобы понять, насколько всё серьезно и насколько принципиальное значение имеет идеология для самого бытия, существования России сегодня, необходимо обратить внимание на то, с чем Россия имеет дело, в каком глобальном контексте она находится.

Мы находимся *не в идеологическом вакууме*. По миру 500 лет распространяется пятно западноевропейской цивилизации Модерна со своими установками, ценностными моделями, императивами. И это пятно только расширяется. Оно началось с западной Реформации, а ещё раньше — с философии *номинализма*, спора об универсалиях. Напомню, что номинализм — направление в западноевропейской теологии и философии, отказывающее идее, общему в существовании и рассматривающее их как имена. Согласно номинализму, есть индивидуумы, отдельные особи и вещи, но виды и роды вещей — идеи — представляют собой условные именования, конвенции. Для номиналиста «народ», «этнос», «культура», «дух», «душа» и т.п. — простые имена, которым не соответствует ничто из бытия.

Постепенно — во многом в ходе колонизации планеты — западноевропейский Модерн распространился на всё человечество, обрёл формат активной, агрессивной идеологии в форме либерализма. Затем либерализм выдержал две идеологические битвы — с фашизмом и с коммунизмом и в 1990-е годы победил тотально. Ф. Фукуяма тогда провозгласил «конец истории».

С распада СССР в мире начался однополярный «момент». В глазах самих либералов это был «закономерный» триумф их идеологии, их Идеи, победившей все остальные. То есть однополярность стала выражением не только геополитического и стратегического, а также экономического и технологического превосходства Запада, но и моментом идеологической победы.

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ВСЕГО, В ТОМ ЧИСЛЕ И ОТ ГОСУДАРСТВА

Нынешние глобалисты в лице Байдена, справившись с Трампом, собираются дать этой 500-летней тенденции западноевропейской цивилизации окончательное финальное воплощение. И это не просто хвастовство или безответственный утопизм. За этим стоит *мощь исторического процесса всего западноевропейского Модерна*, сила движения по тому курсу, который Запад выбрал ещё на заре Нового времени. Не стоит относиться к этому слишком легко. Всё, что называется «прогрессом» и «развитием» в глазах либералов, нашло своё выражение в глобальной капиталистической системе, которая сегодня стала планетарной. Дело осталось за малым — упразднить существующие в силу исторической инерции национальные государства и открыто провозгласить власть Мирового Правительства, общечеловеческое гражданское общество.

На уровне идей прогресс в оптике либералов сводится к центральной формуле — *необходимость освобождения индивидуума от всех форм коллективной идентичности*. «Либерализм» — от англ. liberty, лат. libertas — означает «свободу», но под ней либералы понимают именно эту «*свободу от*» — от всех внешних социальных, культурных, сословных, религиозных, национальных, политических, гендерных ограничений, которые вытекают из общественной природы человека. Поэтому либеральная идеология не может быть государственной, поскольку она ведёт — рано или поздно — к упразднению государства, к «освобождению» от него.

МЫ ПРЕБЫВАЕМ ВНУТРИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ

Либеральная идеология — это контекст нашего существования и в России. Пока мы считаем Россию «европейской страной» и разделяем в целом основные западные ценности — капитализм, рынок, гражданское общество, права человека, либеральную демократию, секуляризм и т.д., мы находимся внутри идейного поля либерализма. Коль скоро мы имеем дело с Западом и в целом принимаем его рецепты и рекомендации, пользуемся его технологиями, стандартами и стратегиями, поиск собственной идеологии просто невозможен.

Идеология либерализма находится не только *вовне* российского общества, но *внутри* него. Она проникает к нам и как ценностная система, и как технологии, и как экономический уклад, и как политические институты, и как культурные образцы. Поэтому, когда мы рассуждаем в концепциях «технологическое развитие», «искусственный интеллект», «цифровизация», «рынок», «капитализм»,

«социальные инновации», «гражданское общество», «права человека», «модернизация», мы впитываем и, безусловно, принимаем идеи, технологии, образ жизни, пронизанные либеральной идеологией.

На первый взгляд может показаться, что это не касается технологий и что они *«идеологически нейтральны»*. Но это не так. TikTok, Facebook, Zoom, YouTube, Twitter, Google, программы, сети, приборы, гаджеты, которыми мы привычно пользуемся, — это не просто инструменты, но продукты идеологии, которые работают в одном заведомо заданном направлении. Они косвенно — а подчас и прямо! — служат тому, чтобы глубже внедрять в сознание, в образ жизни, в быт, в поведение *глобальную либеральную идеологию*, которая связана с освобождением индивидуума от всех форм коллективной идентичности. Социальные сети дробят естественные общественные коллективные связи и подменяют их искусственной виртуальной атомизированной агломерацией. Так происходит виртуализация самого человека, бытие которого незаметно мигрирует в киберпространство, становясь «ботом», приобретая новую — виртуальную — жизнь и новые свойства. Это тоже освобождение — освобождение от реальности, от жизни и общества.

В современной кибернетической цивилизации мы имеем дело с последней — и абсолютной! — стадией развития капитализма, которая уже здесь, которая завладела или завладевает нашими умами, душой, телесностью. И это более чем серьёзно.

Поэтому вопрос об Идее русской государственности не может быть очередным технологическим заказом, поставленным прагматическими элитами, чтобы в краткосрочной перспективе что-то противопоставить резко усиливающемуся давлению новой американской администрации. Нельзя противостоять либерализму, принимая его основные положения. Это существенно радикализирует вопрос об идеологии. Любой осмысленный ответ и любое предложение должны строиться на основательной мировоззренческой, философской, научной работе по опровержению либерализма, а это, в свою очередь, потянет за собой глубокое переосмысление всей истории последних пяти веков. Если мы не вырвем либерализм с корнем, а эти корни уходят в западноевропейское Новое время, мы ничего не добьёмся, и всё сведётся лишь к косметическим и недейственным коррекциям.

Если у России будет государственная Идея, то она должна быть не просто нелиберальной, но антилиберальной, и более того — антикапиталистической.

Поэтому когда мы говорим об идеологии, то это не вопрос лишь о том, как нам временно и сиюминутно мобилизоваться. Мы пребываем внутри стремительно разъедающей нас ядовитой либеральной идеологии.

Идеология требует преображения, внутренней трансформации правящего класса. Для этого необходима большая решимость. В той ситуации, в которой мы находимся, любые политтехнологические инициативы просто не будут работать. Необходимо, чтобы власть созрела для идеологии. Тогда это станет внутренним преображением самого духа власти. Сегодня же идеи — это простое приложение к машинам, элементы технологии. Если не изменить именно этот фактор, либерализм и Запад победят.

Россия держится на последней ниточке. Она держится на Путине, на нашем народе, на нашей армии, на нашем патриотизме, на отзвуках нашей славной истории. Если не напитать государство идеологией, то эта ниточка порвётся.

Призрак легко может рассеяться. Но может послужить и бледным приблизительным наброском новой творимой свежими силами сочной картины русского будущего.

ИМПЕРАТИВ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА

Сегодня с разных сторон можно услышать мнение, что российская власть в силу обостряющихся отношений с США при новом президенте осознаёт необходимость в разработке идеологии, на которую могли бы опереться и государство, и общество для защиты и укрепления суверенитета в столь непростых условиях новой конфронтации. Если это так, то это более чем своевременно.

Однако надо трезво понимать, что все любые адекватные предложения в этом ключе, просьбы и заказы не будут работать, пока сама власть не совершит одного очень тонкого шага. Этот шаг — *преображение сознания правящего класса, и прежде всего — лично президента*. Государство должно само понять, что ему не просто «нужна идеология», но что само оно не есть цель и вещь в себе, а инструмент исторического бытия России как цивилизации, как народа, как субъекта и, в конце концов, *как Идеи*. Не Идея для государства, но государство для Идеи. А это ведь всё меняет. В таком случае не просто власть даёт «заказ на идеологию», но власть лишь слышит голос истории и отзывается на него, соглашается с историческим бытием и миссией.

Только в этом случае идеология может состояться. Идеология требует преображения, внутренней трансформации правящего класса. Для этого необходима большая решимость.

В той ситуации, в которой мы находимся, любые политтехноло-

гические инициативы просто не будут работать. Необходимо, чтобы *власть созрела для идеологии*. Тогда это станет внутренним преображением самого духа власти. Сегодня же создаётся впечатление, что для российских правящих элит духа как будто не существует, а идеи — это простое приложение к машинам, элементы технологии. Если не изменить именно этот фактор, либерализм и Запад победят.

ЛИБО КАПИТАЛИЗМ, ЛИБО РОССИЯ

Итак, главное, о чём должна идти речь, — *не идеология для государства, а государство для идеологии*. И тогда всё сложится гармонично.

Теперь по существу русской Идеи. Эта Идея — в какой бы версии, правой или левой, авангардной или консервативной, мы бы её ни рассматривали, — *сущностно не совместима с капитализмом*.

Капитализм — это вовсе не нейтральное явление. Это идеология, а не просто технология. Это сведение всех ценностей к рынку, материи, индивидуальному обладанию. И дело не просто в левой критике, марксизме или социализме. Русские консерваторы, от славянофилов до монархистов и евразийцев, были не менее жёсткими противниками капитализма, чем народники и большевики. Капитализм противоположен русской идентичности, и хотя в нашей истории его свергли левые, если бы идеологическая победа досталась русским правам, его судьба была бы такой же — о чём ясно свидетельствуют консервативные утопии русских авторов — от идеолога крестьянства Чаянова до монархиста и славянофила Шарапова.

Капитализм — абсолютный яд, который разъедает и дух, и культуру. Там, где правит капитал, человек превращается в товар. Он исчезает. И не случайно сегодня глобалисты постепенно ведут дело к замене человечества постгуманными существами — Искусственным Интеллектом, киборгами, роботами, химерами и другими продуктами биоинженерии. Или капитализм, или человечество. Можно иначе: либо Россия, либо капитализм.

АНТИКАПИТАЛИЗМ СПРАВА

В России невозможно и недопустимо появление никакой версии *альтеркапитализма*.

Когда мы отвергаем капитализм, нам сразу приходит в голову социалистическая идея. Это решение возможно, но существует ещё огромный спектр мысли, пока недостаточно освоенный и не применённый у нас на практике, — это *антикапитализм справа*, который включает в себя и монархические, и православные, и традиционалистские проекты и установки. Часто можно услышать мнение, что консерваторы вообще не интересовались экономикой и поэтому их проекты не применимы на практике. Это заблуждение. Одной из развивавшихся русскими консерваторами — в частности, Дмитрием Менделеевым — идей была теория «русского протекционизма», включавшая детальный план индустриального развития России в целях превращения её в независимую, экономически суверенную державу.

Экономист-народник А.В. Чаянов разработал план развития России с опорой на крестьянство, которое должно было стать ведущей силой в том числе и научного, и культурного суверенитета. Именно идеи Чаянова были взяты большевиками во время НЭПа, что и способствовало возрождению страны из развалин чудовищной Гражданской войны. Аграрный сектор из периферийного должен был стать основой культурного становления народа, а село превратиться в центр развития науки, ремёсел, искусств. Сегодня этот футуристически-аграрный проект легко реализуем с помощью информационных технологий и приобретает особое значение в свете новых экологических вызовов, стоящих перед человечеством.

Важно обратить внимание на «философию хозяйства» великого

русского философа о. Сергия Булгакова, который понимал экономику как религиозный и духовный акт. Субъектом хозяйства, по Булгакову, должны быть не классы и не индивидуумы, а народы, как лучи Божественной Премудрости, святой Софии. Здесь мы имеем дело совсем с иной экономикой — с сакральностью труда, который превращается из материальной необходимости в акт свободного жизнеутверждающего творчества, что так близко русской этической традиции. Человек работает не чтобы свести концы с концами или разбогатеть, или (что чаще) обогатить кого-то другого, но чтобы реализовать свое призвание, свою миссию. Человек возводит храм, чтобы в нём воссиял дух.

В целом же для русского общества *принцип справедливости* всегда стоял выше индивидуальной выгоды или даже рациональной эффективности. И экономическая мысль, когда она остаётся русской, развёртывается вокруг этого главнейшего положения. Его мы и встречаем во всех версиях русской экономической теории. И практически ни в одной из них не признаётся капитализм, уже на теоретическом уровне (не говоря уже о практике) последовательно отвергающий социальную справедливость (во имя эгоистических целей и рациональной оптимизации).

К СИНТЕЗУ ПРАВОЙ И ЛЕВОЙ (АНТИЛИБЕРАЛЬНОЙ) ЭКОНОМИКИ

Капитализм в России должен быть осмыслен, подвергнут деконструкции, вскрыт и преодолён. Потому что *именно в капитализме суть либерализма и глобализма*. Это является фундаментальной базовой установкой русской Идеи. Если власть с этим пунктом не согласна, то здесь всё и остановится. Любая идеология, не отвергающая капитализм, не имеет шансов быть русской. Другое дело, что в этом антикапитализме будет преобладать — левое или правое? Вот это тема для дискуссий и споров, обсуждений и полемик. Причем отчасти всё повторяется: полтора века назад русские революционные демократы и позднее социалисты с негодованием отвергали либеральный утилитаризм Джереми Бентама и его знаменитый тезис о том, что «истинным является то, что полезно», а с другого фланга консерваторы-славянофилы считали этого же автора и тот лагерь англосаксонской буржуазной идеологии, который он представлял, метафорой того, что Россия должна отвергнуть самым решительным образом.

Тотальная неприязнь к либерализму и либералам, то есть *антикапитализм* (как слева, так и справа), вот что является общим знаменателем русской Идеи во всех её версиях.

С моей точки зрения, вместо того чтобы погрузиться во внутренние баталии и усиливать раскол на правых и левых, сегодня самое главное — обе антикапиталистические альтернативы, левую и правую, объединить. Пусть всё начнётся с исторического альянса — необходимо свергнуть идеологическое господство либералов в российском обществе и подготовить территорию для русской Идеи. Важно спасти государство, и это сегодня должно всех объединять. Главная угроза этому — либерализм, как извне (глобалисты, Байден, НАТО, проект Great Reset), так и изнутри (пятая и шестая колонны либералов в самой России). Вопрос о левом и правом капитализме, о предпочтениях или, напротив, об их новом идейном синтезе следует несколько отложить. Пока капитализм преобладает, это является второстепенным. Вначале общая победа, а потом выяснение, какая версия лучше. И тот, кто придерживается иной последовательности, осознанно или бессознательно, но играет на руку нашему общему врагу, врагу России, врагу русской Идеи.

РУССКАЯ ИДЕЯ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Когда мы задумываемся о конкретном содержании идеологии для государства, мы совершенно не должны начинать с нуля. Исторически мы мо-

жем и должны опереться на огромное идейное наследие великих русских мыслителей — и снова как левых, так и правых. И славянофилы, и народники, и евразийцы, и монархисты, и православные мыслители предшествующих веков оставили после себя огромный массив глубоких и верных мыслей, проектов, предчувствий, стратегий и планов. Надо просто отнестись к ним с должным вниманием, любовью и уважением. Бóльшая часть этого идейного наследия в наше время переиздана, и прежде чем учить других, надо самим идеологам как следует освоить этот пласт русской мысли. В этом вопросе надо быть последовательными: русской Идеей должны заниматься только те люди, которые глубоко — интеллектуально и экзистенциально — погружены в русскую традицию, кто считает себя её звеном, её частью.

Контуры идеологии, которая нам необходима, намечены и многими современными мыслителями и интеллектуальными центрами. Существенная работа в этом направлении проведена:

- В Изборском клубе, сосредоточенном последнее время на оформлении Русской мечты по инициативе Александра Проханова
- В Евразийском движении, где тридцать лет не прекращаются труды по становлению и развитию русской школы континентальной геополитики
- В структурах Всемирного Русского Народного Собора, где подготовлены очень основательные разработки по образу будущей России и ещё в нескольких авторитетных и влиятельных центрах патриотической мысли.

Вопрос об Идее для государства — это не столько задание нам, представителям этих и других ведущих интеллектуальных групп. Это в большей мере задание для самой власти. Уже неоднократно властные элиты пытались в прагматических целях частично заимствовать стратегии и интеллектуальные разработки патриотов и искусственно (даже, я бы сказал, противоестественно) соединить их с либеральными установками, до сих пор преобладающими во властных элитах. Но как раньше это не давало никаких значимых результатов, так будет повторяться снова и снова. Лишённые содержания патриотические или евразийские формулы будут лишь утрачивать свой смысл, а значит, дискредитироваться. Примесь либерализма, как зараза, их разъест изнутри. В результате в выигрыше останутся только группы властных коррупционеров и циников, которым всё равно под какими лозунгами заниматься своим чёрным делом.

Путин проделал огромную работу, чтобы вывести Россию из 1990-х, но в какой-то момент он застрял на полпути. Он принял компромисс между патриотизмом и либерализмом, между Россией как цивилизацией и Россией как развитой европейской державой, и застыл. Это работало — и даже дольше, чем можно было предположить. Но у всякого процесса есть конец. И он неумолимо приближается. Сегодня нужна лишь одна золотая акция, которая перевесит чашу весов. Одна маленькая акция, одна пылинка — и вся идеологическая структура начнёт работать. Пока же она сдерживается. Сдерживается искусственно.

В ещё одной подобной итерации заказа на патриотизм едва ли имеет смысл принимать участие. Это снова ничем не кончится, да и не может. Мы это уже проходили. Для того чтобы наша русская Идея заработала, чтобы она по-настоящему смогла стать важнейшим инструментом и опорой для государства — на эту идеологию надо решиться. И сделать это должна власть.

Для нас, патриотов, русская Идея — это образ жизни, это глубокая историческая убеждённость и теоретически выверенная мысль, это и есть наша идентичность. Каких бы её версий мы ни придерживались. Для нас Россия и есть Идея, и мы преданы ей именно в таком качестве. А вот для власти — *пока ещё нет*. И пока такое положение дел будет сохраняться, мы не сдвинемся с места.

Сегодня весы идеологической истории России застыли в чрезвычайно неустойчивом равновесии. Вот-вот, и одна из чаш перевесит, и тогда события станут развиваться со стремительной скоростью — в ту или иную сторону. Сейчас же мы пребываем в состоянии застывшего оцепенения. Оно длится уже очень долго, невыносимо долго. Но вечным оно быть не может.

Путин проделал огромную работу, чтобы вывести Россию из 1990-х, но в какой-то момент он застрял на полпути. Он принял компромисс между патриотизмом и либерализмом, между Россией как цивилизацией и Россией как развитой европейской державой, и застыл. Это работало — и даже дольше, чем можно было предположить. Но у всякого процесса есть конец. И он неумолимо приближается.

Сегодня нужна лишь одна золотая акция, которая перевесит чашу весов. Одна маленькая акция, одна пылинка — и вся идеологическая структура начнёт работать. Пока же она сдерживается. Сдерживается искусственно. Сдерживается властью, той самой, которая — вроде как — хотела бы иметь идеологию. Или не хотела бы? Вот где скрывается главная проблема. Она постоянно от-

кладывается на потом. Но приходит момент, когда «потом» становится «сейчас» — «сейчас или никогда».

Если *власть* — именно она, а не народ, не общество, не патриотические интеллектуальные центры или отдельные институты и группы населения — *решится на Идею*, это и станет поворотным моментом. Но это будет означать, что компромисс между взаимоисключающими вещами — Россией и глобалистской либеральной системой — *будет окончательно решён в пользу России*. Либеральный глобалистский Запад и Россия — антитезы. Это как герой и дракон, как чёрное и белое, как свет и тьма. Между ними не может быть компромисса — если побеждает Свет, то Тьма уступает, если настаёт Тьма, то Свет гаснет. Или-или. И никаких и-и.

ОБРАТИТЬ ВЗГЛЯД ВЛАСТИ К РУССКОМУ НАЧАЛУ

Надо начинать с самого верха. Пока не будет принципиального решения у самой власти, все наши рекомендации, советы и ожидания останутся втуне.

Патриотические интеллектуалы, объединённые в Изборском клубе, Евразийском движении, структурах Всемирного Русского Народного Собора и в других центрах, а также отдельные авторы, написали десятки тысяч страниц, издали сотни книг и журналов. Фактически следует констатировать, что основные направления и силовые линии русской идеологии разработаны. Намечены основные векторы теории. Но есть и целый ряд конкретных предложений — и по организации практической хозяйственно-экономической (индустриальной и аграрной) жизни, по обустройству села (строительства домов на земле и пр.), и по бюджету, и по выводу финансовой системы из-под контроля глобальных структур, и по суверенной валюте, и по развитию российского защищённого киберпространства, и по всем остальным ключевым моментам. У нас есть представления о глобальной культурной стратегии в стране, об усовершенствовании образования, о развитии искусств, театра и т.д. Всё это время — *параллельно* либеральным реформам 90-х и их инерциальному продолжению в 2000-х и сплошь и рядом против этих реформ — в России шла альтернативная интеллектуальная жизнь, почти не прорывавшаяся на экраны, престижные форумы и широкие государственные СМИ. И тем не менее русские мыслители читали, думали, обсуждали, писали, публиковались все эти годы. Но это было своего рода идеологическое подполье, так и не вышедшее в полной мере на свет, несмотря на те патриотические тенденции, которые стали преобладать вместе с Путиным. Идейно и Путин оставался под решающим влиянием либералов и западников, хотя и стремился всячески отстоять суверенитет и независимость России. Поэтому и сложилось ложное впечатление, что все проекты и идеи о будущем есть у либералов, а на патриотическом полюсе пустота, ностальгия, архаика и «безответственное ворчание». На самом деле, идеология есть, просто власть об этом долгое время и слышать не хотела. Если сейчас захотела, это станет возможностью нового начала.

Если же вновь Россия пойдёт на тот же компромисс с Западом, с глобальным капитализмом, что и раньше, из этого снова ничего не выйдет. Лишь суета и трата времени. Если же власть по-настоящему дозрела для того, чтобы действовать, созидать, сейчас — это другое дело. Но ей надо просто открыть глаза и обратить свой взгляд туда, от чего она 30 лет брезгливо отворачивается — *к русскому началу*.

БОЛЬШАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА КАК ПРИГОВОР РОССИИ

Сегодня мы видим явные признаки того, что Россия приговорена Западом. Особенно это становится острым в связи с так называемой «Большой перезагрузкой» (Great Reset). Это для нас чёрная метка.

С начала 2000-х годов у сторонников глобализации и однополярного мира началась эпоха постоянных системных сбоев. То атака мусульманских экстремистов 9/11, то провалы на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, то экономический рост суверенного Китая, то возвращение России Путина на историческую арену. Мировое правительство в 90-е казалось на расстоянии вытянутой руки. А с 2000-х эта цель всемирного триумфа либерализма стала только отдаляться. Кульминацией серии этих провалов стало избрание президентом США Дональда Трампа в 2016-м, который вообще предложил окончательно свернуть глобализацию и заняться национальными проблемами США как отдельной державы со своими интересами. Второй срок Трампа окончательно отправил бы глобалистов в прошлое, и многополярность превратилась бы в необратимый факт.

Именно в такой критической для них ситуации глобалистам, поставившим на Байдена, удалось всеми правдами и неправдами провести своего кандидата в Белый дом. Это стало для них сигналом к «новой нормальности», то есть рывком к восстановлению того баланса сил, который сложился в 90-е годы XX века, до того, как глобализация начала пробуксовывать. В этом и смысл «Большой перезагрузки» — вернуть всё к однополярному миру, когда исламский мир был погружён в кровавые междоусобные конфликты, Китай послушно следовал директивам МВФ и Мирового банка, а Россия распадалась и подчинялась политике Запада и его эмиссаров — российских либералов и олигархов. Если не сделать этого возвратного рывка (а именно так и звучит лозунг предвыборной компании Джо Байдена — «Bild Back Better» — «Отстроим снова и даже лучше»), то о глобализме и мировой гегемонии либералам придётся забыть. Можно считать это агонией, а можно финальной битвой. В любом случае речь идёт о том, что мы приближаемся к моменту решающего столкновения. Суверен-

ная Россия, Россия Путина, просто невозможна, недопустима в таком сценарии. Её надо «отстроить назад в 90-е». Любой ценой.

Мы видим, что представители глобалистских кругов в самих США больше не считаются даже со своими — американскими — диссидентами, в частности, с Республиканской партией, с 70 с лишним миллионами людей, отдавших свои голоса Трампу. Маски сброшены. Любой критик глобализации в США или за их пределами автоматически становится объектом репрессий — медийных (отключение от соцсетей), экономических, политических и т.д. Один губернатор от демократической партии предложил перестать продавать сторонникам Трампа билеты на самолёт. Это и есть cancel culture во всём её тоталитарном блеске. Либерализм становится агрессивным, нетерпимым и на глазах превращается в мировую диктатуру. Намёк на несогласие с гендерной политикой, ЛГБТ-движением, феминизмом, практикой покаяния (за совершённые или несовершённые) преступления на расовой почве и т.д. и другими идеологическими установками становится основанием для социальных, а во многих случаях и административных преследований.

И здесь глобалисты не идут ни на какие компромиссы. Им теперь нужно всё или ничего. Так либерализм становится фанатичным, нетерпимым и тоталитарным. Всё, что ему нравится, объявляется «теорией заговор», fake news или пропагандой. Есть только одна истина, и ей владеют только либералы. Всё остальное «фашизм». Такова логика глобалистов. И Россия в такой системе координат неминуемо превращается во врага — причём самого серьёзного, основательного и опасного.

РУССКИЙ ОРДЕН

Если нам суждено сохраниться и победить в таких условиях, то мы можем сделать это только с идеологией, с Идеей. Ведь на том конце мы имеем дело именно с Идеей, либеральной. Пока мы не утвердим собственную Идею, мы будем парализованы, зависимы от критериев и правил, которые устанавливаем не мы. И даже если мы выиграем по этим правилам (как это удаётся сегодня Китаю), их просто изменят те, кто навязал их нам изначально.

Идея есть. Теперь необходимо преображение власти, государства. Должно наступить пробуждение самого Путина. Государство должно причаститься к русской Идее.

Когда мы приходим к Святому Причастию, мы говорим приблизительно следующие слова: «Пусть будет мне святое причастие светом, а не опаляющим огнём, пусть вместе с моими грехами не сгорю я сам…»

Увы, многих во власти русская идеология просто спалит. Потому что со многими представителями такой власти двигаться дальше в историю просто нельзя. Идеология требует чистых сердец, глубоких душ, высоких помыслов. Идеология — это идея. Для идеи нужен определённый — духовный — орган. И в человеке, и в государстве. Или Орден. Русский Орден.

Что касается конкретных проектов разработки идеологии, то, если это кому-то по-настоящему нужно, мы всегда будем готовы. Мне кажется, то, что мы делали всегда, мы и будем продолжать делать в момент критической опасности для государства. Если сегодня есть внимание власти к идеям, идеологии (а я надеюсь, что это именно так), то это *последний звонок*. Либо сейчас, либо никогда. Начинать надо не с нас, патриотических мыслителей. Начинать власть должна с себя. Без великой чистки внутри нынешнего политического режима строительством российского государства, возрождением страны заниматься невозможно.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Мечта о будущем всегда побеждает настоящее

Идеологию нельзя выдумать, её можно только услышать и потом оформить. Когда в 1997 году помощник тогдашнего президента Сатаров написал *«в поисках национальной идеи мы прочитали много газет»*, это, как и многие другие смешные вещи, было мудро.

Российское общество в конце 90-х стихийно создало новую идеологию на основе синтеза социальных, патриотических и обслуживающих их демократических ценностей. «Первым блином» этой идеологии был Примаков, а Путин стал президентом, так как сумел её оседлать и выразить на тот момент наиболее полно.

Сегодня эта идеология кажется нам советской, как казалась с позиций 90-х, но это аберрация исторического зрения: она опирается на разумную часть советского наследства, но, впитав разумную часть его отрицания, значительно более индивидуалистична, гибка, ориентирована на развитие и активна вплоть до агрессии.

Главная универсальная ценность человека — свобода. Надо отнять этот термин у Запада, как Ленин в 1912 году отнял средневековое тогда понятие «правда» у обанкротившихся монархистов, а Картер — понятие «демократия» у обюрократившегося СССР.

Но свобода бывает разная: «свобода от» деструктивна, ведёт к саморазрушению; её пропаганда является орудием разрушения врагов в глобальной конкуренции. Поэтому настоящая, подлинная свобода — «для».

Свобода приобретает особый характер в современном информационном обществе: в нём человек чувствует себя индивидуально полностью свободным — и при этом без всякого осознаваемого им давления, в силу управления эмоционально-знаковой средой, в которой он существует, принимает почти полностью детерминированные решения. Это алгоритмическое общество — мир социальных платформ, и, если мы хотим выжить в конкуренции, нам придётся его создать, не признаваясь в этом. (Общая проблема рефлексивного управления в том, что любое тайное знание умирает, вырождаясь в ритуалы, — и рефлексивное управление распадается; его главная задача — построение самосовершенствующегося социального автомата, но это отдельная тема.)

Цель, которой должна служить индивидуальная свобода и на которую она должна быть направлена, объединяя и структурируя всех, пусть и в рамках алгоритмического общества, организованного в рамках национальных социальных платформ, — преображение России на основе соединения русского культурного кода и представлений о социальном и технологическом прогрессе.

Русская культура и российское общество основаны на справедливости, открытом жадном восприятии чужого и превращении его в своё, на одностороннем симбиозе с государством (мы живём в нём, как другие народы живут в ландшафте, истории или книге), на многоуровневой, от семьи до страны, солидарности вовне при конкуренции внутри и, шире, на **индивидуальном исполнении коллективных обязанностей**. Именно последнее обеспечивает уникальное сочетание индивидуализма и коллективизма, является формулой «русскости», уникальным внутренним противоречием и встроенным в культуру двигателем нашего общества.

Наша уникальность в мире заключается сегодня в органичном соединении главных потребностей нашей эпохи: гуманизма, способности к абстрактному мышлению (а значит, техническому творчеству), мессианстве.

Эту культурную матрицу, вне которой любая идеология будет не то что мертва, а попросту не замечена, нам предстоит активировать и направить в верном направлении.

При этом надо понимать, что на неизменную культурную матрицу накладываются порождённые информационными технологиями изменения, до сих пор кажущиеся многим временными и даже аморальными:

— пластичность и мозаичность личности;
— падение познаваемости мира и, соответственно, социальной значимости знания;
— смерть логики и торжество образного, интуитивного, мистического и иных форм внелогического мышления;
— системный отказ от интересов в пользу эмоций — в связи с этим рост политического значения музыки и культуры в целом;
— рассыпание способных к самозащите и самосознанию коллективов в «горизонтальное» общество, члены которого разделены и равно бесправны перед произволом платформ и, главное, заранее подсознательно согласны на этот произвол;
— утрата ответственности, то есть отказ от полного самосознания личности, добровольное превращение в неосмысленную клетку чего-то большего (на деле — социальных платформ и потребления

Наша уникальность в мире заключается сегодня в органичном соединении главных потребностей нашей эпохи: гуманизма, способности к абстрактному мышлению (а значит, техническому творчеству), мессианства. Эту культурную матрицу, вне которой любая идеология будет не то что мертва, а попросту не замечена, нам предстоит активировать и направить в верном направлении.

в их рамках, пусть даже в рамках основного обмена современности «эмоции в обмен на внимание») — и вытекающая из этого геймификация жизни по Грэму Грину;
— коренная реструктуризация общества: его атомизация на утратившие способность общаться личности и даже субличности и формирование трансграничных сообществ, объединённых эмоциями, типом восприятия и некритически воспринимаемым объектом (поклонения или ненависти — для секты не принципиально);
— безысходный кризис свободного времени как фактор дестабилизации общества на уровне каждой отдельно взятой личности, для общества — на «внутриклеточном» уровне;
— переход от экономики рынка к экономике инфраструктуры, прежде всего социальных платформ (экосистем), от экономики сравнительно простого, монотонного, нетворческого труда — к экономике ренты, прежде всего технологической (то есть ренты на основе творческого труда).

Нам, по инерции живущим в прошлой, навсегда ушедшей реальности, перечисленное и многое менее важное кажется неправильным, подлежащим исправлению, создающим проблемы и преграды.

Для создания же новой реальности, для преображения России, — а такова стоящая перед нами объективная цель, — надо принять эту новую реальность и осознать её как создающую возможности и снимающую преграды. Чтобы созидать будущее, надо принять настоящее и овладеть им; отрицая настоящее, не обустроишь в будущем даже собственной могилы.

Такова наша стартовая позиция, наши внутренние и внешние обстоятельства, которые, пусть и по разным причинам, одинаково объективны и которые мы равно не можем изменить: нам остаётся лишь опираться на них.

1.1. Образ-идея страны

Открытый справедливый прогресс. Основной принцип: вы равноправны, пока антиобщественным поведением не доказали свою враждебность. Права возникают исключительно по мере исполнения обязанностей, в том числе не чётко определенных, а формируемых самой личностью в инициативном порядке, перед обществом (вот и вся «цветущая сложность» противоречия между личным и общественным). И те, кто уже исполняют обязанности перед обществом, кто уже живёт в нем, имеют больше прав, чем тот, кто только хочет войти в общество. Но этот «порог входа» формализован и в основном сводится к решению задачи интеграции в него и к проверке добросовестности решения этой задачи.

Абсолютное конкурентное преимущество преображённой России, делающей её островом и очагом прогресса в деградирующем мире (так как распад мира на макрорегионы в Глобальной депрессии будет вести к утрате технологий — что мы уже видим в беспомощности перед супербактериями и смертях от вакцины «Пфайзер» при лидерстве нашей порушенной науки), — сверхпроизводительные, дешёвые и основанные на непривычных принципах «закрывающие технологии», которые должны быть найдены и коммерционализированы для широкого применения в стране. В мире и у нас они подавлялись и подавляются монополиями, но в глобальном кризисе последние слабеют, и по мере утраты обычных, абсурдно усложнённых и чрезмерно дорогих технологий для «закрывающих» технологий открывается историческое «окно возможностей» (пока ещё не вымерли специалисты, способные их развивать или хотя бы применять).

Классический пример — восстановление всех видов соединительной ткани криогенными технологиями, по итогам пятилетних клинических испытаний применяемое сейчас в Нижнем Новгороде. Технологиями безупречно конвенциональной медицины восстанавливают сосуды, сердце, суставы, позвоночник, кровоснабжение мозга, профилактируют коронавирус и лечат его последствия, — но вынуждены бежать в одну из республик в составе РФ, где просто не сложилась медицинская мафия.

Чужой интеллектуальный монополизм в России, и так являющейся объектом холодной войны Запада на уничтожение, должен быть отменён ***(по идее Павла Дурова о Крыме как свободной интеллектуальной зоне, в которой не действуют права на интеллектуальную собственность не признавших его стран)***.

Мир деградирует социально, а в значительных регионах и технологически. Общее ощущение от России должно быть таким: **Россия возвращает прогресс как норму**, причём комплексно и во все сферы жизни. Комплексность очень важна: она позволит примириться с преображённой Россией тем, кто враждебен прогрессу в каких-то отдельных сферах жизни (религиозные ортодоксы, крайние националисты и проч.).

Прогресс — это снижение накладываемых на человека извне транзакционных издержек для высвобождения сил и времени для самоулучшения. Исключение одно: обязательная внешняя защита от деградации («кризис свободного времени», убивший советскую цивилизацию), так как спасать от нее может только общественная культура и мораль, выросшая на жёсткой системе государственных стимулов и приоритетов, которые, в свою очередь, должны служить общему делу.

Общее дело — преобразование человечества (на первом этапе путём подачи ему примера) в прогрессирующую и всё более справедливую интегральную (или, если паразитировать за глобалистах, приватизируя и выворачивая наизнанку их термин, «инклюзивную») общественную систему.

К сожалению, без обращения ко «всему человечеству» в качестве

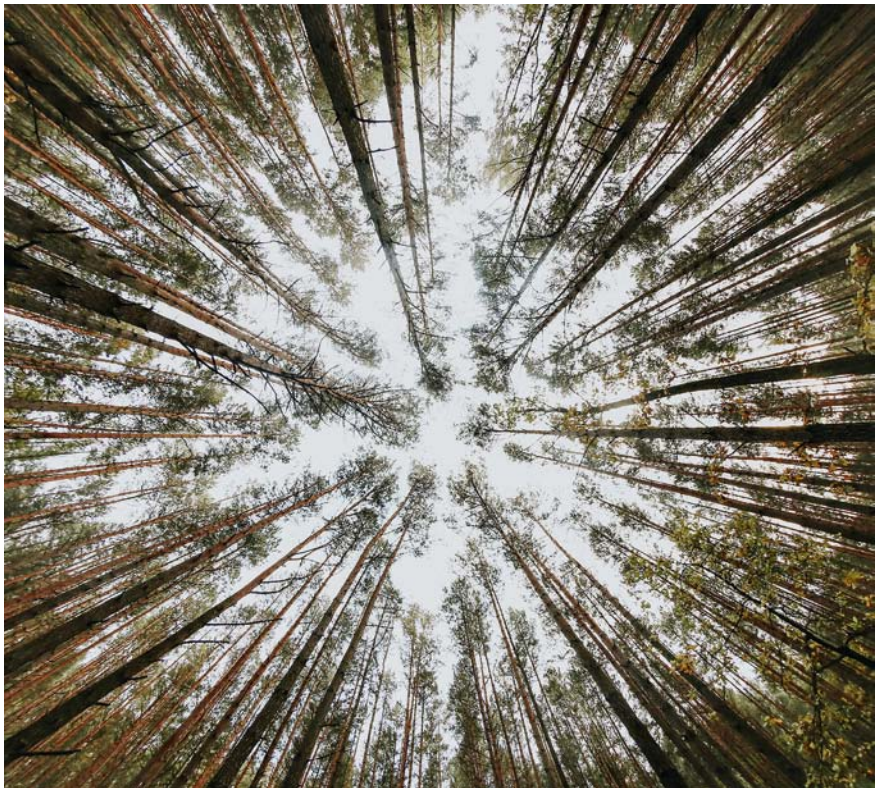
стимула и ориентира не обойтись в силу мессианского характера русской культуры.

Прогресс для расширения, углубления и обогащения справедливости как высший приоритет означает, что мораль, мотивация и культура могут быть только трудовой — в широком смысле слова, включающем творчество и труд над собой.

Объективное отсутствие критериев гармоничности личности и вероятная импотенция полностью гармоничной личности — прекрасное поле для приложения общественных усилий (чтобы личность не деградировала, она должна напряженно делать что-то всё более сложное, испытывать постоянный, хотя и не чрезмерный дискомфорт от того, что ещё не достигла каких-то всё более сложных и всё более важных для нее целей).

При этом гармонизация должна идти на уровне не личности (так как на нём вряд ли есть чёткие объективные критерии), а коллектива и, шире, общества.

Внешняя конкуренция и, шире, внешние кризисы гарантированно будут создавать проблемы, обеспечивая тем самым драйверы для развития.



1.2. Философская основа идеологии

Философская основа идеологии — марксизм как наиболее системный, комплексный и проработанный из всех мировоззренческих течений, но, разумеется, без схоластики и заскорузлости.

Как минимум — марксизм, дополняющий дихотомию производительных сил и производственных отношений дихотомией субстанции и функции капитала по Крылову–Фурсову и понимающий исторический материализм как гибкую научную базу искусства сознательного изменения правил общественного развития.

1.3. Образ государства

Источник гуманизма и прогресса, демократично (не по форме, а по существу, то есть в интересах общества, — а процедуры при его согласии могут меняться) устанавливающий полезные для разумного большинства и выгодные разумному большинству правила и жёстко карающий за их нарушение.

При этом государство устремлено в будущее и поддерживает, постоянно видоизменяя по мере достижения и изменения настроений, его привлекательный образ, потому что **мечта о будущем, какой бы размытой и нелепой она бы ни была, всегда побеждает сколь угодно благополучное настоящее и тем более прошлое**.

Функциями государства являются, в частности, стимулирование, поддержка и прямая организация изменений к лучшему во всех сферах жизни при жёстком блокировании изменений, не улучшающих ситуацию значимым образом (осуществляемых по принципу «реформы ради реформ, чтобы кормить реформаторов»).

Информационные технологии позволяют сделать государство дешёвым, невидимым и при этом всепроникающим и вездесущим (вполне в русле русской традиции). Государственная власть у нас традиционно заканчивается на уровне местного самоуправления и не лезет даже в него, потому что с местными проблемами при наличии возможностей и скудных ресурсов люди разбираются сами или сами же вызывают начальника (как внешнего специалиста для решения проблемы или же как силовой ресурс для изменения парализующего сообщество соотношения конфликтующих сил).

1.4. Социальная структура

По данным страховщиков, ещё прошлой осенью 72,3% населения имело доход менее 25 тыс. руб./мес., то есть менее реального прожиточного минимума. В этой ситуации главная мечта России — мечта о надёжном, устойчивом благосостоянии: о гарантии работы, стабильном доходе, защищённости от реформ, обмана и других преступлений.

Нынешнее общество 80-процентной бедности должно стать «обществом минимум двух третей»

среднего класса по Тэтчер. Поэтому социальная структура плоская: основная часть — средний класс, задачей которого является жизнь в условиях, благоприятных для формирования и раскрытия детских талантов, чтобы дать максимальное число максимально качественных специалистов.

Прибыль как цель общества при современных технологиях делает людей лишними и требует самоуничтожения человечества. Однако превращение в общественную цель саморазвития (а обострение конкуренции при распаде мира на макрорегионы этому будет способствовать) создаст жуткий, всеобъемлющий, позднесоветский дефицит специалистов по формированию людей — как минимум педагогов и медиков.

Специалисты будут создавать второй уровень общества, а третьим будет количественно незначительная элита — научная и управленческая, включая владельцев и топменеджеров социальных платформ.

Средний класс живёт в своё удовольствие и для детей, специалисты — для решения проблем.

Таким образом, социальная структура будет аналогом современных классических представлений с более открытой и ориентированной на общество, а не враждебной ему элитой, специалистами в качестве салариата и средним классом вместо прекариата, так как прекариат не может быть инкубатором для производства специалистов.

Работа, как и в современных классических представлениях, будет самостоятельной ценностью, однако общество будет ориентировано не на утилизацию человеческого материала, а на его прогресс и развитие.

Причина этого — национальный, суверенный характер управления, служащий не внешним глобальным капиталам (сейчас финансовым, затем информационным), а собственному обществу, противостоящему их внешней агрессии. Эта агрессия будет постоянным ключевым стабилизирующим фактором, так как от враждебной системы ценностей и картины мира, в отличие от атомной бомбы, защиты нет.

Важно, что суверенитет информационного мира будет, в отличие от суверенитета мира рыночного, опираться не на эмиссию валюты по потребности своей экономики, недостижимую для нынешней РФ по политическим причинам, но на использовании собственных социальных платформ (соцсетей, переросших в цифровые экосистемы, используемые для управления массами людей).

Такие платформы будут только у США и Китая, вероятно — у Индии. У России есть свои социальные сети, что делает её положение уникальным: мы имеем технологические предпосылки суверенитета и теоретически можем его достичь (для этого надо превратить соцсети в соцплатформы, то есть начать системно использовать их как инструмент управления).

По структуре занятий наиболее выгодным и, соответственно, наиболее уважаемым занятием должны стать не спекуляции (финансовые спекуляции и вовсе необходимо ограничить по примеру развитых стран соответствующего исторического времени), а производство и создание нового, и прежде всего — создание новых технологий изменения материи и новых технологий совершенствования человека (high-tech и high-hume).

Главным будет становиться создание нового и полезного, затем по важности будет идти производство человека, далее — производство материальных ценностей. Финансовые спекуляции должны подавляться и рассматриваться как вредный элемент пока ещё нужной посреднической деятельности.

Собственность по образцу послевоенной и современной Германии будет считаться неприкосновенной только в части, служащей обществу; враждебная обществу собственность будет лишена права на существование.

Всё это соответствует переустройству общества с трудового на технологически рентный характер.

В национальной структуре общества необходимо доминирование носителей русской культуры и, соответственно, преобладание русских как наиболее органичных её носителей. Между тем сейчас их уже точно меньше 80% населения (80,4% было в 2010 году), так что Россия стала многонациональной на самом деле, а не только по политическим декларациям, которые таким образом достигли своей цели.

Обеспечение справедливости и равноправия, в том числе по национальному признаку, обеспечит рост самоидентификации в качестве русских и восстановление рождаемости, но для укрепления целостности общества в жёсткой информационной конкуренции потребуются меры социально-психологической инженерии (и уж точно они потребуются для экспансии).

В плане территориального развития принцип прост: **чтобы страна существовала, её надо заселить**.

Планы стянуть Россию в несколько мегаполисов должны быть признаны преступными. Мегаполисы должны остановить своё количественное расширение; наиболее комфортным представляется жизнь в пригороде по американскому образцу (с возможным ЛПХ) либо в малоэтажном «городе-саде».

При этом для освоения брошенных территорий (в том числе находящихся в хорошем климате) необходимо массовое строительство новых городов (лучшие с точки зрения инженерии и комфорта — те, центры которых строились на пустом месте, как Санкт-Петербург или Одесса). Это может стать дополнительным экономическим локомотивом — с учётом масштабной секьюритизации новой комфортабельной недвижимости (а не человейников, у которых капитализация только спекулятивная и, соответственно, неустойчивая).

1.5. Образ общества

Сочетание значительного числа разнообразных внутренних и внешних сетей, узлы и пересечения которых образуют «силовой каркас» смыслов, настроений и эмоций.

Свободная среда саморазвития.

1.6. Технологический уклад

Прекращение замены населения России завозимыми гастарбайтерами и отказ таким образом от создания рабовладельческого общества откроет двери массовому техническому прогрессу.

Золотой ключик к будущему — «закрывающие технологии», прежде всего в медицине, педагогике, сфере биотехнологий и энергетике. Основное направление — дополнение использования материалов использованием электромагнитных полей, которым уделяется мало внимания.

Стратегическая перспектива — массовое создание источников крайне дешёвой или просто бесплатной энергии, «энергетический коммунизм».

1.7. Отраслевая структура

Бесплатная энергия — кошмар атомщиков. А вообще надо просить Переслегина провести игру на тему как минимум отраслевых последствий появления бесплатной энергии.

Но ясно, что материальный капитал резко скукоживается и сосредотачивается на формировании инфраструктуры, роботизации и защите от плохого климата.

1.8. Образ личности

Идеал — это творец, созидатель; семья с большим числом детей и возможностью уединения.

Два основных позитивных типа личности: гармонично развитый середняк (питательная почва прогресса) и односторонне развитый специалист (источник и двигатель этого прогресса).

Противоречие и конфликт между ними — один из внутренних двигателей развития общества.

1.9. Образ природной среды

Гармоничное вписывание человека в природную среду, её умеренное приспособление к его нуждам с учётом отдалённых последствий, при необходимости — коренное преобразование (вроде планов Каддафи по орошению Саудовской Аравии).

Агрессивный экологизм (запрет строительства ГЭС из-за уничтожения вида рыбы) недопустим.

1.10. Образ мира в целом

Мир будет хаотичен, непредсказуем, жесток, представлять собой поле войны всех со всеми без правил. Традиционные государства будут в лучшем случае оргструктурами глобального бизнеса, а в основном безвольными исполнителями его воли, в том числе для подавления собственных народов.

Россия должна выглядеть как символ порядка, нормальности, понятности и справедливости, совершенно не скрывающей приоритетности своих собственных интересов. Стиль внешнего поведения — Израиль: перефразируя Голду Меир, мы знаем, что никто в мире не прольёт ни слезинки по рекам нашей крови, и должны относиться к миру соответственно.

2. Общая объединяющая идеология России. Что в неё обязательно войдёт. Критерии, предъявляемые к идеологии, её функции в актуальной ситуации

Помимо изложенного выше идеология должна быть гибкой, приспособляющейся к новым условиям. Для этого необходима конкурентная институциональная среда её разработки и постоянного обновления.

Идеология должна быть открытой и привлекательной (для привлечения сторонников в мире), но опираться на по-английски жёсткое понимание своих интересов и ориентацию на них: «сначала Россия», «wrong or right, my country».

Представляется критически важным примириться со сложившимися в обществе мифами об СССР как «золотом веке» (против порядка 7% монархистов и 15% либералов) и 90-х годах как изгнании из рая и кары за грехопадение и предательство отцов (против 15% либералов) и начать формировать на их основе новый миф о светлом будущем, которое мы все вместе строим во искупление греха.

3. Какую форму подачи и какие институты поддержки должна иметь будущая идеология России

В ходе трети века национального предательства общество утратило способность верить власти. Поэтому введение нового должно маскироваться уже не традицией, как было проработано в Британской империи, а прямым протестом против власти в сочетании с лёгкой фрондой и независимой от власти поддержкой.

Так было с «Бессмертным полком», который исходно затевался либералами как противовес «победобесию» — и вызвал шквал патриотизма, который смыл этих либералов и саму память о них.

Так было и есть с информационными войнами в соцсетях.

Следует запустить Большую игру (термин заимствован у американской попытки поднять волну террора в России в начале 10-х годов) под условным названием «Построй свою Россию».

Как Навальный предлагал своей пастве каждый день делать простые действия для построения Прекрасной России будущего, так и государство должно применить эту схему как минимум для самоочищения, а также доработки и локализации своей стратегии.

А вот институты поддержки идеологии должны быть традиционными.

Но они не могут ограничиваться информационной сферой: нужны реальные социальные лифты, реальное решение наиболее болезненных для общества проблем, что требует содержательных социально-экономических и политических изменений.

При этом для молодёжи должна быть открытая публичная социальная вертикаль (сугубо общественной деятельности, помимо профессиональной линии и сферы культуры) и — обязательно — негласно созданная и контролируемая государством сеть тайных сообществ, отвечающая жажде приключений (как в США: публично скауты, непублично — якобы самодеятельные, а на самом деле в основном созданные ЦРУ в 50-е годы студенческие общества).

Кроме того, общество ждёт от власти Большой Инициативы: и потому, что это свойственно русской культурной матрице, и в силу влияния информационных технологий, которые делают людей бессильными и разрозненными элементами социальных платформ.

И, когда внезапно окажется, что частные и независимые игры и инициативы людей, якобы не связанные с властью, сливаются с этой Большой Инициативой и отчасти именно они породили её (а государство просто приняло и оформило созданное народом), — это и будет симфонией власти и общества, это и положит начало преображению России.

4. Идеология общественная, государственная, партийная (межпартийная). Кто должен быть коллективным субъектом интегральной идеологии

Российское общество внепартийно по историческим причинам — ресурсы скудны, «вторую партию народ не прокормит» в самом прямом смысле. Мы интегральны, едины по своей культуре — отсюда внешние галлюцинации о нашем тоталитаризме и коллективизме.

Но общество не оформлено, не имеет механизмов выработки своей воли. (Пресловутый русский бунт часто — просто тупик неоформленного самоуправления, просто способ вызвать начальника, чтоб он, повторюсь, приехал и решил, а с его решением либо заранее все согласны, либо оно самим своим фактом меняет парализующий сообщество баланс сил.)

Поэтому коллективный субъект интегральной идеологии — обновляющееся в постоянной внутренней и внешней конкуренции государство как мозг и руки общества.

5. Чем новая идеология XXI века отличается от идеологий XX века. Особенности её типа, содержания, формы и подачи

Отличается изменением структуры общества и типа личности: великие идеологии прошлого — для массового индустриального человека, а нам нужно ответить на те же вопросы для только формирующегося, складывающегося, утратившего в силу своего незавершённого характера почву под ногами индивидуального информационного человека.

Особенности типа

Предельный индивидуализм в соответствии с желанием личности по форме, объективно вынужденный коллективизм по содержанию. Это соответствует миру социальных платформ — и, как ни странно, русской культуре, что даёт надежду на наше эффективное будущее.

Идеология должна быть светской, но ощущение снижения познаваемости мира подразумевает ориентацию на бога, что (вместе с общим снижением значимости логики) создаёт новые возможности для ренессанса «гражданской религии», о которой мечтал ещё Линкольн: в её рамках

интересы общества принимаются некритически и неосознанно, на рефлекторном уровне.

Этому способствует объективное структурирование информационных обществ в виде сект, объединённых некритичным восприятием чего-то. Некритичное (в части неэгоистичности, с точки зрения уступки индивидуальных интересов коллективным) восприятие интересов своего общества и есть основа нового патриотизма информационной эпохи.

Особенности содержания

Великая Отечественная война и индустриальный коммунизм в понимании 30-х годов остались в прошлом. Нужен новый миф, объединяющий людей общим подвигом преодоления, общей победой, общими оправдываемыми им жертвами и задающий вектор движения в будущее: «от чего» и «ради чего» мы уходим, во многом предопределяет то, «куда» мы идём.

В качестве такого мифа обществом и частью государства стихийно нащупан миф о «лихих 90-х». Однако сейчас он вступил в лобовое столкновение с социально-экономической политикой и со стремлением части властных акторов реставрировать это время. Данный конфликт блокирует движение в будущее, так как общество увязает в спорах о настоящем (как реанимация конфликта гражданской войны под видом «примирения», которым на деле стала Великая Отечественная, и дискуссия о «сталинских репрессиях», призванные отвлечь людей от их сегодняшних бед, перемещает общество в прошлое: контузия прошлым гарантированно лишает будущего).

Представляется критически важным примириться со сложившимися в обществе мифами об СССР как «золотом веке» (против порядка 7% монархистов и 15% либералов) и 90-х годах как изгнании из рая и кары за грехопадение и предательство отцов (против 15% либералов) и начать формировать на их основе новый миф о светлом будущем, которое мы все вместе строим во искупление греха.

Особенности формы

Комплексность и всеобъемлемость. Формирование всех сторон жизни человека (включая бытовой дизайн, музыку и прочее) в соответствии с задачами идеологии, но не прямо, а при помощи «мягкой власти» через управление стандартами и процедурами (по образцу Запада), что не воспринимается человеком как ограничение его индивидуальной свободы.

Особенности подачи

«Под чужим флагом», партизанским образом, против, а не за власть и тем более не от её имени. Как протест, которому власть потом уступит и который возглавит.

Мы находимся в процессе беспрецедентной в истории трансформации не только человечества, но и самого человека как «меры всех начал». Никогда больше на нашей жизни не будет никакой определённости, кроме той, которую мы создадим сами, своей волей, желанием и упорством. Что мы хотим и что делаем — то и есть определённость и стабильность; никакой другой определённости и стабильности в нас и вокруг нас ещё очень долгое время не будет в принципе.

Поэтому, если мы не хотим, чтобы нашу жизнь структурировали конкуренты, нужна система долгосрочных позитивных целей, постоянно публично проговариваемая, обсуждаемая, развиваемая и корректируемая, которая и создаёт для общества образ желаемого будущего и позитивную уверенность в завтрашнем дне, необходимую для нормальной психики и управляемости.

Эту систему нельзя навязать извне: чтобы общество приняло её как свою часть и своё продолжение в будущее, надо кинуть в него её узловые элементы, её «скелет», а затем вместе с обществом, тщательно контролируя его всегда корыстных и ограниченных активистов, совместными усилиями нарастить «мясо» конкретики и при необходимости исправить первоначальный замысел.

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

Мистика идеологии

I.

Идеология — не некая социально-политическая теория, не сумма научно-политических концепций, гипотез и предположений. Идеология — не текст и не набор какого-то множества текстов, книг, статей, учебников, энциклопедий. Идеология — не форма и не модель особой пропаганды или пропагандистского механизма распространения или дискредитации ценностей, норм, правил. Точнее говоря, всё это может быть некими компонентами идеологии, но в четвёртую или десятую очередь.

Главное: идеология — это сознание данного общества именно как совокупного, целостного социума. В этом случае все остальные партикулярные формы общественного самовосприятия, самоощущения (племенные, клановые, этно-национальные, классовые, корпоративные, партийные, мафиозные и т.д.) подчинены общенациональной идеологии.

Именно такая идеология, как сознание целостного общества, определяет и воспроизводит базовую модель единства данного социума, главные модели поведения и мышления его членов, основные паттерны согласованного взаимодействия классов, социальных групп и страт друг с другом, важнейшие образцы социальных коммуникаций, обеспечивает выживание и развитие социума в истории, составляет важнейший компонент совокупной системной мощи данного государства.

Формирование и управление идеологией является одной из важнейших функций «глубинного государства» данного общества, одним из наиболее скрытых, секретных аспектов государственного управления, поскольку речь идёт о наиболее значимом, тонком, невидимом, уязвимом центре социума.

В 1991 году у советского государства оставалась мощная армия с ядерным и термоядерным оружием, многочисленные дивизии, стратегические ракеты, десятки тысяч танков, сильные спецслужбы с богатым опытом противодействия внутренним и внешним врагам, всё ещё вторая экономика в мире, КПСС с 18 миллионами членов… Но поскольку консолидирующая идеология в советском обществе куда-то исчезла, испарилась, СССР рухнул за несколько месяцев и его десятки и сотни миллионов жителей, раскрыв рты, с безразличием наблюдали, как быстро превращаются из «великого народа» в толпу.

II.

Карл Маркс и Карл Мангейм определяли и обосновывали идеологию, прежде всего, как форму «ложного сознания», которая навязывается господствующим классом всему обществу, как особую манипулятивную технологию государственного управления. И это было совершенно правильно, учитывая тот огромный разрыв, который существовал вплоть до XX века в культурно-информационном потенциале между правящим классом и всем остальным обществом. И, конечно, при навязывании такого «ложного сознания» прибегали, в первую очередь, к прямому классовому насилию. Но это не означало, что большая часть социума воспринималась правящими идеологами как «tabula rasa»: всегда в той или иной мере учитывались, принимались в расчёт и религиозные традиции, и мифологические компоненты общественного сознания, и шаблоны исторической памяти и т.д.

Великая революция 1917 года, поставившая во главу угла задачу кардинального повышения исторической субъектности угнетённого большинства всего общества, потребовала принципиально нового подхода и к формированию общественного самосознания. Ленин, Сталин и Богданов в качестве действительно реализуемой стратегической альтернативы выдвинули и реализовали в 20-е и 30-е годы системную концепцию «открытой саморазвивающейся революционной идеологии», идеологического сознания как «творчества миллионов». Отказ от этой креативной доктрины привёл сначала к критическому росту государственных ошибок, постепенному нарастанию внутренних противоречий в советском обществе, а в конечном счёте — к краху Советского Союза.

Как сказал бы по этому поводу Амброз Бирс: «Ошибки — один из видов моих поступков, в отличие от ваших, имя которым — преступление!»

III.

Важнейшая функция любой живой, открытой идеологии — консолидация социума для совместной согласованной деятельности и мобилизация большинства общества для преодоления периодически возникающих экзистенциальных угроз и рисков.

В XXI веке значимость идеологии как сознания и самосознания социума стала возрастать буквально на глазах. Это связано, прежде всего, с тем, что во второй половине XX столетия начался объективный процесс резкого усложнения практически всех аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ. А это, в свою очередь, вело к нарастанию многоаспектной неопределённости, фрагментации социумов, распаду связей между социумом, социальными группами и индивидами и т.д.

Социально-психологическим ядром любой такой живой идеологии является феномен, который скрыт в понятии «мы» в том или ином соответствующем культурно-историческом обрамлении. Например: «мы — товарищи» в идеологии Ленина–Сталина, «мы — народ» в американской политической традиции, «мы — братья» в арабо-мусульманском контексте.

…Маленький провокационный вопрос: почему в современной России нет такого устойчивого «мы», вплоть до того, что приходится обращаться за помощью к «печенегам» и «половцам»?

IV.

Каждая целостная функционирующая идеология в обязательном порядке включает как минимум десять содержательных компонентов:

1. Обоснование значения «мы» как главного (основного, существенного) субъекта, как особое сообщество в истории или на данном историческом отрезке (прямо или косвенно, в противовес всем остальным «не мы»);
2. Откуда «мы» пришли (историческая, религиозная или метафизическая неслучайность нашего «мы»);
3. Базовый моральный императив, ключевой объединяющий нравственный принцип: что такое «хорошо» и что такое «плохо», что есть «добро» и «зло» для нас, которые «мы»;
4. «Мы» и природная среда, «мы» в рамках биоценоза: что мы хотим от биосферы, а с другой стороны, что требует от нас, которые «мы», мать-природа;
5. «Мы» и глобальное человечество, «мы» и всеобщая человеческая цивилизация: что мы хотим от мира, международной среды, и что мир ожидает от нас;
6. Зачем «мы» здесь: исторический и, желательно, надъисторический смысл жизни, актуального существования для нас как «мы»;
7. «Мы» и власть: взаимоотношение между обществом и властью;
8. Кто для нас как «мы» есть главный внутренний враг;
9. Кто для нас как «мы» есть главный внешний враг;

10. Завершающий интегративный индикатор в рамках живой идеологии: куда, собственно, «мы» идём — образ желаемого будущего.

И именно наличие этих десяти компонентов, прежде всего, и отличает идеологию как целостное, консолидированное сознание социума от обыденного, профанического общественного сознания как суммы индивидуальных и групповых сознаний.

Ещё один маленький провокационный вопрос: почему Кремль так и не объявил общенациональную коррупционную систему главным внутренним врагом? Ответ на него не такой простой, как кажется на первый взгляд…

V.

Три основных типа идеологий и как бы идеологических моделей функционируют в современном мире:

1. Консолидирующая целостная идеология, рефлексивно и креативно реагирующая на внешние и внутренние вызовы, достаточно эффективно поддерживающая динамический гомеостазис в социуме в течение более или менее продолжительного времени, по крайней мере, до появления принципиально иных экзистенциальных угроз и рисков или кардинального изменения баланса сил в самом социуме или в его внешней среде.
2. Ситуативная, среднесрочная квазиидеологическая модель кризисного реагирования как системная пропаганда «консолидации».
3. Квазиидеологическая модель как неэффективная пропаганда, оправдывающая, прежде всего, прямое насилие и соответствующие насильственные технологии правящего класса в данном социуме.

По мере нарастания системной сложности в глобальном человечестве, а следовательно, и роста тотальной неопределённости, происходит закономерное усложнение всех этих трёх идеологических моделей. Одним из результатов этого процесса становится разрушение традиционных типов государственности, появление всё большего количества «failed states» — несостоявшихся государств.

VI.

Главный вызов, обуславливающий объективное усиление значения идеологии во всём мире XXI века, — тотальный, всеобъемлющий кризис, вызывающий растущую по экспоненте неуправляемость в функционировании глобальной системы.

Такой глобальный системный кризис включает как минимум семь подкомпонентов:

1. Экзистенциальный кризис биоценоза;
2. Лавинообразное увеличение всех информационных потоков, которыми невозможно управлять;
3. Всё более явственно обостряющийся цивилизационный кризис;
4. Глобальный кризис рационального мышления, который проявляется, прежде всего, в резком ослаблении ценностно-интерпретирующей функции и в тотальной деградации ответственности всех человеческих субъектов;
5. Глобальный моральный кризис, кризис фундаментальных критериев «добра» и «зла», когда возникают такие чудовищные модели человеческого поведения, которые хуже поведения животных;
6. Хаотическое нарастание противоречий между социумами различных уровней и властными структурами — кризис политического управления;
7. Тотальный кризис личности — потеря критериев индивидуального смысла личностной жизни.

VII.

Именно Россия стала наиболее ярким примером нарастающего всеобъемлющего системного кризиса нового типа.

В 1983 году генеральный секретарь ЦК КПСС и бывший глава КГБ Андропов прямо подписался под признанием: «Мы не знаем общество, в котором живём».

За последние почти сорок лет уровень системной сложности в российском социуме, по нашим расчётным моделям, повысился примерно в 12–13 раз. Как минимум. Соответственно значительно возрос общий уровень хаотической неопределённости, и прежде всего — уровень риска принимаемых решений, имеющих не только долгосрочный, но и среднесрочный характер.

В отличие, например, от США в сегодняшнем социуме РФ отсутствуют специальные big-data центры, целенаправленно и системно интегрирующие сверхбольшие объёмы социальной, этно-национальной, экономической, культурной и т.д. информации, хотя бы наподобие системы DON.

Российский правящий класс не обладает критически необходимым набором имитационных, рефлексивных моделей, позволяющих эффективно использовать эти информационно-логические системы.

Соответственно, в стране нет и достаточного объёма интерпретирующих концепций и теорий, позволяющих работать с такими базами больших данных.

В Российской Федерации, несмотря на непрерывное нарастание системной сложности и неопределённости в социуме, нет даже попыток использования Искусственного Интеллекта в работе с такими сложными моделями в рамках стратегического прогнозирования, стратегического планирования, разработки и применения долгосрочных рефлексивных стратегий и т.д. Поэтому общефедеральный закон о стратегическом планировании в России, принятый в 2014 году, так и не заработал.

Отсюда ясно, почему в отношении очень многих происходящих драматических процессов в российском социуме ни в Академии наук, ни в администрации президента, ни в ФСБ, ни где-либо ещё реальной картины нет.

Сегодня мы гораздо хуже знаем общество, в котором живём! И по многим параметрам это обще-

ство неуклонно превращается в кантианскую «вещь в себе».

И идеология, которая требуется для этого неизвестного общества, — архисложная задача!

VIII.

Современное российское общество нуждается именно в единственно возможной долгосрочной идеологии консолидирующего и мобилизационного типа — идеологии выживания.

Тем более что в ближайшие двенадцать лет стране придётся столкнуться и пережить как минимум три сверхдраматических события:

— экзистенциальный кризис 2022 года;
— экзистенциальный кризис 2024–2026 годов;
— мировой кризис 2031–2032 годов, когда Россия как «больной человек Евразии» может стать геополитической жертвой для временного смягчения глобальных противоречий.

IX.

Есть парадоксальная, но объективная предпосылка для такой общенациональной идеологии выживания. Фактически в современной России в модусе выживания существует в той или иной степени абсолютное большинство населения: начиная от бездомных и кончая олигархами, высшей прослойкой правящего класса и даже многими кремлёвскими сидельцами.

Выживание — исторически удивительно многогранное понятие в России. Десятки миллионов жителей страны недоедают, попросту голодают. Миллионы представителей мелкого бизнеса уже через несколько месяцев могут лишиться своих последних средств существования. Население десятков российских регионов находится в состоянии свободного падения в финансовую пропасть. Российская молодёжь в абсолютном большинстве своём не знает, что с ней будет через несколько лет в условиях действительных экономических перспектив (главная причина демографического кризиса в стране!). Оцепенел в своём бессилии т. н. российский бизнес-класс, столкнувшись с тем, что внутри страны усиливается прессинг коррупционной системы, а вовне растут угрозы отъёма вывезенных капиталов, поскольку доказательства честности их происхождения не столь убедительны и многочисленны.

Для всех этих и других классов, социальных групп и субкультур тема выживания концентрируется в отсутствии надежд на завтра. Чтобы сохранилась страна, выживание должно быть совместным и согласованным. В этом предельная простота будущей общенациональной идеологии выживания.

Ублюдочность российского буржуазного правящего класса (а современная Россия — это классическое империалистическое государство), прежде всего, и проявляется в том, что этот обожравшийся класс ни к чему инновационному, в том числе и идеологическому, в общенациональном смысле не способен.

С этой точки зрения отсутствие в России консолидирующей идеологии выживания вполне закономерное явление.

X.

Что необходимо в обязательном порядке для разработки и реализации общенациональной идеологии выживания с учётом существующих объективных ограничений:

— разработка пакета долгосрочных и среднесрочных системных сценариев глобального будущего с оценкой рисков и угроз;
— создание набора конкурирующих моделей, теорий и концепций стратегического планирования;
— харизматический общенациональный лидер или группа таких лидеров;
— новая мобилизационная модель политической системы;
— новый «орден меченосцев» как модель российского «глубинного государства»;
— новая кадровая система;
— целенаправленное втягивание в разработку и реализацию идеологии выживания креативных социальных слоёв и групп российского социума, прежде всего, молодёжи. Как написал в своё время великий русский поэт: «Когда царит пожар, лишь варвар юн и смел. Не прав лишь тот, кто стар!»

/ Андрей КОБЯКОВ /

Идеология справедливости вне право-левых координат

Общая консолидирующая нацию идеология России сегодня — социальный консерватизм (в терминах С. Ю. Глазьева — социально-консервативный синтез, в терминах Русской доктрины — динамический консерватизм). Это — эволюционный путь развития с опорой на прошлый опыт и с учётом важнейшей для России идеи справедливости.

Образ-идея страны, образ государства напрямую связан с цивилизационной и национальной идентичностью.

Россия относится к типу стран, которые не просто претендуют на сильные позиции в мире с политической точки зрения, но и формируют в себе и вокруг себя особый культурно-исторический тип развития, создают ценностно-идейные пространства со своими историческими идеалами и глобальными проектами. То есть Россия — это страна-цивилизация. Нам исторически и культурно близка Европа, в то же время понятен менталитет Востока, но при этом у нашей культуры есть своё устойчивое ядро. Поэтому Россия может быть уникальным мостом и осью для Евразийского континента, обеспечивающим ему мир и баланс сил.

Традиционная роль России в мире — роль удерживающего, Катехона.

В мире разворачивается сейчас новая гонка за доминирование, мир на наших глазах вновь всё больше становится биполярным.

Гипотеза Фукуямы о конце истории и переходе мира к однополярной конструкции, как и следовало ожидать, оказалась несостоятельной, но, по большому счёту, мы и не приближаемся, как мне кажется, к модели полицентричного, многополярного мира, который был бы гораздо более приемлемой для нас конструкцией. В этой новой конфронтационной биполярной конструкции ошибочным было бы, на мой взгляд, пытаться встроиться на правах младшего партнёра в один из этих полюсов. Один раз уже пробовали, и не просто не получилось, а мы получили ещё и кучу затрещин, даже несмотря на такое рыщущее, с горящими глазами желание стать частью этого Запада, жертвуя даже какими-то своими иммунитетами и суверенитетами — нас там не ждут и хотят, чтобы мы откровенно сдались. Я боюсь, что нас ждёт ровно такая же судьба, если мы попытаемся присоединиться к другому конкурирующему полюсу.

Необходимо бороться за подлинную многополярность мира. В частности, путём выстраивания «третьей силы» по аналогии с бывшим Движением неприсоединения в составе государств, дорожащих своим суверенитетом и независимостью, претендующих как минимум на региональную субъектность и не желающих быть лишь придатком того или иного глобального гегемона. Россия могла бы выступить инициатором такого движения, такого третьего центра силы.

Далее, говоря о государстве. Государство в России не просто система политических институтов или «набор сервисов», «наёмный управленец», от которого отделены личность и народ. Исторически Россия является государством-цивилизацией, и государство воспринимается обществом как самостоятельная ценность, как защитник и гарант порядка и развития. В своём отношении к государству российское общество является патерналистским — что определяется его ориентацией на модель государства-семьи. Россияне мало склонны к массовому участию в аналогичных западным структурах гражданской самоорганизации в виде общественных объединений, союзов и т. п.

Русские и другие народы, населяющие Россию, не представляют себя вне собственного государства, это сложившаяся форма существования нации. Такая сверхроль государства ничуть не противоречит часто складывающейся в реальности ситуации отчуждения человека от государственной машины и её конкретных неэффективных, а порой и абсурдных проявлений. Напротив — россияне предъявляют к государству и власти сверхтребования именно потому, что власть в России в глазах народа имеет **почти сакральный характер**, и эти требования выходят далеко за рамки технического обеспечения работы тех или иных институтов — административной, судебной системы и пр. От власти и государства ждут большого проекта, стратегического видения, обеспечения социальной справедливости и развития. Снижение доверия к государству, вызванное дискредитирующими действиями представителей власти, в России, как правило, является куда более опасным для стабильности и устойчивости страны, чем внешние угрозы или экономические трудности.

Россияне предъявляют к государству и власти сверхтребования именно потому, что власть в России в глазах народа имеет почти сакральный характер, и эти требования выходят далеко за рамки технического обеспечения работы тех или иных институтов — административной, судебной системы и пр. От власти и государства ждут большого проекта, стратегического видения, обеспечения социальной справедливости и развития. Снижение доверия к государству является куда более опасным для стабильности и устойчивости страны, чем внешние угрозы или экономические трудности.

МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВА

У нашей страны есть уникальный опыт: мы не в теории, а на практике знаем все плюсы и минусы как социалистической, так и капиталистической экономической и социальной модели. России нужно построить такое общество и такую экономику, где было бы возможным сочетание интересов разных социальных слоёв и групп, но при этом все были бы объединены общей идеей, понимали бы, что делают общее дело, строят одну страну и своё будущее связывают именно с ней.

Почему социальный консерватизм?

Россияне в основной своей массе сущностно консервативны — и это подтверждают все профессиональные социологические опросы, включая самые свежие. Выясняется, что **2/3 населения не хотят революций, не хотят болезненных сломов** — не в силу приписываемой нашему народу сервильности и терпеливости, а осознавая на уровне очень глубокой народной мудрости, что подобные сломы будут окончательно самоубийственны для страны и народа. И это свидетельствует о гармоничности социального консерватизма для российского менталитета. Консерватизм россиян проявляется, прежде всего, в том, каким они видят идеал общественного устройства и общественного развития.

Различные идеологии видят этот идеал по-разному.

— Либерализм абсолютизирует личные свободы и интересы и, как следствие, считает естественным столкновение этих интересов («война всех против всех»); разрешение этих противоречий происходит через рынок и соблюдение «правил игры» (формальное право); государство и общественные институты воспринимаются как нежелательный, но неизбежный компромисс («государство — ночной сторож»). Либеральный идеал общественного устройства — борьба индивидуализмов, борьба личностных эгоизмов, которая, по большому счёту, не должна ничем сдерживаться, кроме удержания нас на грани убийства себе подобных, и не более того.

— Лево-социалистический идеал связан с идеями формального, статистического равенства, достигаемого механистическими методами и процедурами. Абсолютизация равенства определяет негативное отношение социалистического сознания ко всем видам иерархий.

В отличие от них консерватизм основан на примате идей братства, родства. Это не механистический взгляд на общество и не негативистский взгляд на общество как просто на сумму индивидуумов. Социальный идеал консерватизма выражает себя в максиме: **народ, нация — это Большая Семья**. Консерватизм — это идеология общего дела на общее благо. Это идеология солидарности, то есть единства народа, его интересов, целей, задач, моральных стандартов, предполагающая первостепенную роль фундаментальных неразрывных связей в обществе, объединяющих его в единое целое. Эти родственные отношения самоопределяют и личность в этой модели. Через братскую любовь, через любовь к своим ближним проявляется общественная сущность человека.

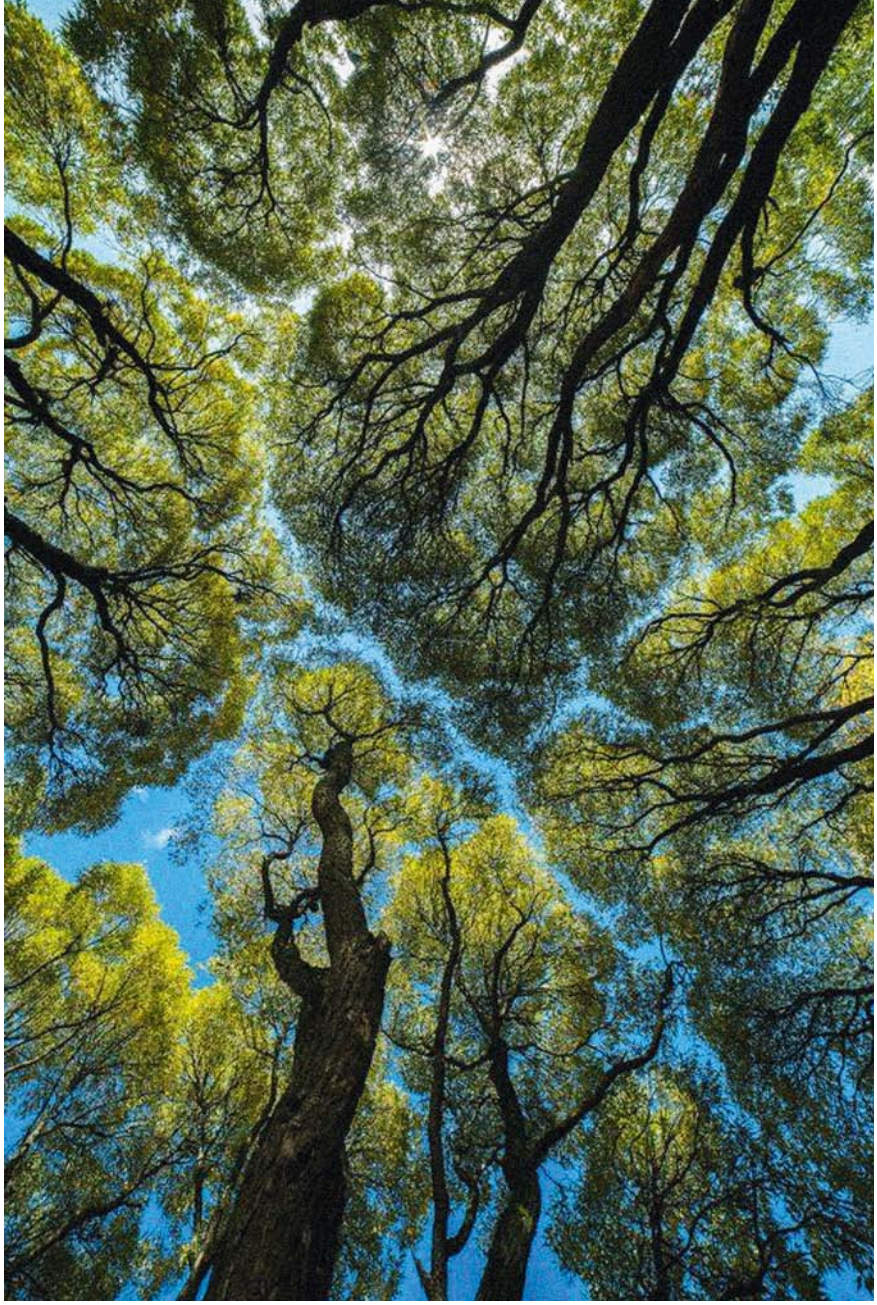
В идеале государство, бизнес и общество должны функционировать как единый живой организм или музыкальная симфония, где у каждого своя роль и свои важные задачи.

Консерватизм предполагает ценностную идентичность общества.

Среди ценностей, имеющих ключевое значение для России, главные — справедливость и солидарность. Справедливость почему-то многие относят к левым идеям. На мой взгляд, узурпация здесь невозможна. Русский консерватизм, основанный на православной цивилизации, на общинном строе народа, на понимании русской правды, видит в справедливости одно из стрежневых для себя понятий. Иными словами, это не атрибутика левой или правой идеологии. Справедливость выступает как идеал социальной правды. Общество, построенное на принципах справедливости и солидарности, вовсе не означает запрос на тоталитарный уравнительный коллективизм, что часто приписывают русским несведущие «эксперты». Напротив, это идеал государства как семьи, где существует естественная иерархия, где более сильные и старшие заботятся о слабых и младших, где существует взаимовыручка, взаимные обязательства и братское согласие. Поэтому, несмотря на уже десятилетия прививаемого либерального социального дарвинизма, когда слой сверхбогатых и приближённых к власти элит ведёт себя как новая каста или новое сословие, абсолютно отделённое от всех остальных, а городскому среднему классу предлагают так же «классово» обособиться от провинциальных и бедных россиян, общество упорно сопротивляется и, даже будучи де-факто втиснутым в рамки социальной сегрегации, отказывается принимать эту схему как правильную и справедливую. **Россияне не хотят жить в государстве, где «человек человеку волк»**.

Соборность и общинность народа — не синоним стадного коллективизма. Стремление к солидарности подразумевает не насильственное, а добровольное и сознательное объединение для решения общенациональных задач, совместный труд на уровне общего дела. Идеал солидарности — это единство народа и государства, когда в политическом устройстве народ не чувствует себя отчуждённым от принятия решений, а в экономическом устройстве страны её ключевые ресурсы и инфраструктура являются общенародной собственностью и работают на благо всех, а не избранных собственников.

Таким образом, солидарность общества в России неразрывно связана с социальной справедливостью, понимаемой отнюдь не как уравниловка, а как равные возможности для всех, защита слабых и ответственность сильных, определяющей



социальный статус каждого в зависимости от реальных достижений и заслуг перед обществом.

Сегодня в обществе наблюдается высокий уровень консолидации по вопросам положения России в мире, гордости за отечественную историю, науку, спорт, армию. Однако есть то, что, напротив, вызывает у россиян глубокое неприятие — несправедливость существующего экономического уклада.

Глубокий раскол современного российского социума во многом обусловлен явно гипертрофированным, уродливым уровнем неравенства, когда одна часть общества ищет смысл своей жизни в бесконечной гонке гламурного потребления, а другая находится в состоянии перманентной борьбы за физическое выживание.

С 1990 по 2018 год индекс Джини (показатель распределения доходов по всем группам населения) вырос в России с 0,24 до 0,401, а децильный коэффициент (отношение доходов самых богатых 10% населения к доходам самых бедных 10%) возрос с 8 до 14,5. Это официальные данные, а если использовать экспертные оценки, то ситуация гораздо хуже. Но даже по официальным данным, с точки зрения распределения доходов российский показатель более чем в 1,6 раза превышает значения, рекомендованные ООН, а эти рекомендации основаны на оценках рисков социальных конфликтов и возникновения социальной напряжённости. В соответствии с «антирейтингом» МВФ и Всемирного банка по индексу Джини наша страна находится в «приятном» соседстве с Кот-д'Ивуаром, Сенегалом, Бурунди и Кенией.

Отдельно отметим проблему распределения активов, а не доходов в России. В этом отношении ситуация в нашей стране не имеет мировых аналогов. Индекс Джини по накопленному богатству в Российской Федерации совершенно запределен и составляет, по разным подсчётам, от 0,83 до 0,88 (важно иметь в виду, что предельное — гипотетическое — значение индекса может приближаться к единице, что означает абсолютное неравенство, когда всё богатство сосредоточено у 10% населения, и Россия уже близка к этой гипотетической ситуации). По данным Credit Suisse за 2019 год, 10% самых богатых россиян владеют 83% совокупного благосостояния.

По данным Global Wealth Report за 2019 год, на долю самых богатых 1% россиян приходится 58,2% всех личных активов в России. Это позволило маркировать Россию как **страну с самым высоким имущественным неравенством** среди 40 наиболее экономически значимых государств мира. Российский показатель сравним лишь с «банановыми республиками», где все ресурсы находятся в руках элитных кланов.

Модель социальной рыночной экономики на Западе иногда ещё называют «обществом двух третей». С таким обществом закономерно связывают стабильность — социальную, экономическую, политическую. Мы же у себя в стране умудрились построить «общество двух третей наоборот». Если в развитых странах две трети населения приходится на средний класс, то в России две трети населения — бедняки.

Россия превращается в общество с зашкаливающим уровнем неравенства, где есть фактически только бедные и богатые, а прослойка среднего класса исчезающе мала. Из-за гипертрофированного социального и имущественного расслоения, поляризации общества по уровню благосостояния, доходам и активам граждане всё острее ощущают несправедли-

вость экономической и социальной системы в России. Как прожиточный минимум, так и минимальные пенсии и зарплаты находятся на запредельно низком уровне, на уровне физического выживания (а нередко — и ниже этого уровня). У пятой части работающих доход ниже прожиточного минимума, существует позорный для нашего государства феномен бедности работающих квалифицированных специалистов. Формирование общества без устойчивого класса «среднедоходного» большинства приводит к ситуации, которую лучше всего можно описать термином «неофеодализм» — узкий слой сверхбогатых и основная масса бедных.

В такой модели общества любые призывы к развитию будут отторгаться. Вместо чувства причастности к общему делу, объединяющих общих интересов, атмосферы заинтересованности в конечных результатах совместных усилий она закономерно порождает всеобщее отчуждение, чувство безысходности и бесполезности какой-либо активной жизненной позиции и напряжения воли во имя достижения общенародных целей, которые воспринимаются как иллюзорные.

Радикальное снижение существующего уровня неравенства — императив, непременное условие гармонизации общественных отношений, дальнейшего движения вперёд.

Преодоление гипертрофированного неравенства и курс на модель «социального партнёрства» гарантируют преодоление в обществе взаимной ненависти и классовой розни, решают задачу обеспечения социальной безопасности.

МОДЕЛЬ ЭКОНОМИКИ

Оптимальная модель — преимущественно самодостаточная многоукладная экономика с максимально замкнутым воспроизводственным циклом.

Модель открытой экономики, равно как и идею о встраивании в чужие цепочки создания стоимости следует отринуть как ложную и вредную для России. Россия в силу своих размеров (и территории, и набора ресурсов, и численности населения) — одна из немногих стран мира, которая должна в большей мере ориентироваться на квази-автаркию, развитие с опорой на собственные силы. В последние годы эта идея становится всё более актуальной (санкции, пандемия, усиление протекционизма развитых стран, торговые войны и пр.). Делать это надо в рамках развития евразийской интеграции, то есть через создание защищённых, гарантированных рынков сбыта для российских производителей и их партнёров по объединению. Сами рамки евразийской интеграции необходимо значительно раздвинуть за пределы постсоветского пространства, имея в виду включение в объединение других крупных игроков, таких как Иран, Индия, Турция и др.

Россия в последние тридцать лет стремительно теряет свою долю в мировой экономике. Это следствие того, что российская экономика развивается темпами существенно более низкими по сравнению со среднемировыми. Сами эти среднемировые темпы вовсе не являются столь уж высокими — Россия вполне может в течение длительного времени устойчиво обеспечивать свой экономический рост темпами, значительно превосходящими среднемировые.

Для этого необходимо отказаться от навязанных нам догм «вашингтонского консенсуса», от неолиберальных методов экономической политики (бюджетной, денежно-кредитной, торговой и т.д.), доказавших свою неэффективность и губительность. Воспользоваться опытом стран Восточной и Юго-Восточной Азии создания высокоэффективных и динамично развивающихся экономик, вспомнить свой собственный опыт (реформы Менделеева — Витте, опыт ГОЭЛРО,

советских первых пятилеток), взвешенно оценить, что из этого опыта может быть успешно применено в современных условиях.

Необходим инициированный государством Большой проект — проект модернизации, структурной перестройки российской экономики, освоения и благоустройства собственной территории.

Необходимо программирование развития на уровне центральной власти на основе стратегического планирования (здесь новые возможности, которые предоставляет цифровизация, технологии BigData и другие, позволяют вывести стратегическое планирование и контроль результатов на совершенно иной качественный уровень), а также раскрепощение инициативы регионов и местных уровней власти через пересмотр налогово-бюджетных принципов в пользу большей региональной самостоятельности.

Необходимо сотрудничество на благо России государства с национально ориентированным отечественным предпринимательством.

Предъявив образ будущего, отвечающего народным чаяниям, и Большой проект развития, государство создаст основу для формирования нового общественного договора и подлинно солидарного общества.

Необходимо оживление политического поля как альтернативы фейкам «технократии». Реально действующие институты и политические партии должны быть средством выражения и проводниками интересов различных социальных групп, а политическое поле и парламент — местом поиска баланса этих интересов. Сегодня конструкция политического пространства в России не выполняет эту функцию.

Главной задачей создания живой, функционирующей политической системы в России должно стать возвращение в политику смыслов. Основная беда нашего времени — его тотальная фальшь. Сам класс современных политиков и политтехнологов деидеологизирован. России нужны партии, которые одновременно могли бы предложить ценностно обоснованную и теоретически проработанную повестку большого масштаба, и вступить в дискуссию о судьбах политических идей (левой, консервативной и либеральной) в современном мире, возникновении новых политических смыслов и новой политической философии.

Вместо бесконечных убого пропагандистских телешоу об Америке и Украине в медийном пространстве были бы куда полезнее дебаты представителей различных политических и общественных сил о решении насущных вопросов развития российской экономики, культуры, социальной сферы.

Российскую политическую систему можно превратить в механизм обратной связи и поиск общественного консенсуса. Цель такого консенсуса — эволюционное развитие и недопущение сценариев стихийного сноса власти в очередной революции. Власть и общество должны научиться общаться в форме здорового диалога, а политическая система и парламент должны быть механизмами этого общения. Так можно будет заключить реально работающий общественный договор между властью, обществом и бизнесом.

Сумеет ли такая система сформироваться в ближайшее время? Если оставаться на позициях реализма, то следует признать, что этого может и не произойти. Желательны, конечно, эволюционные преобразования, но нужно всегда иметь в виду, что законы выживания неумолимы — та система, которая утрачивает способность к необходимым изменениям, сама приводит себя к краху.

Если живое политическое поле в России начнёт формироваться, **одной из наиболее нужных сегодня обществу политических сил должна была бы стать партия, представившая новые политические координаты вне право-левого дискурса**. Объединяющая консервативные ценности — на основе цивилизационной идентичности, не противодействующие новому, а позволяющие стране и обществу развиваться с учётом имеющегося цивилизационного багажа, — и социальную справедливость в экономическом и социальном устройстве при активной роли как государства, так и отечественного бизнеса.

Модель открытой экономики, равно как и идею о встраивании в чужие цепочки создания стоимости следует отринуть как ложную и вредную для России. Россия в силу своих размеров может развиваться с опорой на собственные силы. В последние годы эта идея становится всё более актуальной (санкции, пандемия, усиление протекционизма развитых стран, торговые войны и пр.). Делать это надо в рамках развития евразийской интеграции, то есть через создание защищённых, гарантированных рынков сбыта для российских производителей и их партнёров по объединению. Сами рамки евразийской интеграции необходимо значительно раздвинуть за пределы постсоветского пространства, имея в виду включение в объединение других крупных игроков, таких как Иран, Индия, Турция и др.

/ Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ, Юлия ЧЕРНЯХОВСКАЯ /

Мобилизующая идеология и образы будущего

Консолидирующая страну идеология и такая категория, как образы желаемого будущего, — не тождественные понятия. Да, любая идеология включает в себя ценности и цели, а также, если оказывается завершённой, аксиологическую систему, политическую и экономические модели.

В отличие от аксиологической основы политическая и экономическая модели могут относиться как к идеальному будущему, так и в качестве реалистичного оптимума для сегодняшнего или ближайшего завтрашнего дня. То же касается и целей, в которых за основу берётся некий желаемый образ будущего.

Разница между объединяющей нацию идеологией и конструируемым образом желаемого будущего заключается в том, что первая — ориентирована на объединение общества сегодня, а образы будущего могут соответствовать интересам части социума и противоречить интересам другой его части.

Политическая идеология становится таковой не тогда, когда она соответствует увлечениям и вкусам лидеров, элит и интеллектуалов, — а только тогда, когда оказывается способна оказывать существенное и долговременное воздействие на поведение масс. Она выполняет, среди прочего, функцию оправдания действия, но это лишь третья из её функций, следующая за функцией познания реальности и ориентации действия: и элит, и масс.

Определяющий момент для идеологии: способна ли она оказывать действие на поведение масс и политических сил. И типов этого воздействия в общем-то немного. Располагаются они, в первую очередь, по двум шкалам: активизирующее — сдерживающее с одной стороны и рационализирующее — эмоционально-ориентированное с другой. Что может выливаться в мобилизующее воздействие, упорядочивающее, сдерживающее, организующее, расковывающее, объединяющее, атомизирующее и т.д., причём ориентировать как на индивидуальные, так и на коллективные формы политического действия.

Если вести речь об идеологии, способной сплотить нацию в данный момент, — то по определению это будет национализм. Разумеется, в его классическом, а не экстремальном состоянии.

Если речь идёт о том, какие образы желаемого будущего мы начинаем конструировать, то мы неизбежно оказываемся в некоей развилке между тем, что мы считаем близким нашим сегодняшним симпатиям, и тем, что реально рождается из сегодняшнего цивилизационного состояния. Причём здесь проявляется несколько новых форматных дилемм.

Национализм — это идеология единства Нации, основным лозунгом которой становятся слова: «Да здравствует Нация!», — но не в смысле «Долой инородцев!», а в смысле «Долой аристократов и попов!». При этом мы все (французы, итальянцы, немцы, англичане и т.д.) оказываемся с другой стороны баррикад. То, что потом нация социально дифференцируется на имущих и неимущих, работодателей и наёмных работников, то есть — капиталистов и рабочих — это её будущая судьба и будущие проблемы национализма как идеологии. Но в основе своей — это именно единство «непривилегированных» — то есть Единство Равных. Во всяком случае — единство юридически равных. Националист не может принять идею монархии — потому что не может принять приоритета монархического суверенитета над идеей нации. Националист не может принять власть и привилегированное положение церкви — потому что не может принять приоритет наднационального, каким является божественное, над национальным. Националист не может принять ценность и самозначимость обычая и традиции — потому что отражает национальный экономический и интерес и приоритет Разума как высшего абсолюта. Националист не может принять и сохранить сословность — потому что она ставит под вопрос принцип Нации как единства юридически равных.

Существует мнение, высказанное относительно недавно И. Валлерстайном, что к середине XXI века в России утвердится и возобладает идеология национализма. Причём главной культовой фигурой этой идеологии станет Ленин, которого он рассматривает, определённым образом это мотивируя, как реального воплотителя классического русского национализма именно в том смысле, о котором выше шла речь.

Если мы говорим о положительных образах будущего, то встаёт вопрос: образов таких может быть много. Но нужно разобраться: это тот образ, который нравится нам, или это образ того будущего, которое вытекает из нынешних тенденций развития. Наконец, возникает и следующий вопрос: этот образ цивилизационного будущего кажется неизбежным не с точки зрения текущих тенденций, а с точки зрения самого хода цивилизационного развития. (Под «цивилизацией» мы здесь понимаем не метафоры Данилевского, а определённый общий этап развития человечества, который, обладая едиными универсальными чертами, тем не менее может достаточно сильно разниться в разных национальных условиях.)

Ещё раз: для того чтобы политическая идеология состоялась в своём функциональном значении, в частности — в своей мобилизационной функции, она должна соответствовать утвердившимся либо нарождающимся доминантам общественных настроений.

Почти бессмысленно пытаться выстроить подобную идеологию на основе интеллектуальных конструктов уже существующих интеллектуальных групп: каждая из них будет настаивать на верности своего подхода, а попытки найти объединяющее начало преимущественно приведут к выхолащиванию наиболее значимых элементов каждого. Но важнее другое: эти конструкты не могут быть трансформированы в реальную политическую идеоло-

гию именно потому, что они в той или иной мере экзотичны, не соответствуя, как правило, значимым вызревающим ожиданиям социума.

Нужно признать, что:

а) Набор доктрин, обладающих качествами идеологии, вообще в мире достаточно ограничен. В конечном счёте — это те же либерализм, коммунизм, консерватизм, национализм в их известных всем исторических воплощениях. Причём это есть не результат отсутствия чьей-либо политической фантазии, а продукт исторического формирования четырёх основных верификационно-интерпретационных моделей исторического и политического развития;

б) Идеология должна решать не задачи удовлетворения политических симпатий авторов, а задачи исторического цивилизационного развития общества.

Политическая идеология — это не набор предпочтений и лозунгов: это **мировоззренческий выбор, реализуемый в действии**.

Идеология — это не пропагандистская доктрина. Идеология — это цели и ценности. Или, точнее, — ценности и цели. В отличие, кстати, от религии, включающей в себя именно ценности, — но не включающей цели переустройства реального социально-экономического мира.

Значимым фактором объединения является общее видение прошлого, — но прошлое несёт в себе и конфликты прошлого, деактуализировать которые может только ярко мотивирующий образ будущего, соединяющийся с вызревающими сегодня значимыми предпочтениями настоящего. Разговор о будущем обостряется обычно в условиях больших межцивилизационных переходов. Эпоха классических утопий родилась при переходе от аграрного общества к индустриальному обществу. Последние три четверти века цивилизация оказалась на рубеже перехода от индустриального общества к постиндустриальному, то есть обществу, которое может задействовать в производственном процессе порядково меньшую часть рабочих ресурсов в сравнении с прежними условиями.

Возникает развилка: между Обществом Потребления и Обществом Познания и Созидания. В Обществе Потребления высвободившиеся из материального производства люди либо получают некую форму гарантированного дохода без участия в полезной деятельности, либо используются в сфере обслуживания потребления. В Обществе Познания высвободившиеся люди сосредотачиваются на научной работе, поисковых исследованиях, художественном творчестве и т.д.

В первом случае стимулом развития остаётся потребление, а поскольку оно оказывается гарантированным — то в итоге развитие лишается стимула. Во втором случае стимулом развития становится сам процесс познания, удовлетворения от познания мира и творческой деятельности по его преобразованию.

Отсюда, выбирая и формулируя желательные образы будущего, причём определяя в поле между реально возможным и идеально желаемым, мы должны определиться между несколькими форматными дилеммами разного уровня:

— *между Обществом Потребления и Обществом Познания и Созидания;*
— *между Обществом, подчинённым диктату действующих тенденций, и Обществом, создающим Новую Надежду;*
— *между Обществом доминирования в человеке биологического и Обществом доминирования социального;*
— *между Обществом, подчинённым инерционности, и Обществом, подчиняющим себе прорывное развитие.*

В зависимости от того, каким оказывается выбор, соответствующими оказываются и политический режим функционирования, и политическая форма этого общества.

В случае если речь идёт об обществе, действующем в парадигме существующих тенденций и ценностей, ориентированное на удовлетворение равномерно возрастающего потребления, что выступает главной задачей и ценностью общества, — оно нуждается в умеренно демократическом режиме при традиционных для современных западных стран формах соревновательной политической демократии.

В случае если речь идёт об обществе, уходящем от доминанты постоянства, точнее — переформатирующем постоянство из понимаемого как минимизация крупных изменений — в постоянство стабильного ускорения развития, оно нуждается в форсированно-целевом политическом режиме, для которого доминантой является не приоритет прав и права, а приоритет целей и эффективности. Его политическая форма строится под сферы решения проектных задач и носит характер организации управления крупным стратегическим проектом.

Нужно ответить на такие вопросы по образу нашего будущего.

Это должно быть общество, в котором доминирует обычай и постоянство, — или это должно быть общество, в котором на место постоянства приходит прорывное развитие или даже постоянный прорыв?

Это должно быть общество, в котором главной ценностью является возможность растущего потребления — или общество, где главной ценностью становится стремление человека к познанию и открытию нового?

Это должно быть общество, в котором человек будет работать только тогда и потому, что это выгодно, — или общество, в котором ему будет работать интересно?

Это должно быть общество, которое живёт и развивается так, как жило и развивалось столетиями, — или общество, которое само решает, по каким законам ему жить, сохранять или менять русло своего развития?

До начала Нового Времени мы имеем цивилизацию, существующую в состоянии постоянства без резких рывков в развитии. Первым изломом этой «кривой постоянства» становит-

ся Английская революция. Кривая начинает изгибаться вверх. Потом Французская революция, ещё резче поворачивающая эту кривую. Великая Октябрьская революция, потрясшая весь мир, означает вертикальный перелом кривой развития Цивилизации Постоянства к Цивилизации Прорыва — это было потрясение для всего мира. И затем этот вертикальный прорыв прерывается, как полёт космической ракеты, у которой на взлёте отказал двигатель. В какой-то момент сбилась подача топлива, ракета начинает падать. Кривая цивилизационного взлёта обернулась цивилизационным падением: не просто поражением коммунизма и СССР, а запуском механизма исторического регресса.

С точки зрения преодоления регресса и возврата к восходящему развитию встают следующие вопросы. Первый: чего мы хотим? Тут есть несколько развилок. Мы хотим общество, которое будет развиваться в соответствии с существующими тенденциями, или общество, для которого мы сможем создать условия для развития по его собственным законам? Мы хотим общество, которое будет посвящать себя материальному сверхпотреблению, либо мы хотим общество, в котором ценностью общественного поведения будет стремление к созиданию и познанию?

Здесь возникает вопрос: каким группам социума интересно бесконечное познание, а каким не интересно? Тогда встаёт вопрос: как должны быть организованы группы, которые делают такой выбор, и как должны строиться их отношения с теми, кто предпочитает выбор противоположный?

Отсюда вытекают и два других вопроса о видении будущей государственной организации. Государство или общественная постполитическая организация, которая будет существовать, когда это состояние будет достигнуто, — это одно. Государственная общественная организация, которая возникнет по пути к этому обществу, — это другое.

С этой точки зрения то, что видится как постполитическая организация общества созидания и потребления, — это общество всеобщего участия, что сейчас уже достаточно легко осуществить, благодаря интернет-технологиям. Это общество, где существует коллегиальный Мировой Совет, принимающий решения по мере актуализации тех или иных проблем, состоящий из избранных в него специалистов в своих сферах. Причём две трети в нём занимают учителя и врачи как две основные специальности, создающие человека как личность и гарантирующие его развитие и здоровье. Это общество, в котором стремление к труду является основным латентным образцом, а стремление к созиданию и познанию является основным адаптивным механизмом. Интеграция такого социума становится целью общественного развития.

Однако это состояние не может быть достигнуто сразу. Если говорить о том состоянии, которое должно быть по пути к этой цели, назовём его этапом Большого Перехода, — это тоже отчасти корпоративная организация, творчески корпоративная, по типу организации деятельности в атомном и космическом проектах (Курчатов, Королёв). Условно говоря, это сети, подчинённые генеральным конструкторам при некоем общем политически координирующем руководстве.

В этой организации созидательного процесса переходного этапа просматривается наследование трём Великим созидательным Проектам послевоенного периода: проекту «Космос», проекту «Атом», проекту «Преобразование природы». «Космос» — познание внешнего мира, выход во внешний мир. «Атом» — познание микромира, «Преобразование природы» — изменение окружающего мира. По сути, тогда рождалась политико-философская ценностная основа будущего устройства мира, общества, где самое главное и интересное для человека — это Познание и Преобразование. В этом отношении образ общества и социальная структура — это общество созидателей, общество творцов, в котором есть

определённое профессиональное деление, но нет социально-классового деления.

И здесь тоже стоит проблема выбора. Что мы хотим создать:

— страну, производящую научные знания и на их основе обеспечивающую функционирование своего производства, — или страну, поставляющую сырье и зависимую от чужих технологий;
— страну, основанную на всеобщем участии и общественном самоуправлении, — или страну, опекаемую «Железной пятой», сто лет назад описанной Джеком Лондоном, — и хорошо ещё, если «пятой» своей, отечественной;
— страну, где человек ни от чего не получает большего наслаждения, чем от любимой работы, — или страну, где он ни от чего не получает большего наслаждения, чем от счёта в зарубежном банке и поездки на заграничный курорт.

Чтобы сделать очевидный выбор, важно понимать, что для его обеспечения потребуется, в первую очередь, развитие отраслей, обеспечивающих научно-технический прогресс, приоритетное развитие фундаментальной науки и технолого-производящих направлений, параллельной организацией реконструкции существующих производств на тех технологиях, которыми располагают отрасли, остающиеся лидерами в технологической сфере, — и тех технологиях, которые удаётся получить извне.

Причём в любом случае центральный здесь вопрос — это именно создание производства, в котором всё, что не требует самостоятельного решения, — отходит технике. Всё, что требует таких решений, — отходит человеку.

С одной стороны — здесь стоит задача освобождения человека от неинтересного труда, с другой — его использование там, где наибольшую отдачу могут дать именно его творческие способности и потенциал выработки нестандартных решений.

При этом стоит вопрос и о собственно технологической реконструкции.

В этом отношении сам социум будущего можно как принцип и явление определить через три упомянутых момента: на первом уровне это собственно признание обществом ответственности за условия развития человека, на втором — общественное признание человека не только объектом заботы, но субъектом и самоценностью социума, наконец, на третьем — исторически доступное воплощение общества саморазвития и возвышения человека.

Само по себе в научном смысле это не строй, не политическая система, это принцип отношения общества к человеку. Но как принцип, воплощённый в конкретном общественном устройстве, он может рассматриваться и как определённый тип этого устройства.

Модель экономики здесь естественная, отчасти сохраняющая варианты социального предпринимательства, т. е. когда человек частным образом занимается некоей экономической деятельностью не потому, что хочет получения прибыли, а потому, что это ему интересно. Например, интересно опубликовать книги, которые сейчас не опубликованы. Подобные виды социальной предпринимательской деятельности, скорее всего, остаются. В остальном, чтобы не пугаться понятия «плановая экономика», можно отметить, что речь идёт о пострыночной экономике. Потому что рынок и план — это не две альтернативные линии развития. Рынок — это одна фаза, «фаза парусного судоходства», план — это другая фаза, «фаза пароходства». План — это учёт требований спроса и предложения на глубину перспективы.

И в этом отношении социум будущего предполагает:

- признание человека субъектом и в качестве гарантий такового требует гарантии права человека на участие в делах социума, причём не только в смысле формального права отправлять некие электоральные процедуры, а в качестве гарантий реальной возможности «знать обо всём и обо всём судить обоснованно»;
- но это же признание требует гарантий права не только на политическое участие, но и на творческое содействие, т.е. гарантий не только на формирование в качестве элемента совокупной рабочей силы, но в качестве права на её развитие и совершенствование, права на творческое соучастие, выдвижение и осуществление своих творческих проектов;
- и в дальнейшем его развитии — гарантий права на развитие человека, поскольку общество видит его как цель своего становления и принимает на себя обязательства по созданию условий возвышения человека.

Что этому мешает? Крупные группы, ориентированные на приоритет обогащения, который ставится ими выше развития. «Массовый сытый человек», т.е. обкормленный человек. Мешает массовая культура, когда огромная масса людей получила доступ к высоким достижениям культуры, но не может её освоить. Мешает бюрократизация и мертвенная формализация государственной работы. Мешает ориентация власти на массового потребителя и на развитие установки повышения потребления.

Но сегодня задача на порядок сложнее: мешает действие механизма социального и исторического регресса, и встаёт вопрос: как его обратить вспять и как надо заново выстраивать механизм социального прогресса? При этом нужно учитывать, что есть два понимания прогресса. Одно — постмодернистское, когда прогресс — это любое изменение, когда под прогрессом начинает пониматься разрушение даже не отжившего, а просто существующего, в частности — всех и всяческих запретов, самой культуры и самой цивилизации, суть которых — именно в существовании запретов. Другое понимание прогресса как линии восхождения человека в его развитии, в развитии его способностей как созидателя и творца.

Главное же, что мешает, — боязнь напряжения и прорыва. У Большой тройки советских писателей-футурологов — Стругацкие, Ефремов, Казанцев — в конце 1960-х гг. появляется серия предупреждающих негативных прогнозов. Они исходили из того, что движение в будущее и само будущее — не лишены проблем и противоречий, которые они описывали. Они предупреждали: путь сложен, но если вы испугаетесь этих препятствий и этих противоречий, то будете обречённо ходить по кругу в испугавшихся будущего «проклятых мирах». И оказались правы: отказавшись от установки жить в Обществе Познания и Созидания в пользу мира нарастающего потребления — социум тогда открыл ворота собственной деградации и к концу 80-х гг. эту деградацию закрепил и углубил.

Вопрос в том, испугается ли прорыва социум сегодня и удовольствуется сытой и спокойной жизнью, или не испугается?

И ещё один очень важный момент. Политические идеологии, как единство ценностей и целей, появляются в эпоху упадка религии. При всей важности последних как стадий и форм развития человеческого представления о мире религии предполагают видение мира как детерминированного и предопределённого. В эпоху Великих географических открытий и учения Коперника («Колумбово-коперниковский мир») новая человеческая практика рождает представление, что человек, если задумается, может ходить протии ветра — используя силу ветра. Иными словами, что мир недетерминирован, что человек является хозяином мира, а не мир — хозяином человека. Здесь и рождаются фундаментальные конструкции целеполагания будущего.

Прийти к будущему можно, только отказавшись от двух вещей. Первое — от рыночной экономики, осознав её исчерпание как частного формата представления о детерминированности мира. Второе — от тех или иных доктрин, построенных на признании детерминированности мира теми или иными трансцендентными внешними силами.

То есть в этом плане общество будущего, как и стремление к нему, означает и требует как минимум двух особых гарантий:

- гарантии возможности развития самих потребностей и способностей человека, тогда как в начальной простой форме гуманизм требовал лишь гарантии удовлетворения непосредственно имеющихся потребностей, признавая их абсолютными в их наличном виде (отсюда псевдогуманистические требования признания права человека на любую форму искажения его человечности, от права на наркоманию и гомосексуализм до права на самоубийство);
- гарантии реализации творческой потребности человека, создание адекватных средств, требующихся для удовлетворения такой потребности, т.е. проведение коренной реконструкции производства, оставляющей за человеком виды деятельности, требующие исключительно творческого, эвристического труда, при передаче простых и рутинных видов деятельности современной технике.

Отсюда создание общества будущего в его относительно развёрнутом понимании означает не только возвышение социальности от свойственного социал-демократии акцента на совершенствование распределения и потребления, до развёрнутого вида социальности с акцентом на совершенствование производства и творчества, но и возвышение гуманизма от признания самоценности налично данного состояния человека, до признания самоценностью его возвышающего творческого развития.

/ Игорь БАБИЧЕВ /

О гармоничном интегративном строе будущего

В обществе зреет понимание того, что настоящее (а не имитационное) движение страны вперёд не получится без целеполагания, сформированного на основе подлинных смыслов и ценностей. То есть без того, что именуется социальной идеологией, а точнее — онтологией.

В своём «философском завещании» 2003 года А.А. Зиновьев писал: «Реальная альтернатива западнизму (*так он именовал либерал-глобализм.* — **И. Б.**) может возникнуть только заново. Причём она не может возникнуть сама по себе, стихийно. Она может возникнуть как результат сознательно-волевой деятельности людей. И началом этой деятельности должно стать создание новой идеологии, сопоставимой с марксизмом и способной сыграть в наступившем веке роль, аналогичную той, которую сыграл марксизм в девятнадцатом и двадцатом столетиях. Новая идеология может возникнуть лишь *на основе научного познания в самом строгом смысле слова «научного»* (*курсив наш.* — **И. Б.**), а не на основе обывательского, хаотичного и дилетантского познания. Но наука тем самым не становится идеологией. Всё равно должна быть проделана работа по созданию текстов, которые могут стать идеологией».

Постараемся найти и понять истинную онтологию, то есть систему смыслов, ценностей и целей, лежащую в основе человеческого бытия. Отметим при этом, что онтологии — если это онтология — присущи две существенные функции: объяснительная и прогностическая. Иными словами, онтология должна объяснять: что было до нас, где мы сейчас и что впереди.

Все энциклопедии говорят нам, что классификации идеологий не существует — и это так. Человеческий разум сотворил столько неправд и полуправд, которые каждый раз именовал идеологиями, что классифицировать этот хаос мыслительных конструкций невозможно, да и не нужно. Мы же обратимся к онтологиям, отражающим базовые социально-экономические системы, известные в истории. Классификацию онтологий, как их взаимосвязь и соотношение, построить можно. Более того — без построения такой классификации разобраться в онтологических конструктах, в том, откуда мы, где мы сейчас и куда надо идти, невозможно.

Американский социолог Даниэль Белл в конце прошлого века для анализа социальных явлений предложил метод «стержневых осей» (ранее в естествознании этот аналитический метод применял Илья Пригожин). Суть его состояла в том, что всякое социальное явление можно разложить по двухполюсным осям (дихотомиям, диполям). Получается своего рода многомерная система координат, через которую достаточно полно можно описывать социальные явления.

Сложность состоит в том, какие из социальных «стержневых осей» необходимо выбрать, чтобы построить систему координат, описывающую онтологическую реальность. Иными словами, надо определить *онтологические «стержневые оси»*. Вы удивитесь, может быть, но эти оси хорошо известны. Расположим их в порядке «онтологической значимости». Заметим, что все оси своим содержанием взаимосвязаны между собой и взаимозависимы.

Первая ось — политэкономическая (или формационная). Для капиталистической формации это дихотомия «капитал — труд». Политэкономия раннего капитализма в его «классическом» английском варианте XIX века разработана марксизмом. Однако не только каждая формация, но и каждая цивилизация имеет свою политэкономию, *политэкономические формации цивилизационно специфичны*[1].

Поэтому вторая ось — цивилизационная, дихотомия «локальная цивилизация — глобализация». Глобализация, или, по выражению А.В. Смирнова, общечеловечность — это, по сути, отрицание цивилизационности в пользу «вавилонской башни» некоей единой мировой цивилизации[2].

Локальная цивилизация — предельный по масштабу социальный субъект, культурно-историческая система, объединяющая суперэтнос — народ и органически связанная с конкретной природно-пространственной средой («месторазвитием» по П.Н. Савицкому). Исследователи насчитывают сегодня 10–12 локальных цивилизаций.

Важным дополнением «классической» теории цивилизации, завершившим её формирование, стала разработанная В.В. Аверьяновым и дополненная академиком А.В. Смирновым теория традиции. Именно Традиция — у каждой цивилизации своя — составляет основу, стержень локальной цивилизации. Традиция, согласно В.В. Аверьянову, имеет три сферы: *«ядро» Традиции*, её Полнота — сфера сакрального; *«тело» Традиции* — уникальный культурно-исторический тип, со своими «ментальными кодами», суперэтническим языком, своей смысловой логикой, своей правовой и политэкономической системами; наконец, *сферу всеединства* (*всечеловечности*), которая содержит элементы и возможности взаимодействия с другими традициями-цивилизациями.

Храмовая и богословская деятельность религиозных конфессий

[1] Об этом, в частности, из последнего см.: Кара-Мурза С.Г. Война и политика. История русских воззрений на политэкономию. М., 2020.

[2] Если формационная политэкономия была создана К. Марксом и Ф. Энгельсом, то цивилизационную теорию примерно в то же время создавала целая плеяда исследователей, прежде всего Н.Я. Данилевский, позднее — О. Шпенглер, А. Тойнби, наши евразийцы (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий и др.), П.А. Сорокин, Л.Н. Гумилёв, в наше время теорию цивилизаций разрабатывает школа Ю.В. Яковца в стенах Московского университета.

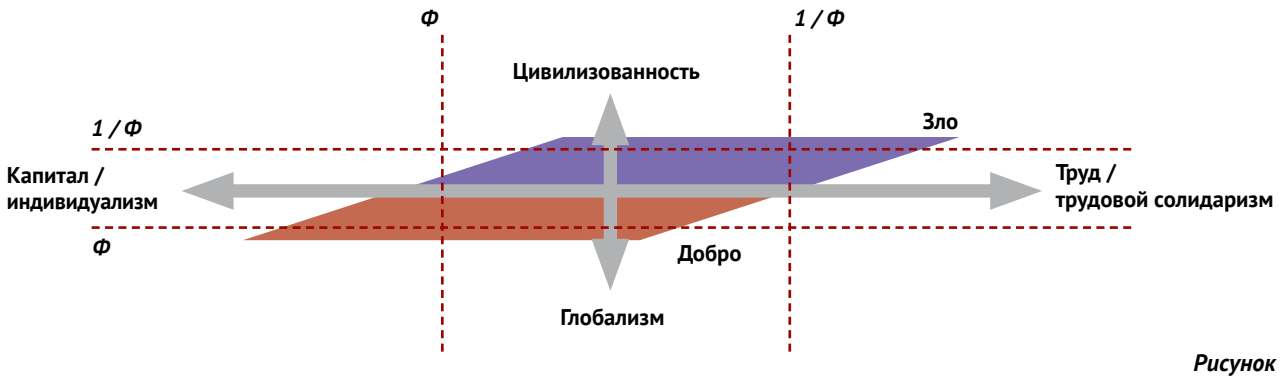


Рисунок 1.
Координатная и классификационная система мировых онтологий

(экзотерика религий) в основном принадлежит к социокультурной сфере, а мистическая сторона религий (их эзотерика) — к Полноте Традиции. Именно через Полноту, «ядро» Традиции происходит понимание Добра и Зла[3].

Вот и третья «онтологическая ось» — ось Добра и Зла. Три оси, пересекаясь в одной точке, формируют ту систему координат, которая необходимо и достаточно описывает в основах реальность мирового бытия.

Однако в этой системе координат не хватает ещё одного, может быть, самого важного, структурного элемента. Алхимики древности и Средневековья искали «философский камень», способный превращать металлы в золото. И не нашли. А он существует, причём для всех форм движения и организации материи. Имя ему — гармония. Стержневую роль гармонии для социальной материи и ее жизнедеятельности обнаружил Ф.М. Достоевский, которому принадлежит максима «Красота спасёт мир»[4]. Красота — иное наименование гармонии. Гармония есть не что иное, как проекция сакрального Добра на наш «дольний» мир, её мерное, количественное выражение. Основная социальная функция гармонии — ограничивать потенциально безграничное. Рамками гармонии мы и очертим наши «онтологические оси».

Так мы получаем завершённую координатную и классификационную систему мировых онтологий (*рис. 1*).

В квадрантах этой системы четыре мировых онтологии: цивилизационный капитализм (характерен для раннекапиталистической формации, в англосаксонском варианте именно его исследовал и описывал марксизм); цивилизационный социализм (наиболее яркий вариант — китайский до Си Цзиньпина, а еще латиноамериканский — Фиделя Кастро и Уго Чавеса); капиталистический глобализм, он же империализм, он же неолиберализм, он же капиталистическая мир-система; социалистический глобализм — мир знал его в варианте советского социалистического глобализма, на наших глазах рождается китайский вариант социал-глобализма. На стороне Зла — фашизм в его нескольких модификациях: капиталистической (франкизм), социалистской (Муссолини), национал-социалистской (Гитлер), псевдоисламской (псевдоисламские квазигосударства). Близок к феномену цивилизационного фашизма японский фашиствующий милитаризм времён Второй мировой войны (Япония — отдельная локальная цивилизация). К счастью, истории неизвестен воплотившийся глобалистский фашизм, хотя онтологии Зла всегда стремятся к глобальности.

Граница гармонии на осях — граница между онтологической гармонией и дисгармонией, между социальным добром и злом. Глобальность в рамках гармонии — цивилизационная всечеловечность (всеединство), за рамками — глобализм в его либерал- или социалвариантах. Внутри границ гармонии по оси «капитал — труд» противоречия между трудом и капиталом не носят антагонистического характера, система может быть устойчива (здесь марксизм ошибался, полагая, что эти отношения всегда антагонистичны), а вот за рамками гармонии — они антагонистичны точно, и система дисгармонична, чревата социальным взрывом.

Заметим, что гармония ограничивает и само добро (поэтому «социальный рай» как царство Добра в материальном мире невозможен; по слову прп. Амвросия Оптинского, «совершенство в этом мире может быть только несовершенным»[5]), она же ограничивает и зло — поскольку зло из мира неискоренимо.

Таким образом, внутри границ гармонии формируется система онтологических координат, где противоречия между полюсами осей неантагонистичны. То есть существует гармонично устойчивая мировая онтология, своя для каждой локальной цивилизации, отражающая гармонично устойчивый социально-

[3] Аверьянов В.В. Традиция и динамический консерватизм. — М., 2012.

[4] Об этом же стихира Великой вечерни: «Господь воцарися, в лепоту облечеся», т.е. Господь царствует (правит миром) красотой.

[5] Похожее выражение у прп. Иоанна Лествичника: «несовершаемое совершенство».

экономический и культурный строй. Мы нашли искомое!

Назовём этот строй, следуя Питириму Сорокину, гармоничным интегративным. Именно П.А. Сорокин, основываясь на анализе огромного фактологического материала, показал, что в процессе развития цивилизации меняется соотношение, как мы теперь можем сказать, слоев Традиции: «тела» и «ядра». Он выделил три таких исторических периода: *идеациональный*, когда первенствует религия (доминирует «ядро» Традиции); *чувственный* с доминированием науки, рационального познания, светской культуры и материальных интересов (т.е. «тела» Традиции); *интегративный*, когда гармонизируются отношения «тела» и «ядра» Традиции. Именно гармонизация соотношений всех сфер Традиции — всечеловечности, культурно-исторических кодов и ментальностей, «ядра» Традиции, её духовной полноты — и составляет цивилизационную суть интегративного строя.

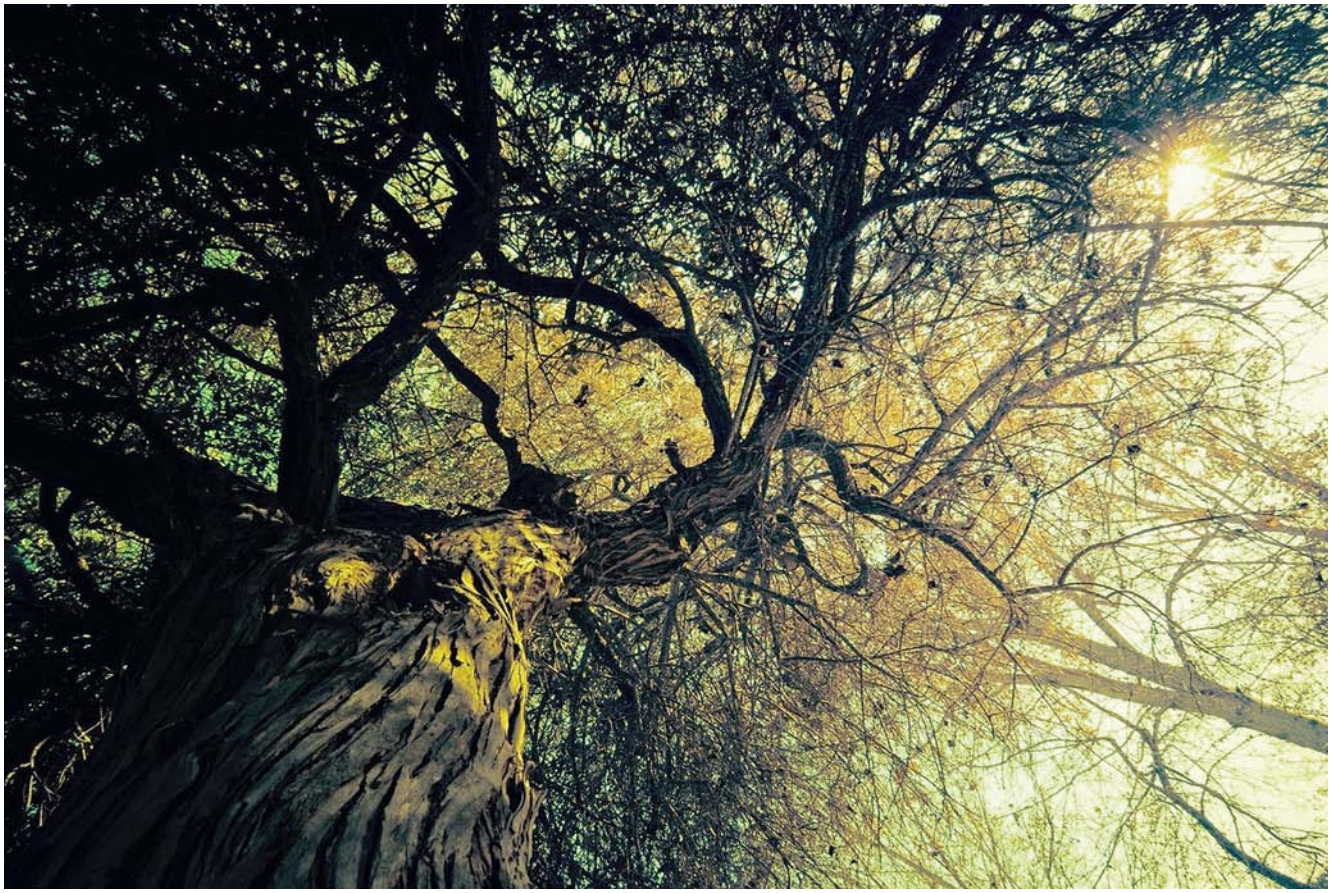
Гармоничный интегративный строй и его онтология — свои для каждой локальной цивилизации-традиции. Но есть *онтологическое общее* у них у всех — гармония по основным осям: между трудом и капиталом, между цивилизацией и глобализацией, между добром и злом, гармония между тремя сферами, составляющими традицию.

Быть человеком в его полноте — значит быть обращённым к смыслу и ценностям, требующим осуществления, и целям, требующим реализации. Как заметил А. Эйнштейн, «человек, считающий свою жизнь бессмысленной, не только несчастлив, он вообще едва ли пригоден для жизни». Эти же слова можно применить и в отношении больших социальных общностей — социальных систем.

Локальная цивилизация — самая большая целостная социальная система. Системообразующим фактором социальных систем, как давно показано, является цель, и эта цель состоит из субъективного и объективного компонентов. Субъективная цель — это та, которую формулирует коллективное (для государств и цивилизаций — общественно-политическое) сознание. Объективная цель — это то, что на самом деле необходимо для устойчивого гармоничного саморазвития системы в историческом времени. И чтобы система не разрушилась, *субъективная цель должна соотноситься с целью объективной*, как виртуальное должно соотноситься с реальным в устойчивых динамичных системах.

Субъективную цель, отражающую и воспроизводящую в научных и художественных смыслах, текстах и образах цель объективную, можно назвать Высокой мечтой. Она своя у каждой цивилизации. У России-Евразии это — Русская мечта.

Именно Высокая мечта, субъективная цель была основой плана советских пятилеток, основой указов президента России о национальных целях, должна быть основой про-



грамм политических партий, претендующих на национальное водительство. Именно ее как Русскую мечту в научно-художественных образах разрабатывают мыслители Изборского клуба. Через Русскую мечту проступают (должны проступать) образы будущего русской-российской-евразийской цивилизации.

Сегодняшняя Россия колеблется между цивилизационным капитализмом в его всё ещё далёком от гармонии варианте и глобализмом (причём наряду с либерал-глобализмом наметился тренд и в сторону китайского социал-глобализма) как его периферия. Причём мы наблюдаем сегодня выраженные противоречия, близкие к антагонизму, между этими двумя онтологическими выборами. И беда в том, что любой выбор между этими двумя мирами — негармоничного, но «патриотичного» капитализма и глобализма (что либерального, что социалистического) плох для страны. И это при том, что для любого государства-цивилизации — если говорить о его объективной цели — выбор по сути один — движение в сторону гармоничного интегративного строя в своей традиции. И для России — если она стремится быть современной, динамичной, устойчиво и гармонично развивающейся цивилизацией (а она обязана к этому стремиться) — выбор безальтернативно тот же.

Какой же образ будущего — России и мира — вычерчивается с позиций онтологии гармоничного интегративизма?

Начнём с самого главного — с человека, поскольку именно он находится на вершине материального мира и в центре социальной истории. Какова она должна быть, человеческая личность гармоничного интегративного строя? Ну да, конечно, — она должна быть гармоничной и интегративной.

Человек — единственное, уникальное в своем роде явление, лестница, связывающая «мир горний» и «мир дольний», материальный и духовный миры. Именно такое двуединство человеческой личности обуславливает главную особенность человека как творца: способность не только рационально комбинировать готовые элементы окружающего мира, но осмысленно и целесообразно творить новое в материальной сфере — в научном, художественном, нравственном, политическом творчестве, питаясь энергиями полноты своей цивилизационной традиции.

Но чтобы стать подлинным демиургом материального мира, человек должен возрасти от потенциальной личности, которой он является по факту рождения, к личности

действительной (Н.О. Лосский), т.е. к гармоничной и интегративной, вплоть до сверхличного богоподобия, обретая так всю полноту своей субъектности, «полноту человека» (В.Н. Лосский). В тайне личности сокрыта и тайна общества, решение проблем личности — путь к решению проблем общества и государства. Как писал Ф.М. Достоевский, «не начало только всему есть личностное самоусовершенствование, но и продолжение всего, и исход».

Действительность личности, «полнота человека» проявляется в гармонии его духа, души и тела, в его духовном, психическом и физическом здоровье. Обретение и укрепление своего здоровья и личностной гармонии — одна из базовых жизненных задач человека.

Задача же государства и общества — создание условий для обретения и укрепления здоровья и личностной гармонии, для сколь возможно широкого и глубокого раскрытия творческого потенциала возрастающих личностей и образуемых ими сообществ — семейных, местных, корпоративных, тормозя при этом порочные в них свойства. Ответственные в своей свободе личности-творцы — предприниматели, учёные, инженеры, работники производств, образования и здравоохранения, деятели культуры, искусства и спорта — основной потенциал страны. Семья — уверенная, здоровая, умная, состоятельная и многодетная — базовая ценность цивилизации.

Общество и государство, способное использовать идеи, возникающие в сознании отдельного человека, для роста возможностей всего общества и государства, способные формировать и продвигать людей и коллективы, производящие новые идеи и технологии и воплощающие их в жизнь, будет обладать наиболее быстрым темпом роста.

Сбережение и приумножение этих ценностей, как сбережение и приумножение всего народа, с особой заботой о детях, постоянное и планомерное увеличение человеческого потенциала страны, не упуская при этом из виду заботу и помощь инвалидам, престарелым и немощным, — важнейшая миссия общества и государства.

Особое внимание среди личностных задач должно быть уделено формированию новой управленческой элиты России: государственных и муниципальных должностных лиц и служащих, военных, судей, прокуроров, работников правоохранительных и следственных органов, специальных служб и дипломатов. Размышляя о воспитании управленческой элиты, И.А. Ильин отмечал, что этот ведущий слой не должен быть ни замкнутой кастой, ни наследственным сословием. По составу своему он должен быть слоем живым, подвижным, всегда пополняющимся новыми, способными людьми и всегда готовым освободить себя от неспособных. Мы должны научиться узнавать людей духовного заряда, органичных русской цивилизационной традиции, честных, ответственных, умных и талантливых профессионалов, и всячески выдвигать их, порой и подвигаясь для них. Это абсолютно необходимо — границы социальной гармонии по всем онтологическим осям может устанавливать только нравственная упорядочивающая воля.

Принадлежность к управленческой элите есть не привилегия и не «кормление», которое должно быть беспощадно искоренено (минимизировано и загнано в «криминальное стойло»), а несение ответственного служения. Справедливая, обращённая к стране и народу публичная власть, справедливый и честный суд, стоящий на страже закона и права, эффективное правоохранение невозможны, если в большинстве своём не будут состоять из действительных и возрастающих к ним личностей. Перед нами всеми, а перед управленческим слоем прежде всего, стоит неотложная критическая задача — повысить уровень профессионализма и дисциплины в исполнительной, законодательной, правоохранительной и проектной власти.

Только при этом станут возможны прорывы в научных и технологических мегапроектах, сопоставимые с теми, которые были достигнуты нашей страной в космическом, атомном и целом ряде научных и технологических проектах в 40–50-х годах. Только благодаря жесточайшей дисциплине и мобилизации всех человеческих, управленческих и творческих сил народа стала возможна Победа в Великой войне. И наш цивилизационный провал конца 80-х и 90-х годов прошедшего века в значительной степени — результат демобилизации и критического падения дисциплины и ответственности в большинстве сфер нашей тогдашней жизни.

Государство интегративного строя должно брать под свою защиту и включать в свою деятельность — и в экономике, и в науке, и в культурной сфере — всё то, что относится к долгосрочному и неконъюнктурному, всё более осаждаемому конъюнктурным и краткосрочным. Научиться поощрять не напористых, а совестливых, не «крутых», а скромных и чутких, не ловких и пронырливых дилетантов, а грамотных и ответственных профессионалов. **Российскому государству необходимо переместить свои приоритеты с потребительства на космичность — с интересов «здесь и сейчас» на интересы «сегодня, завтра и всегда».**

Государству неотложно требуется освободить народ и страну от диктатуры постмодерна и его манипулятивных технологий и практик, связанных с подчинением реального виртуальному и бесконтрольным произволом знака, оторвавшегося от обозначаемого и попавшего в руки виртуозов «знакотканной» манипуляции.

Государство в соработничестве с солидарным обществом должно уметь работать с неустойчивостью развития, с социальным хаосом и кризисами, быть способным к об-

новлению своей цивилизационной традиции без утраты её идентичности. И только государство — и никто кроме — может иметь право на легальное насилие.

В то же время государственная власть имеет свои пределы. Это означает, что все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться. Государство не может требовать — только терпеливо рекомендовать — от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений, но и не может это запрещать. Оно очень деликатно и ответственно должно подходить к регулированию научного, религиозного и художественного творчества. Оно не должно бесцеремонно вторгаться в семейный быт. Оно не должно без крайней общественной надобности стеснять экономическую инициативу и хозяйственное творчество людей. Государство, а тем более глобальные корпорации не должны тотально контролировать личность и общество, возможность и соблазн чему открывают современные цифровые технологии и механизмы.

Экономическая система интегративного строя основывается на гармоничном сочетании механизмов стратегического планирования и рыночной самоорганизации, государственной, частной и коллективной собственности на средства производства, публично-властного и общественного контроля и предпринимательской инициативы, на защите собственности и эффективном правопорядке, на инновационном созидании с опорой на достижения фундаментального и прикладного знания.

В основе интегративного строя — целеустремленный космизм созидания, гармоничное устойчивое развитие системы «природа — человек — общество». Гармоничный интегративный строй провозглашает приоритет высоких целей всего солидарного общества над сиюминутными целями повседневной жизни, но без пренебрежения ими. Удовлетворение потребительских интересов наших людей остается важной задачей. Важной, но не определяющей.

Народнохозяйственным приоритетом при интегративном строе является развитие внутреннего рынка, экономики возобновляемых ресурсов: продовольствия, биоресурсов моря, чистой пресной воды, чистого воздуха, леса, авиационной и космической промышленности, нано-, био- и IT-технологий. Глубокая переработка ресурсов с большой добавленной стоимостью должна происходить внутри страны, а не за её пределами. Приоритетом должно быть и развитие дорожной и транспортной инфраструктуры, территориальная связанность страны. Россия может и должна стать транспортным коридором мира, связывающим страны и континенты (Северный морской путь, сухопутные транспортные коридоры на Аляску и в Японию и др.). Россия должна стать страной фундаментальной науки, прорывных технологий нового технологического уклада и научных мегапроектов (освоение Арктики и Антарктики, Мирового океана, земных недр, космоса, глубин материи всех форм её организации и движения — физической, химической, биологической, психоневрической и социальной и связанных с этим технологий).

Система регулирования народнохозяйственной деятельности интегративного строя, опирающаяся на современные цифровые технологии, предполагает гармонию труда и капитала, гармонизацию устремлений различных социальных групп таким образом, чтобы равнодействующая их экономических интересов работала на общее народное благо. Основу гражданского права должна составлять не максимизация прибыли, которая является смыслом деятельности неолиберальной экономики, а эффективная целевая деятельность и повышение производительности труда, направленные на реализацию Высокой мечты, увеличение человеческого потенциала и удовлетворение интересов граждан.

У России есть ещё одна — и цивилизационная, и глобальная — миссия: обустройство огромных пространств Евразии и консолидация населяющих их этносов (национальностей) в гармонично соединённый народ. Россия-Евразия — центр континентального мира, цивилизация Леса, Степи и арктических пространств. Само месторазвитие страны и её ресурсы дают нам возможность быть инфраструктурным и транспортным мостом, связующим все локальные цивилизации мира — европейскую, китайскую, индийскую, японскую, исламскую (суннитскую и шиитскую), североамериканскую и латиноамериканскую, формирующуюся цивилизацию Центральной Африки; с опорой на православие формировать межконфессиональный, прежде всего православно-исламский, диалог и цивилизационный синтез евразийских этносов, в центре которого русский суперэтнос-народ, выросший из восточнославянских, финно-угорских, тюркских, балтских, иранских, семитских и алтайских корней, включающих в себя 190 национальностей, говорящих более чем на 80 языках. Понятия «русский», «российский», «евразийский» мы определяем как тождественные.

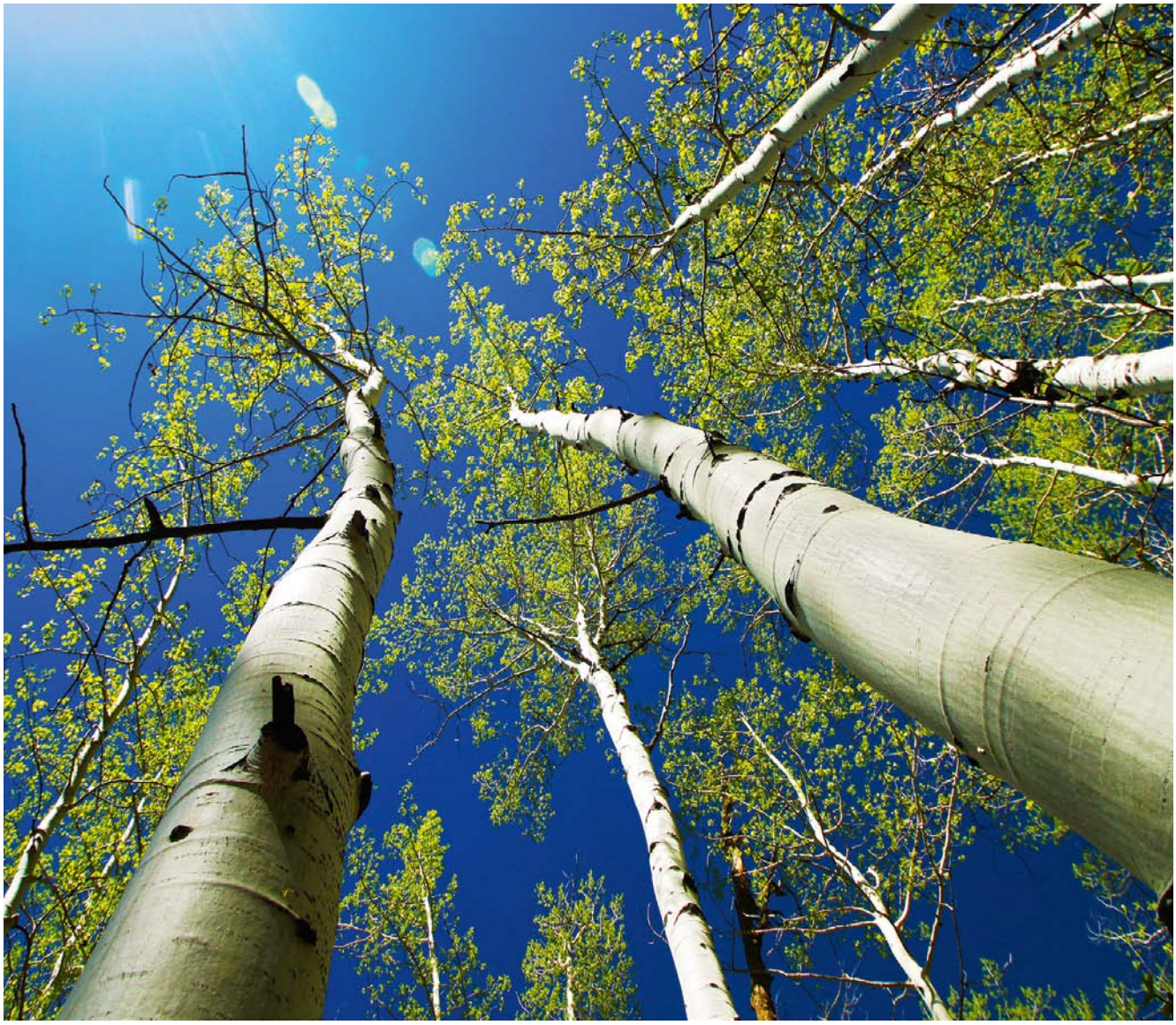
Внутреннюю связанность страны, необходимую для евразийского синтеза, должно обеспечить инфраструктурное, коммуникационное и транспортное развитие, смягчение регионального неравенства, «централизованный федерализм», финансово состоятельное и автономное местное самоуправление, представляющее организованные местные сообщества и соединённое — внутри регионов, между ними и в масштабе всей страны — скрепами межмуниципального сотрудничества.

России как цивилизации представляется возможность быть продуктивным противовесом, «центром силы» по отношению к потенциально возрождающейся модели биполярного мира (Запада и Китая). Мы мо-

жем и должны предложить народам Земли онтологию гармоничного интегративного строя справедливости, народной солидарности и Высокой мечты, при этом в своих цивилизационных традициях, как системную цель мирового развития: **народы всех цивилизаций — соединяйтесь!**

Соединяйтесь — для утверждения социальной гармонии, для борьбы с глобальным Злом, с разрушением традиций и навязыванием глобализаторами своих «ценностей» другим, за установление всечеловечности в Добре, что только и может быть основой подлинного единства нашего планетарного мира. Такой новый соединённый мир с новой системой международного права должен быть миром без войн: не миром столкновения цивилизаций, но миром их диалога и партнёрства, быть сообществом суверенных, сотрудничающих друг с другом стран-цивилизаций и народов.

Россия может стать формирующей и утверждающей силой гармоничного интегративного строя и локально-цивилизационного развития на планете. Онтология этого строя объективно противостоит в этом мире онтологии Зла — глобализму в его неолиберальном и неокоммунистическом обличиях. Геополитика и геоэкономика становится полем проявленной борьбы Добра со Злом, полем современного Армагеддона. Россия может — и должна — стать центром объединения людей Добра — людей Традиции в их противоборстве общечеловеческому Злу и его носителям ради удержания мира от падения в бездну греховного потопа, от утраты сакрально-нравственных смыслов и ценностей.



/ Георгий МАЛИНЕЦКИЙ /

XXI век. Стратегия и идеология России

Как говаривал философ, для корабля, порт назначения которого неизвестен, нет попутного ветра. «Порт назначения» России, её будущее через 30–50 лет неизвестны. Поэтому для нас нет попутного ветра. Идеология и должна была бы определить этот порт, служить компасом для нашего корабля. Александр Проханов, открывая дискуссию об идеологии России будущего, поставил ряд вопросов. Ответы на них определяют, куда мы хотим прийти, позволяют быть конкретными и не «растекаться мыслию по древу». Из этих вопросов и будем исходить. Идеология представляется синтезом долгосрочного прогноза нашей цивилизации — мира России — и образа желаемого будущего.

Какова формула идеологии, консолидирующей Россию

Формула идеологии — «Совесть–Соборность–Будущее». Для нашей цивилизации принципиальна самоорганизация и перспектива, ради которой можно решать большие задачи. В ходе реформ 1985–2021 годов видение будущего, понимание своего места в мире было утеряно. Это очень серьёзный риск для России.

Для нас очень важно ощущение справедливости, правильности того, что мы делаем. Кантовский императив — нравственный закон внутри нас и звёздное небо над головой — в большей мере сейчас воплощён в России, а не на Западе.

Огромные просторы, экстремальные географические условия на значительной части страны, рискованное земледелие во многих регионах требуют совместных действий, самоорганизации, соборности, согласия по ключевым вопросам. Мы — не Запад. Если у нас «Сам погибай, а товарища выручай», то у них «Каждый за себя — один Бог за всех». Иная территория, другая историческая траектория, следовательно, другая культура и мораль. Поэтому у нас общее выше личного. Конкуренция — императив Запада. Сотрудничество, соработничество — императив России.

Нынешнее положение дел не устраивает наш народ. Мы не построили сильную, независимую, свободную страну, в которой каждый может быть счастливым. Мы должны помочь сделать это детям и внукам. Именно это должно нас объединить.

Почему такая версия является наиболее целесообразной и продуктивной для России

Над нашей страной был поставлен жестокий исторический эксперимент — в России попытались построить капитализм. Это не получилось. Олигархический капитализм не состоялся. Экономика заморожена — располагая третью природных богатств, мы имеем лишь 1,8% в мировом глобальном продукте и 0,3% в сфере высоких технологий. Народ беден, дезорганизован, лишён видения будущего. Сверхдержава, определившая историю XX века, превратилась в конгломерат сырьевых придатков, снабжающих, чем могут, развитые или быстро развивающиеся страны.

Глобализация провалилась. Пандемия COVID-19 с закрытием границ и блокировкой транспортных потоков показала, что в современном мире каждый — за себя. России нужна идеология, обеспечивающая системное быстрое независимое развитие нашей цивилизации.

Мир находится в точке бифуркации. Организатор Давосского экономического форума («форума миллиардеров») Клаус Шваб и Тьерри Моллере в книге «Ковид-19, Великое обнуление» предложили идеологию «инклюзивного капитализма». Она предполагает глобальный социальный контроль на основе цифровых технологий с ликвидацией границ, религий и обеспечение прозрачности жизни каждого человека. Жак Аттали называл это переходом к «веку гиперконтроля».

Альтернатива — переход к миру достаточно независимо развивающихся и взаимодействующих цивилизаций. Именно на эту ветвь развития и должна быть сориентирована идеология.

Образ-идея страны, образ государства (в историческом и стратегическом пространстве)

Главную проблему российских реалий сформулировал Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Ответ, который следовал из текста: «Всем плохо». Идеология должна ориентировать на воплощение противоположного ответа — «Всем хорошо!». Следует оценивать состояние страны не по величине валового внутреннего продукта (ВВП), а по величине валового внутреннего счастья.

Необходимо общенародное государство, в котором интересы и цели субъекта управления (правящей элиты) неотделимы от реалий объекта управления (народа). Отсутствие «властного хаоса». Ситуация, в которой инициативы президента вновь и вновь проваливаются прозападной частью элиты, неприемлема.

Слова «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна учёных!» должны быть лозунгом не только нашего прошлого, но и будущего. Мир творчества, в котором общество каждому творцу помогает осуществить мечту. Мир талантливых людей, в котором «неталантливых» нет. Именно это лежит в основе множества наших сказок и преданий. Их пора осуществлять! Хорошо должно быть сейчас. Здесь и теперь!

Отличие нашей страны должно состоять в том, что у нас легче, чем где-либо, осуществить свои творческие планы, найти помощь и поддержку. Мир кооперации и сотрудничества, а не конкуренции и соперничества. Воплощение этого принципа определит место нашей страны в мире и поддержку людей, которым это близко. От нас в мире ждут не нефти и газа, а вести о другом, более близком к человеческой природе жизнеустройстве.

Сила нужна, чтобы отстаивать в мире своё право на системную целостность и свой образ Будущего.

Образ общества и социальная структура

«Я, ты, он, она! Вместе — целая страна, вместе — дружная семья! В слове «мы» — сто тысяч «я»». В основе общества лежит самоорганизация, совесть, культура. На крутых поворотах нашей истории духовность вновь и вновь оказывалась выше материального. Идеальна власть Советов в той мере, в которой люди к этому готовы. Права, неотделимые от обязанностей, стремление быть, а не казаться. Каждый должен иметь право и желание сказать: «Государство — это мы» или, как у Андрея Платонова: «Без меня народ не полный». Российское общества поражено раком коррупции, тяжёлой формой бюрократизации и стремлением части элиты «спрятать что-нибудь на Западе». Национализация элиты не удалась. Идеология, понятая и принятая народом и правящей элитой, может помочь избавиться от этих болезней, лишающих нас суверенитета и будущего.

Модель экономики, образ органичного научного и технологического развития

Общенародная собственность на природные ресурсы. Системообразующие отрасли и структуры должны быть государственными при поддержке инициативы в других сферах. Сырьевой олигархат и бесконтрольная бюрократизация делают нашу экономику «старой» — мы делаем то, что относится к 3-му и 4-му технологическому укладу, игнорируя 5-й и не строя 6-й, который и определяет сейчас технологический прогресс. Повторение «давно прошедшего» в других странах, роль поставщика нефти и газа в мировом разделении труда — тупик, ведущий к войнам и разделу страны. Ключевая задача — повышение восприимчивости экономики к изобретателям, новшествам, новым стратегиям. Необходим поток инноваций, «советское отношение» к науке и изобретательству и экспертиза, позволяющая выбирать лучшее. Мы должны строить высокотехнологичное общество, идущее по собственному пути и следующее завету И. В. Курчатова: «Обгонять, не догоняя». Нынешняя ситуация, в которой «бухгалтеры победили инженеров» неприемлема.

Стране нужен долгосрочный научный прогноз, выработка стратегии и постановка целей на этой основе. Следует обратить внимание на опыт Сингапура, сумевшего в течение нескольких десятилетий увеличить ВВП в 300 раз, на технологические прорывы Китая, Японии, Южной Кореи. В большой степени их взлёт опирался на адаптацию и применение советского опыта. Пора и нам этим заняться.

Повышение уровня образования до мирового уровня

В настоящее время по международному тесту PISA, исследующему способность применять полученные знания по естественным наукам, математике и родному языку, наши школьники находятся в начале четвёртого десятка в мире. Ликвидация нынешней «кадровой катастрофы», паралича управленческой структуры, заставляющей всё время обращаться к «ручному управлению», должны рассматриваться как стратегическая задача. В СССР умели учиться быстро и эффективно, и мы должны вернуться к этой традиции. Необходимо иметь школы и вузы для очень талантливых людей. Каждый яркий талант — национальное достояние. Надо вновь начинать учить элиту, опираясь не на западные «зады», а на алгоритмы решения стратегических задач России.

Нынешняя российская наука находится в положении обслуги западных исследований. России необходимо иметь эффективную научную систему мирового уровня. Следуя логике академика М. В. Келдыша, надо сосредоточить усилия учёных страны на решении ключевых задач, которые позволили бы обществу выйти на другой уровень. Во времена Келдыша это были Атомный и Космический проекты. Сейчас это может быть прорыв в области биологии и медицины (каждая третья научная работа выполняется в этой области) и электроники с телекоммуникациями (мы далеко отстаём сейчас в этой области от ведущих стран, не имея собственных персональных компьютеров, мобильных телефонов, цифровой платформы). Нам нужно вернуться к звёздам, развивая яркие оригинальные проекты.

Наш прибавочный продукт невелик, поэтому нам надо обратиться к советским формам организации научной деятельности, стоявшей на Академии наук, отраслевых институтах и Госкомитете по науке и технике. Огромную роль для нашей цивилизации имеет мечта, и наука должна быть инструментом для её воплощения.

Образ и тип личности

Творец, созидатель, ценящий счастье ближних как своё. Пользуясь терминологией Льва Николаевича Гумилёва, человека нашей цивилизации выковали экстремальные природные условия и суровая историческая траектория. Кардинальные отличия от Запада показывает сравнение двух любимых сказок. На Западе — Золушка, примерная девушка, делала всё по правилам и в конце получила желаемое — прекрасного принца. Наш любимый образ — Иван-дурак. Он не слишком хорош для рутинных дел, но в экстремальной ситуации его смелость, самоотверженность, способность помочь и принимать помощь решают удивительные задачи. Он готов к Чуду.

Наш характер парадоксален. Изба покосилась, забор прохудился, но весь город в храмах. Готовность к «возделыванию себя», к тому, чтобы «вопрос разрешить». Казалось бы, это типичные черты интроверта. И при этом — стремление заглянуть за горизонт. Способность удивительно быстро освоить огромную Сибирь, дойти до океана, открыть Антарктиду, шаг-

нуть в космос. Это экстравертность и ощущение внутренней свободы, стремления к воле: «Вы только недовольных урезоньте, когда я покажусь на горизонте». Удивительная способность к синтезу, к сочетанию этих двух качеств.

В экстремальных условиях России одиночка не выживает, отсюда способность к самоорганизации, готовность понять других людей. Отсюда стремление объединять, сплачивать. Дружба народов, лежащая выше политических интриг, — важнейшее достижение нашей цивилизации.

Острое ощущение справедливости: «От дел праведных не наживёшь палат каменных», «Кому много дано, с того много и спрашивается». Значимы традиции старообрядцев, в которых отношение к человеку определялось праведностью проживаемой им жизни.

Расширение России, освоение новых горизонтов привело к огромной роли в сознании будущего, к ощущению, что дети и внуки должны жить лучше, чем мы. Отсюда понимание важности больших, крупных проектов. Без этого — кризис, потеря смыслов. «Жить некуда, вот и думаешь в голову», — как формулировал Андрей Платонов. Императив будущего должен быть одной из доминант идеологии. Однако без достойного настоящего, без высокого качества интересной, содержательной, значимой жизни будущее не состоится.

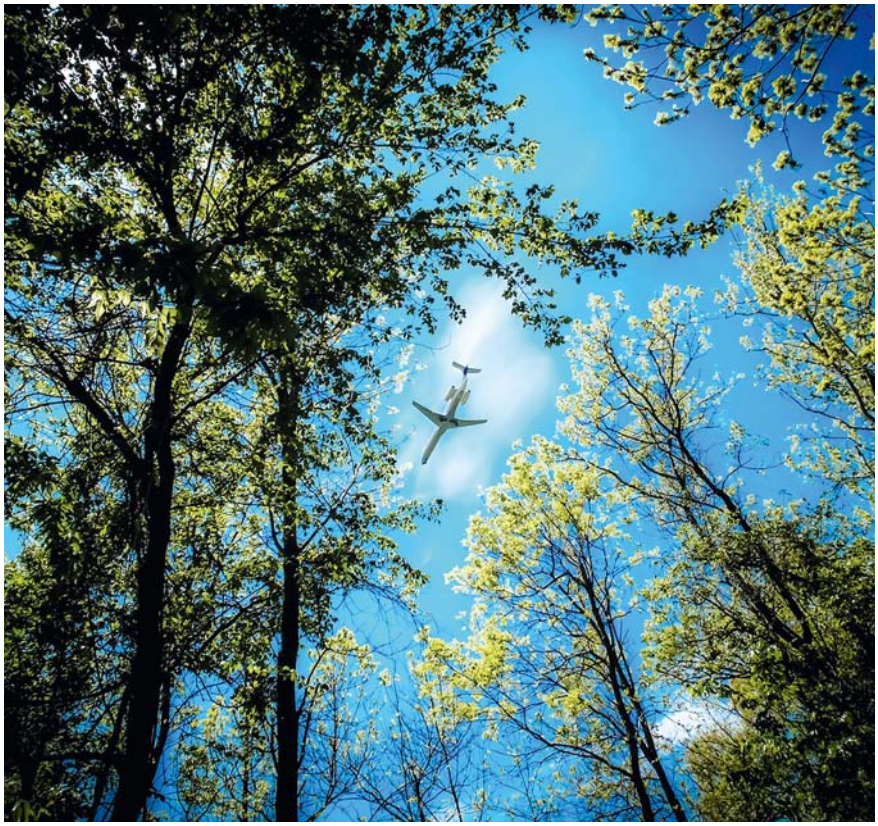
Образ культуры

Наша цивилизация имеет великую литературу, прекрасную поэзию, замечательную музыку и вместе с тем — огромные проблемы в культуре. Культура современной России поражена «чаадаевским синдромом» — ощущением второстепенности по сравнению с западной и мазохизмом в отношении к собственной истории. Российской элите постоянно предлагали учиться у голландцев, у немцев, у французов, у американцев, сейчас энтузиасты предлагают перенимать китайский опыт. Войны, кризисы, малый прибавочный продукт, немногочисленность подлинной элиты, более скромное денежное содержание её по сравнению с Западом, периодические попытки догоняющего развития неизбежно приводили к деформации культуры. И горбачёвщина, и ельцинщина являются трагическими попытками прозападной модернизации ценой отказа от суверенитета в ключевых областях и собственного культурного развития.

В настоящее время происходит переход от индустриальной к постиндустриальной фазе развития цивилизации. Катализатором этого перехода стало тотальное использование компьютеров в быту. Глубина, масштаб и скорость происходящих изменений позволяют говорить, что совершается гуманитарно-технологическая революция, переход от мира машин к миру людей. Культура в формировании человека XXI века будет иметь ключевое значение.

Есть, по сути, главная альтернатива. Первый вариант предлагает Клаус Шваб. Он очень близок к тому, что описывал Ф.М. Достоевский в повести «Великий инквизитор». Это контроль немногих над всеми, лишёнными реальной свободы. Имитация принципов вместо следования им. В варианте Шваба контроль за простыми смертными должен наблюдаться благодаря тотальному мониторингу электронных средств и триллиону «наблюдатчиков», расположенных всюду.

Другой вариант, на который и должна ориентироваться наша культура, должен позволить выращивать осознающих реальность, ответственных, взрослых (в психологическом смысле) людей. Принципиально гармоничное развитие эмоциональной, рациональной и интуитивной сфер. Наша культура, не отрицая традицию, должна быть устремлена в будущее. Люди за рубежом, тепло относящиеся к России, хотят знать не про ложки и поварёшки, а про то, что несёт Россия себе и миру. Нынешнее отсутствие образа будущего нашей цивилизации продляет безвременье. Советский опыт развития культуры 1920-х годов показывает, что она может быть



мировым лидером, предлагающим новый тип жизнеустройства.

Нам нужно иметь собственные телевидение, киностудии, книги и музыку мирового уровня. Развивающие не идею «техночеловека» или «либертарианства», а императивы мира России. Мы должны бесплатно учить детей музыке, спорту, изобретательству, математике, другим видам творчества. Это основа для прорыва в будущее! Разнообразие, творчество, поиск должны стать императивами нашей культуры: «Твори, выдумывай, пробуй!» Сеть специальных школ по всей стране, в которых работают прекрасные учителя, — наше послание будущему. По сути, нам нужна новая культурная революция, позволяющая двигаться вверх, к звёздам, а не плестись в хвосте, как сейчас.

Образ природы и цивилизации в природной среде

В каждой точке страны человек должен иметь возможность жить долго и счастливо. Именно на это должна ориентировать систему расселения будущая идеология. К сожалению, мы сейчас движемся в противоположенном направлении. Страна должна быть общим домом для граждан всех поколений, а не набором «княжеств», выданных в «кормление» близким боярам и дворянам. Переход от «москвоцентричного» и «питероцентричного» развития к гармоничному обустройству страны, к «собиранию» общества и территорий, к формированию нового единства. Проекты такого расселения есть у российских архитекторов. Для сохранения территориального единства страны должна выполняться «транспортная теорема» — пути сообщения должны развиваться быстрее экономики тех территорий, которые они соединяют. Нам нужны хорошие, надёжные дороги (и инженеры имеют их проекты), а не гигантские расходы, постоянно направляемые на ремонт, а также новые средства транспорта и политическая воля для этого. Нас искусственно оставляют в «транспортном прошлом». Например, у нас практически нет малой авиации и только 300 аэродромов. В США она есть и аэродромов более 19 тысяч. Вакуумный транспорт, патент на который был получен в России в 1912 году, развивает, судя по расчётам, скорость в 6400 км/час. Чтобы достичь хороших результатов, следует идти вперёд, а не повторять давно сделанное другими странами.

Индикатором отношения к природе и людям являются методы рециклинга бытовых и промышленных отходов, уровень очистки выбросов. В странах-лидерах перерабатываются 95% отходов и захораниваются 5%. У нас пропорция обратная. Во многих регионах дела ведут так, как будто мы живём «начерно», а уже потом будем жить «набело». Этот подход, типичный для чрезвычайных ситуаций, неприемлем в нормальной жизни. Следует сразу жить «набело».

Образ гармоничного мироустройства

Строительство прекрасной страны для счастливых людей — это большой проект мира России XXI века, не менее важный, чем Атомный и Космический проекты для XX века. Именно успех этого проекта определит место России в мире и истинный смысл её идеологии.

Гармоничное мироустройство — это диалог цивилизаций со своими смыслами, проектами будущего. Война, слишком разрушительная в нынешних реалиях, во многом исключает военную конфронтацию. Хочется надеяться, что пандемии не станут инструментом управления миром. Поэтому решающим фактором становится образ жизни человека, его внутренний мир и возможности для творчества. Экспорт революции и контрреволюции не нужен, однако если кто-то хочет воспринять элементы идеологии России и отношения нашей цивилизации к миру, этому не следует препятствовать.

COVID-19 преподнёс серьёзный урок. Несмотря на закрытие границ, ликвидацию значительной части малого и среднего бизнеса, экономика всех стран успешно работала. Развитие технологий сделает ненужным участие многих людей в сфере производства и обслуживания. В мире в ближайшее десятилетие будет много свободных людей. Один вариант мироустройства предполагает воспроизводство паттерна позднего Рима, в котором праздная толпа требовала хлеба и зрелищ. Другой воспроизводит «Матрицу» с электронным одиночеством людей, которые готовы жить в призрачном мире, не интересуясь другими. Нам нужно другое. Главная цель идеологии — предложить людям содержательную интересную жизнь, видение будущего, порт, к которому следует двигаться.

Другие проблемы будущего

Мы идём по ложному пути, ведущему в исторический тупик. Наше место на карте мира в различных сферах жизнедеятельности уменьшается. Страна не обладает реальным суверенитетом в ряде ключевых направлений и не может освободиться от прозападных влияний. Достаточно сравнить путь и полученные результаты за 30 лет — СССР с 1945 по 1975 год и Российской Федерацией с 1991-го по 2021-й, чтобы стало ясно — мы идём не туда и теряем историческое время.

Чтобы выйти вперёд, надо подвести черту под прошлым. В сознании элиты и народа должно быть ясное понимание, кто, как и почему разрушил великую страну — СССР — и кто превратил сверхдержаву в сырьевой придаток с олигархическим капитализмом без видения будущего.

Это нужно, чтобы сделанные ошибки и преступления не были повторены, чтобы мы могли продолжить главную ветвь нашей 1000-летней истории и многое начать с чистого листа. Без этого нам не собрать стратегический субъект и не достучаться до молодёжи.

Лозунг момента — слова Суворова: «Мы — русские! Мы победили! Какой восторг!»

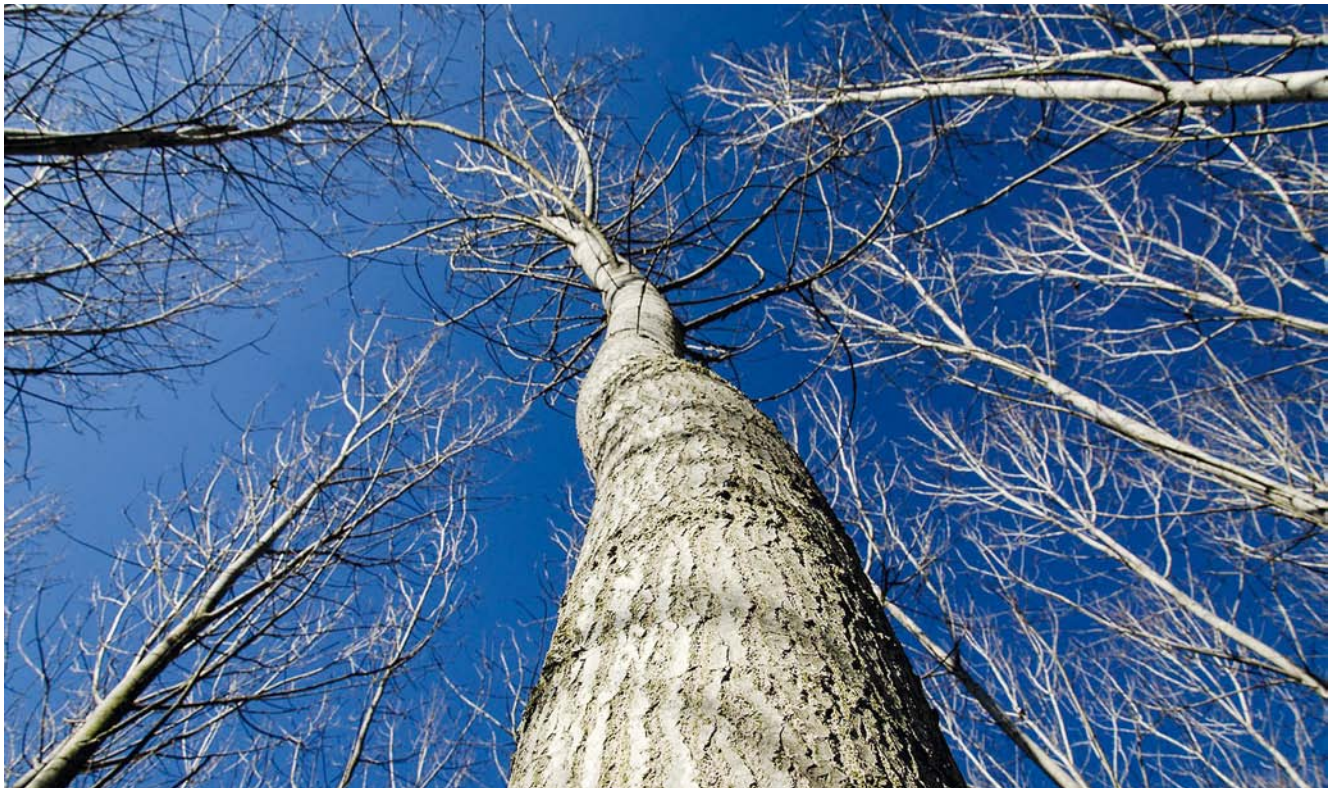
/ Вардан БАГДАСАРЯН /

Образ Ковчега

Методология

Прежде чем манифестировать те или иные положения государственной идеологии будущего, необходимо сделать оговорку, что функциональная идеология не изобретается, а выявляется на основании исторического опыта бытия соответствующей общности. Не все привлекательные идеологемы могут для этой общности подходить, а многие и вовсе будут иметь для неё разрушительные последствия. В этом отношении идеология будущего неразрывно связана с модификациями государственной идеологии в прошлом. Но именно модификациями — для сохранения ценностно-смыслового ядра при коррекции формы и акцентировке деталей сообразно с вызовами настоящего и будущего.

После этой оговорки далее возникает вопрос о методологии, выборе подходов для определения ценностно-смысловых компонентов формирования (или, точнее, — пересборки) идеологии России. Подходы, безусловно, могут быть различными, и я в этом наборе возможного вы-



брал подход дихотомический. Выбор в пользу этого подхода связан с тем, что существует (во всяком случае, в патриотическом спектре) консенсус в отношении определения негативной повестки, того, что нам не нравится, что является неприемлемым и представляется угрозой. Но при этом единства в понимании позитивной повестки, нашего ответа на вызовы, увы, нет.

Между тем любая система исходно выстраивается на антитезе — добро — зло, хорошо — плохо. Без договорённости исходной, что есть добро и зло, невозможно ни выдвижение действенной идеологии, ни осуществление общественной сборки в целом. В нашем случае есть очевидное понимание, что есть зло для России. Добро же антагонистично злу. Определение зла выводит в логике дихотомического подхода на позитивную повестку — образ добра.

Существуют определённые угрозы для России и мира, осмысливаемые метафизически как путь к гибели. На эти угрозы необходимо дать такой же метафизический ответ, предложив альтернативу — путь к жизни.

Главным историческим итогом русской рефлексии постсоветского тридцатилетия стало понимание, что установка «делай как все цивилизованные страны мира» не работает. У России другая анатомия. Западный путь для России оказывается не путём, а падением в бездну. Сами «цивилизованные страны» — второй итог русской рефлексии — не друзья и даже не партнёры, а враги, а их рецептура — «делай как мы», «будьте подобны нам» есть стратегическая ловушка.

Формула консолидирующей идеи

Итак, основные пять вызовов, ответом на которые должна стать новая идеологическая консолидация (и при условиях эскалации конфликта, которого, по-видимому, не избежать, — мобилизация) российского общества.

Первый вызов — глобальное доминирование и мировое господство как конечная цель этого доминирования, что идеологически продвигается через космополитизм и низкопоклонство перед Западом. Второй вызов — расчеловечивание человека, индивидуализм и постиндивидуализм. Обобщённо эти угрозы можно выразить через понятие наступления «антицивилизации». Третий вызов — идеология расового и цивилизационного превосходства, новая фашизация мира. Четвёртый вызов — глобальный рынок, рыночный человек, капитализм и посткапитализм. Пятый вызов — технологические и ресурсные (в рамках существующей системы) преимущества противника.

Как отвечать на указанные вызовы по логике дихотомического анализа? Глобальному доминированию противопоставляется мир цивилизационного множества, мировому господству — россиецентричная альтернатива мирового устроения как выход из колеи отношений «господство — подчинение». Альтернативой расчеловечиванию должно стать обращение к Традиции и выдвижение ориентира нравственного государства. Идеологии расового и цивилизационного превосходства может быть противопоставлена мо-

дель симфонии народов, мира миров, то, что в разработках Изборского клуба заявляется в качестве модели «Русского Ковчега». Антитезой глобальному рынку и рыночному человеку должен стать строй альтеркапитализм, основанный на принципах солидаризационного развития и приоритета духовного над материальным. Ответом на технологические преимущества противника может стать русский ответ соединения технологического и духовного развития, что даст синергийный эффект и в итоге — преимущества перед противником.

Как это всё можно выразить посредством формулы? В поиске такой формулы целесообразно обратиться к прошлому России. Ответы, аналогичные предложенным выше, уже давались в российской истории. Но они не давались целостно, будучи акцентированы в разных исторических модификациях на разных сторонах русской альтернативы. В этой недовершённости и состояли причины катастроф: гибели в двадцатом веке вначале Российской империи, а потом СССР, а ранее — Древней Руси и Московского царства. Отсюда и формула — Россия царская + Россия советская. Этот синтез позволит выйти на новый уровень идеологического строительства, станет локомотивом нового русского прорыва. Можно эту формулу выразить и иначе: Развитие с опорой на Традицию.

Почему идеология должна строиться по принципу альтер-враг?

Почему именно предложенная версия идеологии наиболее правильна и целесообразна для России? Потому что любое встраивание России в нероссийские, не соотносимые с её цивилизационной сущностью проекты ведёт страну объективно к гибели. Итогом идеологического инжиниринга будет летальный исход. Россия в глобальной системе Запада, Россия постмодерна, Россия националистическая, Россия капиталистическая, Россия технологически неразвитая: в любом из этих вариантов исход — смерть России. Все эти версии есть в действительности версии идеологии анти-России. Соответственно, необходим русский реверс — обратный переход от анти-России к России.

Россия находится фактически в состоянии войны. Кто-то скажет, что это холодная война 2.0, кто-то — что это война цивилизационная, то есть исторически воспроизводимая на всей развёртке отношений Россия–Запад. Но если это война, то для того, чтобы в ней победить, необходимо знать, при каких условиях победа невозможна. Нельзя победить врага, во-первых — являясь частью системы врага; во-вторых, опираясь на ценности врага; в-третьих, играя по правилам врага. Отсюда вывод — для Победы необходимо, во-первых, создание собственной россиецентричной системы вне системы западноцентричной; во-вторых, манифестация идентичных российских ценностей, отличных от ценностей Запада; в-третьих, формирование собственных правил большой геополитической игры, дающих системные преимущества России

Отношение к прошлому, историософия России

Русская историософия видится как историческая развёртка Русского мессианизма. Это Русский катехон Средневековой Руси. Это Русский коммунизм, нашедший воплощение в советском проекте XX века. Как обозначить мессианский образ России сегодня: Русский ковчег, Русский космос, Русский сверхмодерн, Русская симфония. Но суть метафоры в одном и том же — Россия есть спаситель человечества, и в этом спасении её высшее предназначение. Мир катится в тартарары, Запад тянет его за собой в пропасть. Россия этому препятствовала исторически, вставая преградой на пути Запада, и она должна выступить в этом качестве и сегодня. Русский народ есть народ-освободитель. В своё время в социологических опросах это определение русского народа занимало первые позиции. И этот исторический образ следует акцентировать и в отношении прошлого, и вернуть его в актуальную повестку настоящего.

Образ общества

Какие модели общества навязываются западноцентричной матрицей современного обществоведения? В ряду этих моделей предложены, в частности, следующие образы: общество как объединение индивидуумов; общество как система цивилизованной конкуренции (продукт общественного договора); общество как сеть; общество как кастовость; общество как этническая автономия; общество как корпоративная пирамида. Все эти модели объединены общим для них принципом партикулярности — разделения целого на части.

Что мы можем этому противопоставить? То, о чём говорилось применительно к России ещё в дискуссиях славянофилов с западниками — принцип русской холистичности, стремление к целому. Но цельность здесь не есть унификация, а соработничество (соработничество социальное и соработничество духовное). Образ, который в данном случае может быть предложен, выражен метафорой Н.В. Гоголя «Вся Россия — наш монастырь».

Модель общества как монастыря подразумевает четыре основные характеристики: во-первых, идеократизм (монастырская братия объединена общей идеей и верой); во-вторых, коллективизм (монастырь — это именно братство); в-третьих, этика труда (совместный труд есть этическая максима монастырской жизни, при недопустимости любой паразитарности); в-четвертых, автаркизация монастырского существования (определённая удалённость от мира и связанной с ним скверны).

Образ экономики

На определённом историческом этапе, связанном с утверждением системы капитализма, произошла фундаментальная подмена: экономика из средства становится целью. Утверждается экономикоцентричная модель общества. С ней оказывается сопряжена модель человека как «хомо экономикус». Капитализм неразрывен с моделью человека экономического, который при посткапитализме превращается и вовсе в человека-потребителя. Универсальной управленческой системой при капитализме и посткапитализме выступает менеджмент. Суть менеджиарской методологии сводится к формуле — максимум прибыли при минимуме издержек. Все должны зарабатывать деньги — врачи, учителя, чиновники. Деньги становятся предметом культа. Конкуренция и сопряжённая с ней рыночность рассматриваются при капитализме как нечто само собой разумеющееся.

Что этому можно противопоставить? Экономика должна быть переосмыслена как средство, а не цель. Она есть средство для построения духовноцентричного типа общества, а потому не может ставиться выше общественных идеалов. Из этого переосмысления логически производны следующие установки: приоритетность задач государственной безопасности и духовного развития перед потреблением и получением прибыли; государственное регулирование и планирование вместо философем рынка и конкуренции; перераспределение материальных благ в интересах всего общества, трудового народа. Важнейшим практическим шагом обеспечения государственной безопасности в экономической сфере является восстановление монополии внешней торговли. Речь не идёт о полной автаркии, невозможной, да и никогда в России не реализуемой, а о разумной, в интересах России автаркизации. Инструментом обеспечения этих интересов и станет монополия внешней торговли. Не случайно ведь Запад на Генуэзской конференции в качестве основных требований, помимо возвращения долгов и национализированных предприятий, требовал от Советской России именно отменить государственную монополию внешней торговли, понимая, что при ней страна сорвётся с крючка внешней зависимости.

Образ культуры

Главный вызов в сфере культуры видится в подвёрстывании её под глобальный рынок. Рыночная культура ориентирована на инстинкты, и в этом отношении является антикультурой. Она легка в усвоении, сензитивна, отключает смысловую рефлексию, пробуждает тёмные стороны подсознания. Прямыми следствиями рыночной доминации в культурной сфере являются: во-первых, выстраивание культуры по принципу шоу; во-вторых, установка на гедонизм; в-третьих, пропаганда пороков; в-четвёртых, социальная и интеллектуальная дебилизация. Снятие системы табу, с выстраивания которой и начался процесс социогенеза, приводит в итоге к распаду социума и к расчеловечиванию человека.

Что этому можно противопоставить? Культуре, производной от рынка, возможно и целесообразно противопоставить культуру идеократии (культуру, производную от большой идеи, идеологического метанарратива). Культура должна быть переосмыслена как человекостроительство. А базовым вопросом для культуры должен стать вопрос раскрытия понимания добра и зла.

Образ и тип человека

Глобализация выдвигает несколько ключевых антропологических метафор. Наряду с классическим для западной антропологии образом человека-индивидуума, буквально — атома, предлагаются и постклассические образы — человек как машина, киборг, и человек как конструктор. Весь этот дискурс встраивается в общий тренд трансгуманизма.

Что этому можно противопоставить? Целесообразно вернуться при определении этого противопоставления к русской модели человекостроительства, выражаемой в двух образах — человека как социальной личности и человека как образа и подобия Божия. Первый подход был акцентирован в советском идеологическом проекте и педагогике, второй имел в основе религиозный фундамент. Но оба они непротиворечивы друг другу, представляя разные стороны бытия человека — духовную и социальную, отношения с Богом и отношения с другими людьми.

Хуже всего было бы в ответ на вызов трансгуманизма занять оборону и держаться позиции о неизменности человека. Человек меняется, и отрицать это — значит проиграть дискуссию. Но следует определить: меняется как и в каком направлении осуществляются изменения. И в этой постановке проблемы в качестве альтернативы трансгуманизму целесообразно выдвинуть идею преображения человека. Идея преображения соотносится с целевым ориентиром — идеей обóжения. Не человек-машина, не человек-генетический-конструкт, не искусственный интеллект вместо человека — образы, лишённые духовного измерения, а духовная сущность, приближающаяся в своём развитии к нравственному идеалу.

Образ природы

По экспертным оценкам, Россия обладает примерно 22% мировых природных ресурсов, однако при существующей системе мирового и российского устроения все эти ресурсы не работают на Россию. Соответственно, система должна быть изменена таким образом, чтобы российская природа являлась основанием российского цивилизационного прорыва. Очевидно, что без перераспределения природной ренты не обойтись. Оче-

видно также, что от аномалии, закреплённой на конституционном уровне — частной собственности на природные ресурсы — необходимо отказаться. Надо вернуть существовавшее в советском правовом лексиконе понятие общенародная собственность, эквивалент собственности государственной. Это имеет принципиальное значение для раскрытия природы самого государства и пояснения, что соответствующие ресурсы принадлежат не чиновникам и не государственным корпорациям, а народу России. Из восстановления понимания общенародной собственности будет логически следовать и императив защиты природных потенциалов страны государством и обществом.

Российское послание миру

В чём может состоять российское послание миру и возможно ли вообще такое послание? Послание возможно как путь иного. Уподобление другим, пусть даже считающимся успешными, к успеху не приведёт. Уподобляясь другим членам империалистического клуба, Россия может в лучшем случае поучаствовать в новом переделе мира (с невысокими шансами на успех), но не сформулировать мировую альтернативу.

Российское послание человечеству должно представлять ответ на два находящихся в мировой повестке вызова. Первый вызов состоит в выдвижении и практической реализации различных геополитических, цивилизационных, национальных и транснациональных проектов, сталкивающихся друг с другом в борьбе за доминирование. Говорят, в частности, о проектах — «Pax Americana», «Синосфера» (КНР), «Новый халифат», «Великий Туран», «Машиах», доктринах различных национализмов. Идёт борьба проектов, насилие порождает насилие, победа одних продуцирует реваншизм и жажду мести у других.

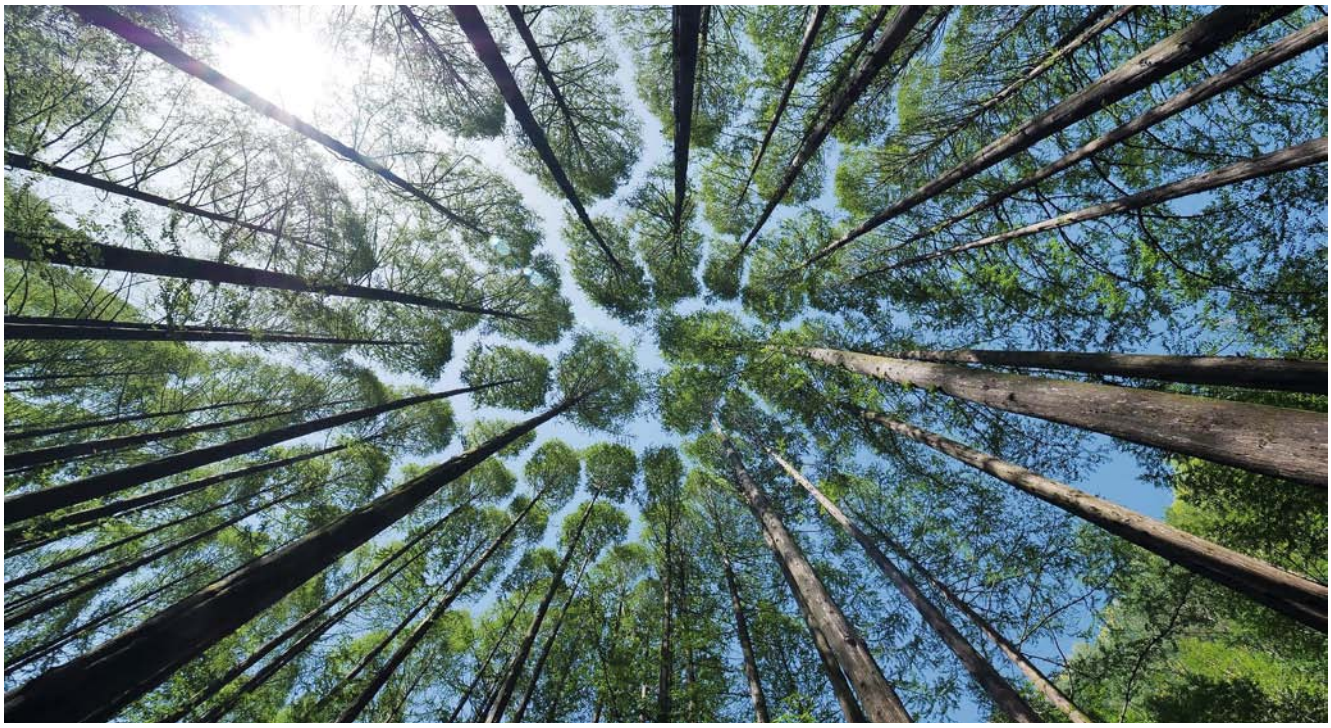
Второй вызов — это наступление сил, условно объединённых понятием «антицивилизация». Антицивилизация представляет угрозу для всех цивилизаций, ведёт к расчеловечиванию и деградации человека. Запад породил антицивилизацию, но сам и стал её первой жертвой.

Каким может быть российский ответ на обозначенные вызовы? Ответом может стать новое предъявление российского мессианизма. Не логика национальных интересов по принципу «моя лавка — моё Отечество», или «то, что хорошо для «Газпрома», хорошо и для РФ», а логика реализации миссии. Основанием для этого является фундаментальное для России, глубокое, укоренённое в российском сознании переживание Голгофы. С одной стороны, это отказ от идеологии господства и превосходства, ибо нет ни эллина, ни иудея. Мир есть симфония народов и цивилизаций, тот образ Ковчега, который единственный спасает как от угроз космополитизма, так и от фашизма.

И второе следствие переживания Голгофы — манифестация победы Духа над материей, идеального над низменным. Призыв должен состоять в переосмыслении всей матрицы жизни, навязанной миру антицивилизацией.

Россия или никто

Если это не предложит Россия, то не предложит никто. Тогда, наверное, и наступят сумерки человечества. Сама Россия должна вернуться к самой себе, своей цивилизационной идентичности и своей духовной матрице.



/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Курс – на грядущее!

О возможной интегральной идеологии Великой России

Какова общая объединяющая нас идеология? Да, это цивилизация жизни в противовес цивилизации смерти. Прочь унылые идеи выживания! Только атакующий стиль: мы — Русская цивилизация и мы — цивилизация будущего. Если мы ставим только на выживание, то проигрываем. Выживание сразу нас пригнетает к земле, а надо брать совершенно новые рубежи. Итак, мы — цивилизация мастеров невозможного. Мы — чудотворцы, способные сделать то, что не может никто в мире.

АРХАИКА НЕДОПУСТИМА

Какая формула могла бы вылиться в интегративный потенциал? Предложу некоторые принципы: новаторство, национал-патриотизм, народовластие, народное благосостояние, новая индустриализация. Надо стать националистическим проектом, потому что русский национализм — он широкий, а не узкоплеменной. Но мы больше не должны быть топливом для других народов и не должны снимать с себя последнюю рубаху, для того чтобы накормить других.

Почему такая версия идеологии просто обречена на успех? А кто нам предлагает что-то другое? Мы видим, что сейчас осуществляется на Западе. Это пример нежизнеспособной, либерально-политкорректной химеры. Китай — это всё-таки «для себя». Они ведь считают себя единственными цивилизованными людьми на земле, а мы — это периферийные варвары окраин. Кроме того, мы уничтожили собственную великую державу — СССР. В Поднебесной строят всё в расчете на китайцев. Пантуранизм, пантюркизм Анкары — это пока ещё зародыш, да, экономически Турция слабовата. Исламский Халифат нежизнеспособен, потому что примитивен. (Иран при этом стоит особняком). Сей проект слишком антитехнократичен, антитехнологичен. Он «хорош» только в том мире, который обрушился в катастрофу, где потеряны достижения науки и все мы впали в новую архаику.

Необходима идеология создания новой жизнетворной цивилизации, создания человека нового типа. Не просто преображение. Мы, кстати, и киборгами будем — вполне возможно. Потому что если мы не замечаем и не осваиваем киборгизацию, то будем иметь дело с западными киборгами, они нас сомнут. Создать русского киборга, сверхчеловека, — наша задача. Пусть первую часть своей жизни люди живут в виде привычных сапиенсов, а потом, познав все радости и горести обычного биологического бытия, затем обретут вторую жизнь и новое обличье. Мы не должны уходить в чистый консерватизм. Наша задача — развивать эту тенденцию и разрешать возникающие коллизии.

ГОРОД МАСТЕРОВ... НЕВОЗМОЖНОГО

Модель идеального государства — не монастырь, а Город мастеров. Но в нём есть и обители. Пусть в Городе мастеров будет несколько моделей, те же кластеры на самом деле, о чём говорил товарищ Агеев, — это же корпорации, цехи, гильдии. Профессиональные сообщества.

Модель идеального государства — общество, построенное по типу нейронов головного мозга. Нейромир. Отсылаю к книге вашего покорного слуги «Будущее человечества».

Понятное дело, что порядки позднего СССР возвращать нельзя. Там ведь — бюрократическое царство. Нет! Альтернативой должна быть новая Советская власть (которой в СССР не было), причём осуществляющаяся в условиях суровой борьбы с коррупцией и новой индустриализации. С неизбежным уничтожением класса квазикапиталистов-олигархов (неофеодалов), с перераспределением богатств и с подъёмом нового правящего класса — когнитариев-креаторов. Новая Советская власть, построенная на принципах Нейромира, — отдельная и большая тема[1].

Пусть люди на местах (в городах и районах) выбирают местные Советы. Там, на низовом уровне, они всех знают и смогут избрать самых достойных да компетентных. А самое главное — избиратели смогут своих делегатов контролировать и отзывать в случае необходимости. А дальше — депутатов в региональные Советы должны выбирать уже не рядовые избиратели, а члены местных Советов. Тоже с механизмом отзыва тех, кто на региональном уровне не может достойно представлять «земли». В свою очередь, региональные советы избирают депутатов в Верховный (общенациональный) совет.

В такой системе возможности выборных манипуляций и махинаций политтехнологов сводятся практически к нулю. Высшая политическая элита не отчуждается от народа. А самое главное — создаются социальные лифты в двух направлениях: лучшие — получают возможность быстрого подъёма в высший эшелон, худшие — угрозу «опускания». Подобная власть не будет принимать тех заведомо идиотских и разорительных для экономики решений, что принимает прогнившая, продажная и тупая власть богатых сегодня.

Подобная Неосоветская власть (без доминирования одной партии) позволит совместить народоправие, самоуправление — и существование единого, централизованного Русского государства. При этом государствообразующая роль русских обеспечивается их реальным решающим голосом в формировании собственно власти. Более того, система Советов может работать и в условиях чрезвычайного периода — Диктатуры развития и санации, ликвидирующей последствия четвертьвекового разгрома нашей страны. При этом

[1] Подробнее о ней — http://m-kalashnikov.livejournal.com/750345.html

правящая партия концентрируется на идеологии и подготовке кадров, отстраняясь от прямой госвласти — как планировал Сталин. Понятное дело, что новая Советская власть потребует иной экономики и новой налоговой системы.

Построение такой системы должно быть объявлено делом.

Каковы образ и идея страны, образ государства в историческом, историософском и геостратегическом пространстве? Идея страны, которая решила те проблемы, перед которыми спасовали все остальные. Господа Бога Его собственная страна. Страна чудотворцев.

Образ общества и социальная структура? Смешанная экономика, где есть несколько форм собственности. И где есть уже высший уровень — креакономика, которая выше капитализма, выше частной собственности. И она побеждает не за счёт искусственного подавления всех прочих укладов, а за счёт реального превосходства, выигрыша в конкуренции.

Таковая модель намного жизнеспособнее того социализма, который мы видели в Советском Союзе. Его возвращать мы, конечно, не будем, он погиб, он выиграл войну, но проиграл мир. Социализм — это и есть смешанная экономика.

Обязательно нужна модель с принципом экономии национальных сил во главе, что прямо входит в концепцию мастеров невозможного. То есть всё подчиняем целям своего развития, мы не собираемся тратить свои ресурсы, чтобы развить кого-то другого. Хватит с нас «интернациональных долгов»! Ты, пожалуйста, делай как я, мой пример и служит твоему развитию. Мы будем с тобой торговать, но — никакой благотворительности. Мы воздействуем силой своего примера.

Естественно, у нас даже внешняя политика служит новой индустриализации и развитию Великой России, решению демографической проблемы, инфраструктурному строительству, продвижению отечественной науки. Главной опасностью для русского государства выступает не запрещенное в РФ ИГИЛ, а угроза взрыва его изнутри, разложение общества, вымирание народа, деиндустриализация и прозябание в статусе сырьевого придатка. Рационализация и национализация внешней политики — вот наше кредо. Никогда бармалеи не дошли бы до наших границ, посмотрите на карту: для этого им придётся разгромить армии Турции да Ирана, своими территориями закрывающие путь к рубежам Кавказа. И курдов в придачу пришлось бы победить. А это — ненаучная фантастика. Потому Сирийская экспедиция, ради которой Москва бросила Новороссию, — чудовищная ошибка и расточение наших ресурсов. Кто будет оплачивать восстановление Сирии? А там счёт идёт на сотни миллиардов долларов. В то же время быстрый ввод войск на юго-восток бывшей УССР на корню пресекал бы войну. Сначала возникала формально независимая Новороссия, забиравшая с собой все гавани экс-Украины, всю ее металлургию и самую лучшую часть машиностроения, благодатные чернозёмные регионы. Ну а затем происходило воссоединение, которое и приращивало РФ качественным южнорусским народом и разблокировало Приднестровье. Мы становились твердой ногой на Днестре и в северном Причерноморье. И всё это бросить ради ближневосточной «чёрной дыры»? Таких ошибок Великая Россия повторять не должна.

СТАВКА НА ЧУДО

Вместо расточения сил в ложном «имперстве» нам необходимо завоевание передовых рубежей — в науке, в космосе, в обустройстве своей жизни и территории. Это и есть истинное имперское строительство.

Органичное научное и технологическое развитие — вот что нам нужно. Что сейчас лежит на поверхности? Сейчас в Европе — бзик водородной энергетики. Надо, оказывается, водород добывать электролизом за счёт ветроэлектростанций, за счёт русских АЭС и ГЭС. Или сложными химическими процессами (пиролизом или паровым риформингом) — из нашего природного газа.

Бред сивой кобылы! А почему вы не замечаете открытия Владимира Ларина, великого русского геолога, трагически ушедшего из жизни осенью 2020-го? Ведь он открыл массу выходов на поверхность струй водорода из недр планеты. Их полно на Русской равнине.

Мне случилось быть в его экспедиции в 2010-м в Саратовской области и видеть, как ведется сейсмическая и газовая разведка на этих неглубоких впадинах местности. Пробури там скважины — и водород устремится в них. Ты получаешь сей лёгкий газ без всякого электролиза. Хочешь — закачивай его в баллоны. Хочешь — заряжай топливные элементы. А можно поставить на этих местах газопоршневые электростанции и получать совершенно чистое электричество. И себя им снабди (океан дешёвой энергии — путь к процветанию), и впавшей в блажь Европе поставляй.

Такими ходами мы можем вырваться вперёд, обходя Запад за счёт смекалки и новых знаний.

Так называемые закрывающие технологии — вот наш путь. Ваш покорный слуга по этому поводу книжку написал, какими должны быть поисковые структуры: «Машина открытий», «Вторая Академия». От внешних квазиимперских предприятий типа ливийского и сирийского надо переходить к истинно великодержавным. А истинно имперская стройка — это создание устойчивого, очень жизнеспособного общества.

Вспомните, как от Северной Африки до Рейна находят остатки римских городов. Они как будто везде типовые. Форум, храмы, термы, театр. Достаточно сильная культура, которая присутствует на таком пространстве. Убеждён, что мы должны создать её аналог, то есть — общество сильных людей и самоуправляемых

футурополисов от Днестра до Камчатки, от Прикаспия и до вечной арктической мерзлоты. Плюс новые виды скоростного наземного транспорта, массовая авиатизации. Мы вообще должны стать центром альтернативного прогресса.

Пример: Илон Маск, при всей своей симпатичности, создаёт тупиковый проект транспорта. Вот он, Hyperloop, он же «Гиперпетля» (на самом деле это проект 1911 года Штейнберга из Иркутского политеха). Такой проект (в движущийся в трубе с вакуумом скоростной модуль, влекомый электромагнитным полем) никогда не будет рентабельным. У него — огромные энергозатраты на обеспечение и движения, и Торричеллиевой пустоты в трубе. А если что-то плохое стрясётся с транспортным модулем? Как извлекать его из вакуумного туннеля, как эвакуировать пассажиров? Нет, проект Маска явно разделит судьбу сверхзукового «Конкорда»: технически возможно, но экономически несостоятельно. То же самое скажу и о поездах-магнитопланах, маглевах. Они везде и архидороги, и нерентабельны.

А вот у русских есть технология эстакадного экраноплана (ещё советский авиаконструктор Роберт Бартини в 1974 году её предлагал), которую до сих пор не желают замечать в Кремле. Она ведь дешевле и эффективнее. Экраноплан с пассажирами или грузом летит над простой эстакадой. За час покрываешь 400–500 километров. Это и есть пример альтернативы архидорогим западным новациям. Вот вам пример нашей новой идеологии: попробуй решить те же проблемы, которые решают на Западе, но за счёт куда меньших затрат, за счёт большей смекалки.

Экономика, естественно, у нас протекционистская. Роботизация позволит спастись от последствий демографической катастрофы (не хватает рабочих рук) и создать у себя как можно больше производств буквально всего. Или почти всего, сводя импорт лишь к необходимому минимуму. Но зато мы получаем мощнейший локомотив развития. Ибо если у тебя есть десятки тысяч заводов и фабрик, пускай и автоматических, вокруг них бурно разрастаются сфера услуг, торговля, транспорт, наука, образование и культура. Производство ведь — главный заказчик для образования и науки.

Образ и тип личности гражданина Великой России? Творец и воин, это та самая «белокурая бестия» (но положительная), ефремовский звездолётчик. Включите фильм «Туманность Андромеды» 1967 года — и узрите эту личность. В художественной форме она здорово воплощена: победитель, поднявшийся над обывательским, приземлённым существованием.

У нас вообще господствует культура победителей. Чем хороша русская культура? Мы вбираем в себя и русифицируем всё. Приходим на Кавказ — мы вбираем в себя горское. Мы жили с Золотой ордой — ордынское поглотили. И так же мы поступаем при взаимодействии с Западом. Русские — великие интеграторы, у нас культура готова к этому.

Образ природной цивилизации в природной среде — органичное развитие, природоподобные технологии. Мы действительно можем не корёжить природу, мы можем за счёт применения закрывающих технологий свести к минимуму потребление ресурсов. А новой индустриализацией мы решаем проблему отходов. Их выгодно станет перерабатывать и превращать в источник вторичного сырья. Сами промышленники вложат в такое средства.

Отсюда вытекает и послание русской цивилизации другим народам. Эгей, человечество, мы и есть та самая новая раса, которая идёт в будущее и может указать путь остальным! Мы его не навязываем, а просто его показываем. Мы не просто выживальщики, мы капитаны планетарного ковчега, между прочим. Идите к нам, идите с нами.

Другие аспекты образа будущего, которые представляются нам наиболее важными — футуристичность. Потому что голый консерватизм проигрывает.

МЕЖДУ МЕЧТОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Существует огромный разрыв, отделяющий нынешнюю реальность от реализации идеального образа. Мы все знаем, что построенная нынче система обеспечила опасный застой, она подвела нас сейчас к нынешнему состоянию: ни туда, ни сюда. Мы не развиваемся и вымираем, медленно сползая к катастрофе. С сырьевой иглы РФ с 2000 года так и не слезла. Демографическая катастрофа налицо. Как и чудовищно косная и алчная бюрократия, отвратительная в своей безответственности и стремлении всех нас сделать бесправным быдлом. Или «правоохранители», превратившиеся в мародёров и рейдеров, вкупе с вырождающимися спецслужбами и фарсовыми «судами».

Такая РФ — не жилец. И то, что её гниение заживо пока ещё удаётся замедлять, саму проблему не решает.

Но делать работу по созданию новой идеологии необходимо, потому что та или иная власть приходит и уходит, а Россия остаётся. Кому-то надо вытаскивать страну из трясины вырождения. Им и потребуется та самая идеология новой Победы.

Какие формы, институты поддержки ей потребуются? Да, нужно, чтобы получилась новая Русская доктрина, но делать её следует очень сжатой и лаконичной, чтобы люди могли её прочитать. Параллельно же надо создавать целую экосистему, как нынче говорят. То есть мир, вселенную Русской мечты. Входя в неё, каждый видит: вот фильм, вот интервью, вот художественная лента, вот мультфильм. И все они так или иначе показывают мир Русской мечты.

Нужен Институт тайн русских побед. В нём будет изучаться не столько то, что сделано при Сталине или царях, сколько то, как это творилось. На конкретных примерах, что станет мощным организационным оружием для нашего рывка. В том же институте можно показать, почему провалились некоторые наши попытки, где мы допустили ошибки и просчёты.

Это интереснейшая вещь — в плане текстов, и кинолент, и мультфильмов, да чего угодно! Текст — работает на умных, образы — на тех, кто попроще. Полуминутные ролики, как в TikTok, совсем простые, воздействуют на совсем уж непритязательных, с инфантильными мозгами. Экосистема — как целый мир и многообразие источников.

Вот такой должна стать интегральная идеология Великой новой России…

/ Сергей БАРАНОВ /

Век русской воли

Идеология — определённая оптика, позиция видения себя и мира, а не ложное сознание, как полагал Карл Маркс. Да, она своеобразная, тенденциозная, — но это наша оптика, наша «правда». А есть оптики другие, чужие. Такую оптику предстоит создать, вырастить, выстрадать.

Несколько требований к идеологии. Идеология — это ресурс роста, это своеобразный символический капитал, который работает по многим направлениям. И он цементирует элиту и общество, сдерживает от падений, развалов. Это своего рода ценность государства. Она не просто вымысел какой-то группы людей или какой-то манипулятивный инструмент. Это не какая-то монопольная идеология, но определённый взгляд на страну и мир, в рамках которого допускается свобода разномыслия. Нам предстоит в идеологии определённый скачок — отказ от идеологии встраивания во внешний, контролируемый Западом мир и пере-

ход к собственному миру, каким мы хотим его видеть. Нам нужно также перепрыгнуть межпоколенческий провал между старшими, из которых преимущественно происходят современные руководители, и молодыми людьми, которые сформировались в новой реальности. Интегральная идеология их призвана стянуть в одно национальное целое предшествующие поколения и тех, кто вступает в жизнь, и проложить путь в будущее.

Идеология России строится на цивилизационных основаниях, логике истории, её исторических этапах, а не на внешних искусственных нововведениях. Был социализм — значит, должны быть элементы социализма как общественной системы местного происхождения, но вовсе не обязательно идеология социализма; была служилая система самодержавия с единым правителем — должны быть её элементы, но вовсе не вся и только идеология реставрации самодержавия. Отсюда и второй член уваровской триады — «самодержавие» — устарел, но сохранил свой смысл, поскольку он входит в логику истории и выражается в наличии сильного правителя с правом окончательного решения, консолидирующего вокруг себя элиту. Но если кому-то хочется создать свою одностороннюю идеологию — пожалуйста, но она не должна быть всеобщей! Сегодня уже начали говорить о цивилизационной идеологии, а не просто о либерализме, коммунизме, национализме и так далее как идеологиях партийных. В партийных идеологиях есть свои частички истины, жемчужины, которые нужно найти, «выловить».

На мой взгляд, идеология должна быть метафизически обоснована, укоренена в крайних, последних основаниях. У нас роль подобной оптики обычно играли так называемые «скрепы», когда обращаются к православию. Но они не работают в силу того, что настоящих верующих у нас всё-таки не так много, воцерковлённых людей ещё меньше. Остальные люди не понимают, о чём, собственно, идёт речь в этой метафизике и в православии. Им нужен другой инструмент, другая философия, которая понятна современному человеку и которая позволяет понять истины православия с позиций внешнего человека. Идеология — не мир идей, а мир людей, конкретных личностей. На мой взгляд, крайняя мировоззренческая опора идеологии — это философия соборного персонализма, о которой я написал работу[1]. Персонализм, а до него монадология, — философия, которая воз-

[1] Баранов С.Д. Соборный персонализм — ключ к русской философии. Н.О. Лосский и о. П. Флоренский. Оценка цивилизационной теории Н.Я. Данилевского. К 150-летию выхода «России и Европы». — М., 2019.

никла и на Западе, и развивалась русскими философами в собственную многовариантную доктрину, став своеобразной русской идеей. Это понимание человека как некоей коллективной и в то же время индивидуализированной личности. Весь мир — вплоть до мельчайших атомов — воспринимается как мир духовных личностей, созданных по подобию Бога, но обладающих свободой воли.

Конечно, идеология должна базироваться на типе личности, присущей большинству населения страны, независимо от национальности. Я бы назвал его восточноевропейским, а также осевым типом личности. Идеология — не «-измы», а человек. Цивилизация — это не что иное, как тип личности, тип общества. Она характерна на протяжении всей истории существования для какой-то этнической группы или нескольких групп, освоивших некий метафизический прототип или архетип. Поэтому нам нужно исходить из понимания того, что представляет наш человек, какова структура его личности и каким мы его хотим видеть в будущем. Это, как известно, индивидуалист-коллективист, то есть человек, который сочетает и те и другие качества. Он живёт и воспроизводится в малых группах, без общения в которых ему тяжело идти по жизни, он как бы «сирота». И потом, по данному образу малой группы общения «по душам», строятся и другие кирпичики более крупных групп — вплоть до государства, общества. Так что свобода и индивидуальность должны быть, но свобода и индивидуальность коллективные, встроенные в судьбу страны, региона, сообщества, близких. Так нужно строить и внедрять идеологию — через малые группы.

Идеология должна быть, конечно, нацелена на образ будущего и быть прорывом; это не может быть ретроградный, ретроспективный консерватизм, упёршийся в идеи позапрошлого столетия. Идеология должна иметь дальнюю перспективу — прицел на долгосрочное планирование, взгляд в будущее как в зеркало. Нам нужна идеология на 100 лет минимум, до 2121 года. «Россия-2121» — вот название для идеологии. Всё, что меньше, это уже программа-минимум. Фантастика? Идеология должна быть фантастичной и мифологичной. Может быть, научно-фантастический фильм. Идеология — изложение будущей формы нашей цивилизации.

Идеология должна стараться быть научной, использовать научные основания в теориях и фактах, прогнозах, как это пытались выстроить идеологи в СССР; что, однако, не отменяет сверх- и вненаучность русской идеологии, её религиозный характер.

Но вместе с тем подход к идеологии должен быть и глубоко фундаментален. Идеология должна обращаться к очень далёким корням общества. Что такое далёкие корни? Это праславянская, праиндоевропейская древность, в ней собственно и сформировался тип человека и тип общества, который мы во многом наследуем и соотносим его с другими родственными типами, новозаветными библейскими, осевыми или евразийскими. Идеология должна иметь историческую основу. Чем глубже мы оглянемся назад, тем дальше посмотрим вперёд. Назад нужно смотреть до четвёртого-пятого тысячелетий до новой эры, когда впервые вдоль евразийского степного коридора на территории России начала создаваться единая Евразия.

Идеология должна отвечать на массу конкретных вопросов, давать человеку понимание, кем он (лично или ему подобный) будет через какое-то время, кем станет, из чего он может выбрать, что с ним произойдёт дальше? Предложить ему место в мире нового технологического уклада.

Идеология не может быть спущена сверху кем-то или придумана группой людей. Должна быть идеология, принятая обществом, принятая на обсуждении. Надеюсь, что мы находимся в начале данного процесса, который действительно будет поддержан властью и запущен через систему политических клубов, через, может быть, какие-то общественные и общественно-государственные институции как общее дело.

Важный момент — каким образом эта идеология будет внедряться? Ведь The Medium is the Message, согласно Маршаллу Маклюэну. То есть само средство или форма передачи, проводник — и есть содержание. Но «средство» — это «медиум», харизматическая коллективная личность, симфоническая личность, по Льву Карсавину, а не просто канал медиа, как полагал автор формулы. Идеология, как просто рациональный инструмент, конечно, очень слаба. Она должна опираться на интуитивные, эмоциональные, сверхрациональные и вероисповедные вещи. Это то, что я уже говорил применительно к метафизике. «В Россию можно только верить» — не просто красивые слова Фёдора Тютчева, а завещанный нам принцип построения государственной идеологии России. Тютчев был практиком, сеятелем и жнецом идейного поля, он знал, о чём говорил. Человек должен верить в страну, в себя, в свою удачу и своё место в России. В Бога, в «Россию Вечную» и в себя вечного, в вечные души своих соотечественников и культурных героев. Тогда всё сбудется.

Российская идеология — это интегральная национальная идеология, не разделяющая по принципу «разделяй и властвуй», а объединяющая от имени коллективного харизматического носителя, медиума, представляющего общество, группы носителей. Поэтому она строится на основе общих интересов.

Идеология должна приниматься на веру. То есть восприниматься как некое вероучение со школьной скамьи. И данная идея совершенно правильно сформулирована в Изборском клубе («Вероучение Русской мечты», представленное от движения Русской мечты). Здесь инструмент, может быть, даже важнее, чем само

содержание. Как было во время Крещения Руси: в Киеве, или Херсонесе, или Новгороде: «Мы приняли это вероучение, мы стали христианами», и христианство стало для русских цивилизацией, её новой формой. Так и сейчас: «мы стали русскими будущего».

Только такой месседж может внушить то, что это — правда, что это соответствует критериям справедливости. Это должна быть идеология своеобразного квазирелигиозного культа. Только в таком виде она может быть принята обществом. Эта квазирелигия ни в коем случае не должна заменять православие, она должна на него ориентироваться и даже напрямую опираться. Само православие не может использоваться как гражданский общественный культ, это будет вести к его профанированию, с одной стороны, и к провалу идеологии — с другой. Однако христианские прообразы и коды должны использоваться в нём. Это не попытка создать какое-то новое политическое язычество, это скорее политическая квазирелигия России и её цивилизации.

Вариантом квазирелигии в своё время был большевизм, опиравшийся на народничество, который стал неоязыческим культом материи, будущего прогресса общества как формы материи при коммунизме. Часть большевиков, кстати, экспериментировала с культами. Некоторые из них были внедрены, тот же посмертный культ Ленина с мавзолеем и культ других видных революционеров. Надо отметить, что большевизм в своей идеологии будущего предложил место реальному человеку в индустриальном обществе, которое, как правило, было лучшим местом, чем он занимал на момент начала внедрения марксизма-ленинизма. Нам же надо предложить место в постиндустриальном обществе.

Идеология будет адаптирована к современному обществу, его организации, ко всем этим цифровым и другим современным инструментам. Наш цифровой мир должен быть нашим собственным, замкнутым на себе, изолированным от Запада и Китая Русским миром. Ну, может быть, не полностью, но всё же — функционировать на базе русской цивилизации. И образ технологии уклада должен быть другим, не копирующим западные формы. Но при этом посредничество машины интернета, превращение человека в часть машины-«медиума» не должно стать идеологией, как случилось в трансгуманизме, ставшем официальной идеологией Запада после доклада Клауса Шваба. Причина возвышения трансгуманизма в том, что люди стали глобальной олигархии не нужны, совсем, даже в качестве рабсилы. Глобальная, всех опутавшая «цифра», которой должен закончиться Запад и остальной мир, — это не что иное, как воплощённый в технике платоновский «Мир идей» и чисел, «Нус», всеобщий разум. Мы же — мир людей и душ.

Касательно модели нашего исторического предназначения — у русской мысли много формул. Это и «Хранитель», это и «Катехон», это и «Ковчег». Это своеобразный материк в мире бушующих волн. Есть идея метафизической Мировой Оси, которая проходит через личности людей, через осевой тип личности, который характерен для нас и некоторых других цивилизаций. Например, для тех, которые сложились в осевое время на Ближнем Востоке (в иудейском мире есть такой осевой тип). Но также это индоевропейский ранний тип. Поэтому и государство, и страна — это некая Мировая Ось. Мы не можем создавать какую-то свою линию движения бесконечного прогресса, которую создаёт Запад и которая сегодня уже выражается в идее трансгуманизма, цифровизации и т.п. Наша идея ориентирована именно на позицию страны как осевой зоны мира, поддерживающей традиционный тип личности, и его не нужно заново создавать, выдумывать.

В конкретном варианте архитектуры новой Российской империи («пятой империи») должно быть два геополитических контура, образующих непробиваемую броню. Один — внутренний: интеграция всех русских земель в одно государство. Русские должны жить в единой системе государства. А второй контур — Евразийский союз. Его схема уже запущена, он должен расширяться за счёт тех государств, которые не могут слиться с русскими и мы тоже не можем их влить в себя. Россия станет одновременно и очеловеченным космосом, и обществом, слитым с нацией, а не человейником.

Образ общества мне видится как образ собора соборов. У него есть элементы корпорации на низовых уровнях и низового самоуправления, которое делегирует постепенно по лестнице вверх своих представителей. Не просто ВРНС, который реально, как мы знаем, просто раз в год собирающееся собрание. Должна быть система соборности, сборки, система человеческих микрогрупп, в которых идёт общение людей и поддерживаются границы личности человека. Здесь человек общается с людьми, с которыми ему приятно в принципе общаться, — со своими друзьями, родственниками, коллегами, сослуживцами, прихожанами, собутыльниками-сотрапезниками, соратниками, болельщиками, волонтёрами, ещё кем-то.

Соответственно, модель экономики мне видится как модель двухсекторная — от нынешней рыночно-капиталистической модели мы полностью не сможем отказаться. Нам всё равно придется контактировать с внешним капиталистическим миром, обмениваться, сохранять возможность конкуренции. Но должен быть и другой сектор, который будет постепенно расти и поглощать первый. Это сектор государства-корпорации. И он должен быть связан именно с технологическими прорывными вещами — с новым технологическим укладом, прежде всего в сфере власти над высокими энергиями. Вряд ли это будет социализм-2.0, но и не капитализм в его

глобальной и для нас в неоколониальной версии. Он должен учитывать опыт социализма, отталкиваться от его достижений. Предстоит сформировать новый правящий класс меритократии — вместо постсоветской олигархии.

В соборном обществе человеку гарантировано его достойное место. А это большая проблема — именно отсутствие гарантии, неуверенность в будущем. Она влияет и на демографию, и на всё остальное. Мы должны вернуться во многом к этому социалистическому принципу, но в форме корпоративного солидаризма. (Собор соборов — он же и мегакорпорация общества.) Но при этом богатые люди должны сохранить свои капиталы, должна функционировать рыночная экономика. По сути, это во многом и существует в Китае — в своеобразной форме.

Осевой индоевропейский коллективно-индивидуальный тип личности характерен для русских, славян и ряда других народов. Он отличается от западного типа — более атомизированного и более рационализированного. Поэтому нам нужно от попыток следовать этому типу отказываться. Также надо отказаться и от азиатского типа, который, может быть, существует сейчас в Китае и многих странах Востока. Это тип коллективиста, которому сверху насаждают все принципы и правила поведения. Нам это тоже не подходит. Такой коллективизм совершенно не соответствует нашим людям и не будет воспринят. У нас свой тип, он своеобразен и не является чем-то средним между двумя крайними типами: западным и восточным. Может, он станет неким цивилизационным антропологическим ориентиром для обоих.

Нашему человеку, молодёжи, её активной части нужно показать такую перспективу, от которой она не сможет отказаться, потому что это будет всё равно что отказаться от самого себя. Тогда они примут идеологию России, Русской мечты, поверят в неё. От идей отказываются сегодня легко, а вот от себя как личности отказаться сложнее, если тебя «пробудили».

В этом процессе становления идеологии, на мой взгляд, очень важен такой тезис, как личностная революция. Этот тезис — старый, он придуман еще в тридцатые годы прошлого века французским христианским персоналистом Эманюэлем Мунье. Его поддерживали некоторые наши философы — в частности, Николай Бердяев писал на эту тему. Это, конечно, не политическая революция, скорее революция культурная, результат культурной гегемонии под контролем особой части государства — идейной меритократии. Не стоит её бояться, она следствие накопления той национальной политической массы

нашего государства, которая происходит в последние 30 лет.

Смысл состоял в том, что личностная революция должна поднять саму личность на уровень того, что в ней заложено Богом, своеобразное преображение. На такую же высоту надо поднять и уровень коллективов, окружения, в которых эта личность существует. Это есть реальный богоподобный уровень со сверхчеловеческими качествами — какие могут, конечно, быть у земного человека со всеми его недостатками. Не за счёт наращивания силы, рациональности, эгоизма, гордости, а именно за счёт наращивания духовной внутренней силы, а также волевой силы, то есть способности проявлять свою волю, воспитывать её и в то же время подчинять небесной иерархии и интересам своей страны. Человек-творец, образ нового человеческого и цивилизационного типа для других народов, но на своём конкретном участке. Это та же самая осевая коллективно-индивидуальная личность в её высшем варианте для мира будущего. Вот это достойное место для русских и россиян. Основа идеологии — систематическое проявление индивидуальной и коллективной воли, их единство. Без отрыва, без действия идеология — пустое теоретизирование или болтовня говорящих голов.

Многие знают, наверное, работы Олега Бахтиярова. Особенно его более ранние работы — они даже более интересные, чем работа о цивилизации, в которой он разбирает V («Ви») — переход, волевой переход. Если не запустить этот переход, то личность будет формироваться западными матрицами современной рациональ-

ности. Это постсовременная цифровая рациональность, где нужно «тыкать» на клавиши и за счёт этого всё тебе будет даваться. На самом деле, полностью удаляется истинная духовность личности и её воля.

V-переход как раз позволит восполнить ресурсы, которые раньше черпали за счёт демографии, демографического сжатия России, когда было много лишних людей, вплоть до Великой Отечественной войны. Утилизировали огромное количество людей, утилизировал и советский режим, а еще ранее — досоветский. У нас демографическая воронка, будет не хватать людей. Для того чтобы их хватало, нужны специфические люди, которые способны менять себя, своё состояние. Поэтому, конечно же, часть консервативной революции, консервативно-революционной идеологии — это именно личностная революция. Должно произойти изменение систем образования и культуры (многие вещи должны по-другому преподаваться). Человек должен внутри как бы осознавать себя, действовать как осознанная личность, которая сама себя формирует, а не как зверь — «общественное животное» или часть машины.

Хотел бы остановиться на концепции мироустройства. Очевидно, что нынешний мировой порядок не даст нам возможности реализовывать свою программу. И он должен быть просто постепенно сломан. Это рискованная вещь. Какой ни есть, но он существует, он что-то кому-то гарантирует. Однако в сложившихся условиях он просто должен уйти, поскольку всё больше превращается во врата хаоса. Должна возникнуть система автономных цивилизаций и геополитических блоков, которые заменят господство Запада. Гибкое мироустройство без единого мирового порядка, управляемого из единого центра. Интересам России, как большинству цивилизаций мира, в том числе и в значительной мере и того же Китая, соответствует переход к гибкой системе мироустройства с отсутствием единого мирового порядка. Вместе с тем китайская схема «общей судьбы» нам тоже не слишком подходит — у всех судьба разная. Предстоит отказ от старых международных институтов и замена их совещательными системами, может быть, председателями земного шара, ведущими постоянное онлайн-совещание.

Будут полностью перестроены все мировые институты, как формальные (ООН), так реальные (система мирового рынка во главе с ТНК, мировой олигархии). Они будут жить в своём мире, а мы — в своём. Рост самостоятельности и культурной оригинальности цивилизаций и крупнейших государств, прежде всего самой России. Объединение цивилизационно-культурных зон в связанные системы добрососедства. Так, например, Восточной Европы в Евразийском союзе, и Запада в Европейском союзе (что противоречит нынешней практике Запада).

Единый Запад, захваченный трансгуманистической антисистемой, представляет огромную угрозу для человечества, прежде всего для самих западных людей, их государств и наций. Следовательно, нужна фрагментация системы Запада (Северная Америка, Западная Европа, Восточная Европа) и лишение статуса мировой метрополии.

Сейчас пока вопрос о пути справедливого мироустройства далеко не решён. В рамках указанного миропорядка играет в свою игру Китай, который пытается сжать его в своих объятиях и переделать под себя. Его задача — все его технологии зеркально скопировать и использовать против Запада же. Остальные сидят, выжидают.

Мне представляется, что нам нужно всё-таки идти по пути, намеченному ещё в рамках советского проекта 1920-х годов «освобождённых народов Востока». Возможно, свою роль сыграет Индия. Поднимался вопрос о её блоке со славянским миром, с Восточной Европой, с иранским миром (проект «Аркаим»). Эта идея очень интересна, она предполагает повторный «запуск» индийского мира, на сей раз как одного из главных игроков, своеобразного полюса, и его геополитическое подкрепление из центра Евразии, как это было во II тысячелетии до новой эры. Такой процесс, конечно, изменит полностью всю геополитическую и экономическую карту мира. Но это довольно рискованная идея, поскольку мы сложно относимся к миграции с Юга; хотя мне она видится заманчивой. Индия — такой экономический и культурный резервуар, который ликвидирует гегемонию западного человека и западной экономики. Также Индокитай может как-то влиять на изменение мира в пользу реальной многополярности. Центр мира, Евразия, будет другой, Большой Евразией.

В идеологии будет явно обозначен образ врага, иначе она не выполнит свою функции. В качестве врага должны быть обозначены представители наиболее опасной части глобальной олигархии, производители явно враждебных идеологий, человеконенавистники, русофобы — ненавистники (клеветники) России, антисистемщики, враждебные лидеры и партии других государств, человеконенавистнические идеологии и те, кто готовится к войне с нами.

Нас ждёт какое-то трансформационное роковое событие, преобразующее нашу страну и мир. И оно должно быть отражено, заложено в идеологии. В советской коммунистической и народнической интеллигентской идеологии им была социалистическая революция, которой они ждали с самого начала, приближали её и — дождались. Россия же должна добиваться другого события — крушения однополярного мира и организованного перехода к новому цивилизационному строю, учитывающему все полюсы и минусы известных вариантов общественного устройства.

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
...
Проснись — теперь иль никогда...

/ Валерий КОРОВИН /

Национал-большевизм – выход из безыдейного пространства

Рекомендации нынешним политическим элитам, как поступить с идеологией

Естественным идеологическим выходом за рамки Модерна с его тремя политическими теориями — либерализмом, марксизмом и фашизмом (национализмом) является, по мнению русского философа Александра Дугина, Четвёртая политическая теория — некая идеологическая матрица, на основе которой можно сконструировать любую идеологию, не зажатую в жёсткие рамки позитивизма, прогрессизма и материализма. Такую идеологию, которая опирается на категорию Вечности, а не абсолютизирует время[1]. Однако это было бы очень сложно для понимания не только нынешних российских масс, но даже и нынешних элит. На кристаллизацию Четвёртой политической теории с дальнейшим её осмыслением нужно время, а также серьёзный интеллектуальный скачок.

К тому же автор данных строк стоит на позиции, согласно которой идеология скорее предвосхищает государство — то есть сначала Идея, потом идеология, как механизм её политического воплощения, а уж затем, на основании этой, своего рода дорожной карты должно выстраиваться государство как материальное воплощение желаемой идеологической модели. Сегодня же мы имеем дело с обратной ситуацией: государство у нас есть, доставшись нам по наследству от прежнего идеологического проекта, есть даже сложившаяся политическая система власти, но у неё нет идеологии. И вот она, как некий переборчивый покупатель, приходит в различные торговые центры и выбирает себе идеологию или компоненты, на основании которых эту идеологию собирается конструировать. Спрос, как известно, рождает предложение, поэтому нет смысла сегодня предлагать то, что покупателю не по вкусу, сложно и непонятно. Есть вещи и попроще, рассчитанные на незатейливые вкусы и недалёкие взгляды капризного покупателя в лице нынешней власти. Например, такой идеологический концепт, как национал-большевизм.

Идеальное для России сочетание политики и экономики

Национал-большевизм — это не совсем правильно понятая идеологическая модель, в силу того, что в новейшей истории России уже была попытка создания некоего политического проекта, который поднимал на знамя эту формулу. Этот политический проект был в чём-то удачный, в чём-то нет. В этой связи национал-большевизм же имеет некий исторический налёт, даже личностный аспект (прежде всего, фигура Лимонова), поэтому, как кажется, национал-большевизм недопонят или понят неточно, искажённо.

Но, несмотря на это, его стоит ещё раз, более внимательно, рассмотреть в качестве идеологической модели нынешнего государства. Может быть, сама формула кому-то покажется излишне радикальной, слишком экстремальной или даже, с учётом того самого политического опыта реализации, экстремистской. Тем не менее в сухом остатке национал-большевизм представляет собой сочетание левой экономики и правой политики.

Собственно, это та идеологическая модель, которую Россия созидала, к которой тем или иным образом не раз подходила и вновь возвращалась в течение всего XX столетия. Инерционно в том или ином виде она присутствует даже сейчас.

Левая экономика представляет собой идею социальной справедливости, равного доступа к материальным благам, коллективное владение средствами производства, социальное государство, бесплатную медицину, образование. Словом, всё то, что обращает внимание государства и общества на слабого, на его поддержку. А также то, что взирает на сильного, как на источник благосостояния слабого. Это левая социально-экономическая модель, которая сочетается с правой политической и ценностной составляющей — то есть сильное государство, консервативные ценности и общинная модель социально-политического устройства, Традиция и, собственно, вертикаль власти, как правило, авторитарное, жёсткое политическое правление. Эта правая политическая компонента свойственна российской государственности во все исторические периоды, и за неё выступает большинство жителей нашей страны. Всегда, на всех исторических этапах все, за исключением некоторых меньшинств, хотят сильного государства, вертикали власти, сильной руки.

Сочетание левой экономики и правой политики и есть основа того идеологического направления, которое определяется понятием «национал-большевизм». Но это ещё не всё. Здесь есть некая особенность, которая отличает национал-большевизм от трёх политических теорий Модерна, сложившихся в XX веке, — от либерализма, коммунизма и фашизма. Все эти три политические теории выносили Бога за скобки, то есть были созданы в рамках парадигмы Модерна, которая основана на таких категориях, как прогрессизм, позитивизм и материализм.

Прогрессизм — это когда будущее всегда лучше прошлого, «завтра будет лучше, чем вчера», мы движемся только вперёд и вверх, а всё старое заведомо плохо. В основе прогрессизма лежит время, а Вечность даже не рассматривается. Материализм — существует только материя, а всё нематериальное не существует. И позитивизм, утверждающий единственным источником действительного знания лишь эмпирические исследования, отрицая познавательную ценность философского исследования. То есть существует только то, что установлено исключительно

[1] См. *Дугин А.Г.* Четвёртый путь. Введение в Четвёртую политическую теорию // М., 2014.

лабораторным опытом либо осязается, ощущается, «озирается». Всё метафизическое отбрасывается.

Отличие национал-большевизма от трёх политических теорий Модерна в том, что он признаёт Бога, религию и Церковь, а также религиозную Традицию вообще нормативными категориями. То есть к левой экономике и правой политике добавляются ещё Бог, религия, Церковь — всё то, на чём зиждилась русская государственность, русская цивилизация в течение последних 1000 лет, даже в самые непростые для русского религиозного сознания времена. Вот в общих чертах основа национал-большевизма, дальше на неё нанизываются нюансы[2].

Можно, конечно, попытаться подобрать какой-то другой термин, ведь понятно, что нынешняя власть, нынешняя администрация президента, обитатели кремлёвских кабинетов при формуле «национал-большевизм», скорее всего, будут хвататься за сердце, махать руками и пытаться как-то это всё развидеть и расслышать. Но тем не менее какую формулу ни подбери, вся постсоветская патриотическая оппозиция основывалась именно на этом синтезе левой экономики и правой политики.

Все, кто называет себя коммунистами в России, в своей идеологической основе скорее национал-большевики, потому что сторонники сильного государства и противники раскрепощения личности, гей-прайда, легалайза и феминизма. Все патриотические силы опираются на этот синтез левой экономики и правой политики, потому что за социальную справедливость и против абсолютизации рынка, олигархов и транснациональных корпораций, то есть всего того, что относится к правой экономике. Конечно, были и эксцессы — те силы, которые брали в свою основу помимо левой экономики ещё и левую политику, а это минимализация роли государства, раскрепощение личности, атомизация, освобождение от любой коллективной идентичности, те самые вышеупомянутые гей-прайд, легалайз, феминизм. Всё это левая политика. Такие силы часто называют троцкистскими или радикально левыми, но в России эта левая политическая компонента не прижилась даже в 1990-е годы, в ситуации полного разгула.

Именно такая версия идеологии является целесообразной для России, а если добавить к ней нормативность религиозного компонента, что не отрицает даже главный коммунист России Геннадий Зюганов, то получится тот самый национал-большевизм, как его ни назови, под какими логотипами — НБП, КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» или «За правду» ни скрой, — всё равно получается то же самое. Если же сюда добавить геополитику, цивилизационную основу, синтез восточной и западной культур, стратегическое единство многообразия, мультиконфессиональность и полиэтничность — получается евразийство, но и оно, как показывает опыт, сложновато для нынешних элит. Из всего евразийства они способны понять и использовать лишь одну страничку, ту, где говорится об экономической интеграции. Но от основы право-левого синтеза всё равно не уйти. Таков русский исторический опыт в области формирования идеологии и сложившаяся в России русская политическая культура. Такова позиция большинства.

Идеальный образ государства

Идеальный образ государства, если опираться на ценностную и идеологическую позицию большинства и когда речь идёт о России (хотя и не только) — это традиционное государство-империя, основанное на национал-большевистских принципах. Империя в данном случае — это технический термин, если следовать в его понимании за европейским юристом и социологом Карлом Шмиттом и рассматривать его вне исторического контекста[3]. А именно так и надо рассматривать понятие Империя, ибо, когда мы слышим или упоминаем его, то, как правило, сталкиваемся с попыткой наложить на это понятие образ каких-то конкретных исторических империй. Например, романовской империи или зачатка русской империи дорамановского периода, какие-то другие исторические примеры. А это сразу же искажает суть.

В сухом остатке империя представляет собой стратегическое единство многообразия. То есть она не претендует на унификацию, социальную и политическую в первую очередь, а допускает многообразие этнических, культурных, языковых, религиозных форм, при этом всё это строго в рамках жёсткой политической вертикали и централизации[4].

Империя является, таким образом, традиционной формой государственности, в отличие от государства-нации, которое, в свою очередь, является продуктом Модерна, того самого Модерна, который породил три политические теории — либерализм, марксизм и фашизм, вытекающие, соответственно, из протестантских кальвинизма, анабаптизма и лютеранства, порождённых, в свою очередь, схоластикой и «спором об универсалиях»[5]. Иными словами, вытекающими из той же самой идеи отказа от Бога.

Империя же всегда на стороне Бога, как и Традиция в целом, на отрицании которой выстраивался Модерн, а зна-

[2] *Агурский М.С.* Идеология национал-большевизма. М., 2003.

[3] *Дугин А.Г.* Принцип «Империи» у Карла Шмитта и Четвёртая политическая теория/Портал «Евразия», 28 февраля 2014 года.

[4] *Коровин В.М.* Накануне империи — М., 2008.

[5] *Дугин А.Г.* Политические парадигмы западного христианства // Философия политики, М., 2004. С. 214–239.

чит, терпима к различным традиционным формам — религиозным, культурным, этническим. Империя — это Традиция, что, собственно, и отвечает той объективной ситуации, которую мы имеем в России по сей день[6].

То есть, по сути, Россия до сих пор является традиционным государством-империей, если жёстко и волевым образом, сверху не пытаться навязать ей иное. И даже в этом случае, сколько ни называй Россию политической нацией, республикой, «страной РФ», — население России этнически и конфессионально многообразно, традиционно, стоит «на стороне Бога», религиозно и консервативно. И это очень сильно далеко от той идеологической модели, а тем более от той теоретической основы, которую представляет собой западное, искусственное понятие «нация» или «государство-нация» — état-nation.

Фактически Россия продолжает быть империей. Является таковой даже сейчас, несмотря на все эксперименты двадцатого столетия, несмотря на потуги либеральных экспериментаторов смешать народы и этносы России в плавильном котле гражданской политической нации россиян или же либерального гражданского общества. Если перестать насиловать русских и другие наши народы этими химерами, то Россия легко восстановится в формате государства-империи после лёгких косметических изменений. И нынешняя «страна РФ» может легко преобразоваться от республиканской формы, заимствованной с Запада и так и не прижившейся, но продолжаемой вдалбливаться в сознание «дорогих россиян» модели гражданского общества, к естественной, органичной имперской форме государства[7].

Социальная структура государства-империи — это нормативность многообразия социальных форм, основой которого является община — как базовая социальная единица. Не атомарный индивид Модерна, но именно община, коллективная органическая общность. Именно община является нормативной для российской государственности на любом историческом этапе, хоть в прошлом, хоть в нынешнем. В отличие от атомарного гражданина, который абсолютизируется в рамках государства-нации. Поэтому если мы легализуем общины — тем самым, мы легализуем формат Империи. Также потребуется легализовать и такие категории органических общностей, как *этнос* и *народ*. Но народ не в вульгарном и искажённом понимании, как все граждане РФ, а народ как этносоциологическую категорию, как лаос, как культурно-исторический тип (по определению Данилевского), то мы всё, наконец-то, поставим на свои места. Общины есть нормативная социальная категория для традиционного государства-империи, которую нужно просто легализовать.

При этом важно оговориться, что Империя и национал-большевисткая идеологическая модель никак не противоречат понятию *свободы личности*. Русский человек всегда себя ощущал свободным в плане самостийности (понятой как своеволие, самовольность), самобытным, то есть обладал некоей автономной самостью. И всегда оставался внутренне свободным при любых формах социально-политического устройства.

Образ гармоничного мироустройства

Образ гармоничного мироустройства, в таком случае, представляет собой модель многополярного мироустройства, состоящего из нескольких цивилизационных блоков. Кстати, одним из определений понятия «империя» является и *большое пространство*, и цивилизационный блок. Цивилизационный блок — это государства и народы, культурно, ментально близ-

[6] *Коровин В.М.* Россия на пути к империи. — СПб, 2016.

[7] *Коровин В.М.* Имперский разговор. — М., 2016.

кие друг другу, сложившиеся в единое большое пространство на основе высокодифференцированной культуры и общепринятой философской модели.

Если мы возьмём постсоветский ореол государств, то, несмотря на этническое, религиозное и культурное (на бытовом уровне) многообразие, все эти народы и государства принадлежат к общей, назовём её евразийской, цивилизации. То есть их основные, как бы надкультурные и цивилизационные нормативы близки, созвучны, в результате чего всё это есть народы, испытывающие взаимную эмпатию, взаимное культурное проникновение и познание. В этом и есть отличительная черта евразийской цивилизации[8].

Но таковыми же являются и другие цивилизации, например, латиноамериканская или цивилизация Арабского мира, или африканская, или европейская — как один из типов цивилизаций, но ни в коем случае не единственный и не доминирующий. Или американская цивилизация, некая наложившаяся на подверженное геноциду традиционное население Северной Америки, англосаксонская волна.

Всё это разные типы цивилизаций, они культурно отличаются. Цивилизаций гораздо меньше, чем нынешних национальных государств, но несколько больше, чем одна, что нам предлагают апологеты однополярного мира. Евразийская цивилизация, национал-большевистская в своих политических основаниях (если речь идёт об уже довольно модернизированных государствах этого евразийского блока), в качестве одного из цивилизационных полюсов многополярного мира — это и есть та внешнеполитическая модель, которая укладывается в евразийское мировоззрение, в качестве идеологической и политической основы которой может быть принят национал-большевизм. Всё вместе это будет шагом — и интеллектуально-идейным, и идеологическим к желаемому в конечном итоге идеалу Четвёртой политической теории, её своего рода предуготовительным этапом.

Трудности, отделяющие нынешнюю РФ от реализации предложенного образа

Главной трудностью на пути реализации предложенного сценария является отсутствие в нынешней власти доминирующего идеалистического компонента. В конце XX столетия во власть пришли так называемые «прагматики», люди, стоящие на позициях, как раз свойственных Модерну, то есть материалисты, прогрессисты и позитивисты. Конечно, это отголосок советского периода, который тоже был прогрессистским, материалистическим и позитивистским, так как он был марксистским — вторая политическая теория Модерна, вытекающая из протестантского анабаптизма, но тем не менее материалистическая. Таким образом, низкая мотивация нынешней власти — это некая данность.

Эти люди не идеалисты, не пассионарии, они не готовы жертвовать частным ради общего, не готовы пожертвовать личными интересами ради интересов государства и общества. Иными словами, это не *люди длинной воли*[9], не страстные, волевые Герои, но их полный антипод. То есть это люди, как бы сказали раньше, довольно низкого происхождения, или низкого социального и ментального человеческого качества. У них в этом смысле очень низкий потолок. Такие категории, как Империя, цивилизация, высокодифференцированная культура, лежащая в основе цивилизации, наша русская православная философия, героизм, подвиг, — для них кажутся какими-то абстракциями, чем-то непонятным, непостижимым, сложным, ненужным,

[8] Согласно определению Александра Дугина, «*цивилизация* представляет собой высокодифференцированную культуру, объединяющую различные общества помимо прямых политических или религиозных (строго регламентированных) связей». (См. Дугин А.Г. Этносоциология, М., 2011. С. 283.)

[9] *Дугин А.Г.* Люди длинной воли / «Элементы», №4, М., 1993.

излишним и в этом смысле невостребованным, с их точки зрения.

Конечно, они осознают, что есть даже не народ — это для них такое же абстрактное понятие, а некое «население», которое они не очень понимают. Потому что оно, это «население», а по факту народ, наш, русский народ, — народ-патриот, народ-идеалист, народ, готовый к самопожертвованию, если это оправданно, народ — имперостроитель, народ — носитель православной культуры — совсем иначе видит мир. Как и все остальные традиционные народы большой России. И на фоне русского народа, других традиционных народов нынешние элиты испытывают некий дискомфорт. Потому что **для них это «не тот народ», который им приятно было бы видеть. Да и сами они не те, что было бы приятно видеть народу во власти**. Они носители других ценностей, другой ментальности, других целей. Но так как народ-патриот, традиционалист, носитель православной культуры, идеалист и имперостроитель на них как бы давит снизу, выказывает своё недовольство, порой тихое, порой чуть более громкое, они, опасаясь окончательно утратить легитимность, незримую поддержку этого народа, вынуждены как-то считаться с его патриотическим, державным, консервативным запросом.

При этом самим нынешним элитам патриотизм может быть в чём-то отвратителен, кажется слишком радикальным и не слишком цивилизованным (что так и есть, если иметь в виду пафос западной цивилизации, называющей цивилизацией только себя и высокомерно ставящей себя на вершину некоей, ими же созданной иерархии). Но под давлением обстоятельств они вынуждены какие-то компоненты этого самого неприятного им русского консервативного патриотизма большинства включать. Пусть пока только на уровне риторики, но ничего — это открывает нам, русскому консервативному патриотическому большинству, окно возможностей. Эти элиты вынуждены сейчас, когда люди выходят на улицы, когда дети явно настроены агрессивно, грозят снести действующий политический режим, кричат «Мы здесь власть!», при этом особо не понимая, что происходит, уткнувшись в свои гаджеты, — предпринимать какие-то меры, идя на поводу большинства. Ибо в противном случае их снесут меньшинства, те, кого они сами признают представителями «цивилизации», то есть те самые представители «благословенного» Запада, того самого, которому они так поклоняются. От такого двухстороннего давления и снизу, и «сверху» эти элиты чувствуют дискомфорт, опасение и вынуждены считаться с патриотическим посылом, идущим снизу, чтобы не быть снесёнными «сверху».

Отсюда некая экзальтированная попытка какую-то патриотическую по своей сути идеологию всё-таки подобрать. Где-то выбрать из готового платья или, может быть, что-то перешить слегка. За этим они и обращаются к патриотическим идеологическим центрам за советом, дескать, «нам самим-то не очень-то и надо, и вообще, всё это неприятно, но если уж вы там все настаиваете, то так и быть…»

Именно в этой ситуации, учитывая обстоятельства и внешнее давление, которое снесёт всех и всё, и нынешние элиты, и Государство, и какую-никакую, но устоявшуюся политическую систему и так желаемую массами «стабильность», пользуясь открывшимся «окном возможности», и следует посоветовать им в качестве идеологии… Нет, конечно, не Четвёртую политическую теорию, это слишком сложно, слишком заумно, непонятно, чересчур глубоко для столь низкого козырька, недосягаемо для обзора, но именно национал-большевизм.

Он прост для понимания, доступен каждому, логичен и ложится на ожидания масс. Действительно, что тут сложного — левая экономика, правая политика плюс религия. Это всё, в принципе, и так присутствует, это и есть некая данность нынешней политической системы. Хотела она этого или нет, но она была вынуждена начать впускать в себя эти компоненты. И всякий раз чем дальше она от них удаляется, тем дискомфортнее она себя чувствует, тем меньше у неё легитимности.

Поэтому в поисках идеологии для нынешней РФ самое время обратиться к простой, уже изученной идеологии, исследованной русскими государственниками, патриотами Николаем Устряловым[10], Петром Савицким[11]. А также западными — Артуром Мюллером ван ден Бруком[12], Эрнстом Никишом[13], другими консервативными революционерами Европы. Раз они так любят всё европейское, пусть обратятся к их трудам — там эта идея проработана, она проста, понятна, она очень сильно резонирует в сознании наших масс, и её можно легко инсталлировать даже сейчас, в нынешних политических условиях. Просто надо отбросить поверхностные, ложные стереотипы и перестать бояться воя минимальных гуманистов.

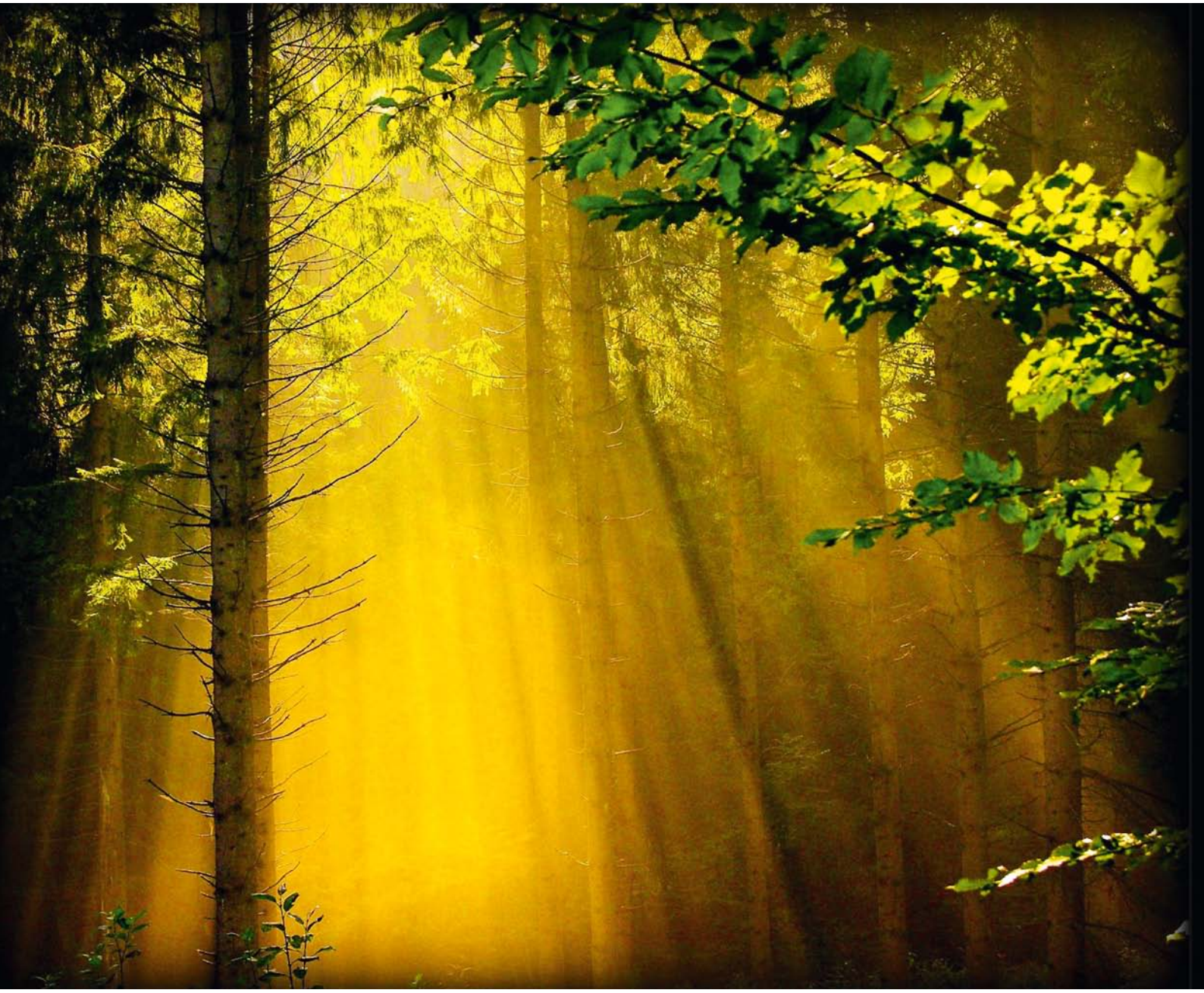
В общем, в поисках новой идеологии для сегодняшней России лучше двигаться поступательно, поэтапно, от простого к сложному. А простым, понятным, гармонично укладывающимся в базовые патриотические предпосылки в условиях современной России является национал-большевизм.

[10] *Устрялов Н.В.* «Национал-большевизм». — М., 2003.

[11] «Ещё о национал-большевизме» // *Савицкий П.Н.* «Континент Евразия». — М., 1997.

[12] *Ван ден Брук А.М.*, Васильченко А. Миф о вечной империи и Третий рейх. — М., 2009.

[13] *Никиш Э.* Гитлер — злой рок Германии // Политические сочинения. — СПБ, 2011.



/ Федор ПАПАЯНИ /

Уже есть удачный опыт идеологического строительства

Я хотел бы поделиться опытом Изборского клуба Новороссии, где мы, как смогли, разобрались с идеологическими вопросами.

Для начала несколько слов о том, что такое идеология в нашем понимании, ибо консенсуса в этом вопросе и близко нет, даже в среде патриотов. Зачастую под идеологией понимается программа действий или политика в той или иной области. Например, изменение экономического курса Ленин назвал НЭП — новой экономической политикой, но никак не идеологией.

Итак, если Донбасс выбирает Россию, а Россия выбирает суверенитет, то тут самый важный и сложный вопрос заключается в том, чтобы осознать, что нам нужна единая победоносная идеология, и разобраться, какая именно. Для этого надо понять, на каких идейных опорах строится любая идеология. А таких самых важных опор всего две: идея формы власти (идея формы правления и идея формы государственного устройства) и нравственная идея. Идеология включает ещё много идей и функций, но самых важных опор, подчёркиваю, две. Если с ними не определились, дальнейшая проработка вопроса не будет результативна, ибо мы утонем во множестве второстепенных деталей, политических программ и лозунгов.

Говоря о нравственной идее, необходимо, прежде всего, соборно принять как аксиому «что есть человек». Одно дело, если признать у человека наличие души и духа. Тогда естественной становится необходимость заботы о душе и тысячелетние нравственные нормы. Тогда естественной становится «Традиция». Иное дело, если принять на веру материализм (и тут не важно, марксистского или либерального толка). Тогда логичной становится идея потребления со всей неизбежностью формирования из человека эгоиста-потребителя, а затем и постчеловека, лишённого любых форм самоидентификации.

Теперь о формуле победоносной идеологии. Согласно Изборскому клубу Новороссии, такой формулой русско-российского единения может быть триада **«Традиция. Империя. Народность». Замечу, что в этой триаде нет оригинального авторского самовыражения. Слова в песне, как говорится, народные.** Для русской политической нации, включающей множество братских народов, эта формула задаёт смысл жизни как служение Отечеству и человечеству, как удержание мирового зла, воплощённого в образе современного либерального глобализма, лишающего даже большие страны их суверенитета и национального облика, а людей — всех форм их идентичности. Идеологема «Традиция. Империя. Народность» показывает путь консенсуса не только между современными красными (социалистами разного толка) и современными белыми (православными монархистами), между различными этносами, но и между верующими разных конфессий.

Под «Традицией» в первую очередь имеется в виду возврат к собственным культурно-религиозным, этническим корням и ценностям, а также уважительное, бережное отношение ко всем народам и их культурам. Отеческая «Традиция» несовместима с иностранным влиянием индивидуализма, рационализма и безнравственности. Речь идёт о возрождении возвышающих духовных и нравственных идеалов наших народов. И это вполне нормально для цивилизационной империи как симфонии культур. К примеру, для тюркских народов Средней Азии «Традиция» ассоциируется в основном с исламом. Опыт Российской империи убедительно подтвердил полную и благотворную совместимость православных и мусульман. Для русских (великороссов, малороссов и белорусов) «Традиция» включает тысячелетний период высочайшей православной духовности и духовной культуры, лежащих в основании Российской империи, а также почти вековой период советской империи с её замечательными традициями государственного регулирования, госмонополизма, мобилизации, планирования и социальной опеки. Замечу, что православная и советская традиции во многом стали преемственны ещё с 1943 года, а с конца 1960-х гг. достаточно сблизились в своих нравственных устремлениях, и поэтому могут теперь — в качестве традиций — бесконфликтно сосуществовать.

«Традиция» (духовная, культурная, национальная) как идеологическая установка ментально принята Кремлём и во многих постсоветских странах. Уже одно это хорошо.

Идею имперского строительства нам предстоит отвоевать у идеи федерации. Федерация установлена большевиками насильственно и по национальному признаку, это мина замедленного действия (В. Путин); федерация легко распадается (вспомним 1991 г.), а нам нужна «игра вдолгую». Нелигитимно установленная в России федерация — это союз демократических республик, а современная демократия является, как известно, ширмой, прикрывающей реальную власть олигархов. Под олигархов «заточены» партии, выборные кампании и постоянная смена политического руководства, часто нарушающая преемственность политического курса. Народам бывшего Советского Союза необходимо признать непреложный факт: **все мы дети советской (красной) и внуки царской (белой) империи**. Цивилизационная имперская форма более комфортна для этносов и значительно более устойчива, чем межгосударственные союзы, конфедерации, федерации или, тем более, унитарные государства типа современной Украины. Цивилизационная империя «подтягивает» народы империи до уровня культуры титульного имперского этноса, а варварская империя (например, колониальная, Третий рейх или США) эксплуатирует народы в интересах титульного этноса. Республиканские формы правления постсоветских стран (всех, кроме России) идеологически основаны на гипертрофированном восприятии только своих национальных особен-

ностей, на любых отличиях от центра, что привело к повсеместной русофобии (в угоду Западу и во вред себе), а также к обречённости на полную потерю суверенитета и неизбежный распад. Украина, Прибалтика и Грузия — тому примеры. А мир исламской традиции наших соотечественников не сможет самостоятельно, вне империи, выстоять против нынешнего «крестового похода» Запада. Вне империи никогда не решатся проблемы Нагорного Карабаха, Приднестровья, Абхазии, Осетии и Донбасса. В случае если власть категорически не допустит идеологему «Империя», в этом крайнем случае её можно временно заменить на «Державность», что, правда, весьма нежелательно, т.к. теряется точность формулы, а стало быть, и её эффективность.

«Народность» означает, прежде всего, устранение олигархии (как явления) и её партийно-избирательных структур, а также народное представительство в органах местного самоуправления. Народность означает соборность и возможность социального лифта, означает государственничество, этатизм, патернализм и доминирование государственной собственности. Под «Народностью» также понимаются такие элементы народовластия, как широкое использование референдумов (в вопросах, где народ имеет компетенцию, например, в делах местного самоуправления) и реальное равноправие в его советском толковании. «Народность» — это ещё и такой тип солидарности, при котором каждый член общества, воспитанный на традиционных ценностях и имперском единении, ощущает себя нужной клеткой единого государственного организма, именуемого Россией. Идея народности сама по себе созвучна стремлению современных социалистов к справедливости и не противоречит ни одному традиционному вероучению наших народов.

Чтобы обосновать, что именно такая версия идеологии является целесообразной и наиболее продуктивной для России в XXI веке, предлагаю пойти путём Изборского клуба Новороссии. Путь проверенный и работающий. Для начала необходимо максимально уточнить объект нашего изыскания. Это значит, соборно клубом принять мини-словарь из сорока-пятидесяти терминов, таких как: «человек», с его физикой и метафизикой (душа, духовность, совесть, нравственность и т.п.); термин «идеология» как совокупность идей, важнейшие из которых — идея власти и идея нравственного идеала; термин «Отчизна», в том числе каковы её справедливые современные географические границы; и т.д. Этот словарь можно рассматривать как необходимую систему идеологических аксиом и их сравнений (в т.ч. с бинарными оппозициями). В нём будут содержаться сравнительные суждения по всем терминам и критика иных идеологий. Он будет по своей сути являться обоснованием предлагаемого идеологического концепта. Без такого словаря каждый патриот под каждым термином будет иметь в виду своё, а единение патриотов станет труднодостижимым.

Пропаганда необходима, это аксиома идеологии. Что касается необходимых пропагандистских идеологем, отражающих основные черты образа будущего (это касается всех идеологем, отражающих ответы на все нижеследующие пункты), то их разные грани хорошо, достаточно полно и красочно изложены в очень близких концептах, таких как: Русская мечта, Русская доктрина, Русский ковчег, Русские коды, Русская цивилизация, Динамический консерватизм, Русский консерватизм, Социал-консерватизм, Просвещённый консерватизм, Проект Россия, Православный социализм, Православный империализм и других, декларирующих идеи справедливости, соборности, солидарности и коллективизма. Все эти родственные концепты вписываются в формулу «Традиция. Империя. Народность». В эту формулу вписываются современные социалисты, монархисты и умеренные националисты.

Прежде формулирования основных черт образа будущего необходим соборный выбор одной из двух сверхпарадигм (или как у А.Г. Дугина, сверхобобщающих парадигм). Последние двадцать веков у европейцев дилемма — между богопризнающей сверхпарадигмой и богоотвергающей сверхпарадигмой. В рамках доминирующей материалистической или, что то же самое, богоотвергающей парадигмы европейцы неуклонно идут по пути к постчеловеку, лишённому любых форм идентичности, к ликвидации государства, всех его институтов, к ликвидации любых легитимирующих инстанций. В рамках богоотвергающей парадигмы обсуждать нечего, надо разумно сдаваться коллективному «Ротшильду», как это и было сделано у нас в 1991 году. В рамках богопризнающей парадигмы мы приходим к идее Традиции, к идее Третьего Рима, как удерживающего мировое зло в лице антисистемы под названием «США», «Империя англосаксов» или «Запад».

Идеал государства — это не рай и не коммунизм, не государство-рынок и не государство-нация, а государство имперского типа как семьи народов с традиционно-нравственной атмосферой в обществе, не допускающей установления цифрового ада, который «близ есть при дверех».

Образ-идея страны — цивилизационная империя (как семья народов) с традиционными нравственными ценностями. Для целей пропаганды считаю полезными такие формулировки, как: Третий Рим, Храм на холме, Государство чести, Государство правды, Народно-монархическое государство, Государство диктатуры совести и т.п.

Идеальный образ — общество, имеющее высочайшие духовно-нравственные идеалы, когда все решения на всех уровнях нравственны в традиционном понимании нравственности. Идеологическую стратегию России вырабатывает «русский комитет 300» (или «идеологический Генштаб», или идеологический ЦК)

как высший идеократический орган, тактику и политику — министерство идеологии, как подчинённый комитету орган.

Враг организован, в отличие от нас, находящихся в идеологической прострации. В любой войне более организованный всегда побеждает менее организованного. Система, пусть даже не идеальная, всегда побеждает бессистемность. Нам, лишённым идеологии, поэтому нужно создать хорошо организованную идеократическую систему, адекватную эшелонированной идеологической системе противника.

Экономика в нашем образе будущего — со смешанным типом собственности (государственная и частная). Для него характерны государственничество, патернализм, мобилизация. Доминирование государственной собственности и госмонополий. Социально ориентированное государство. Экономика, научное и техническое развитие должны быть лучшими из возможных, помня при этом, что они не цель, а средство стабилизации государства нравственного типа. Уместен лозунг: «Модернизация без вестернизации».

Образ и тип личности формируется нравственным идеалом. Мы выдвигаем цель духовного роста в противовес постчеловеческой деградации. Смысл жизни рассматривается как духовное рождение.

Образ культуры также формируется нравственным идеалом. Культура — инструмент, направляющий человека на духовный рост. Культура рассматривается как художественное отражение извечной борьбы добра и зла, как один из путей поиска смысла жизни. Преемственность европейской культуры видится в единственной цепи: Афины — Рим — Второй Рим (Константинополь) — Третий Рим (Москва).

Заявленная идеологема «Традиция» (во всём многообразии культур и верований) позволяет России стать не только духовным лидером Евразии, но также стать оплотом угасающей европейской цивилизации и всей

белой расы. Для этого Россия должна демонстрировать с открытым забралом своё противоборство всем богоборческим проектам, противоборство разрушению традиций и традиционных ценностей.

Депрессивная атмосфера в современной России должна быть заменена на деятельную, наступательную и победоносно-оптимистическую. Душевная гармония и оптимизм достигаются чёткими представлениями о добре и зле, правильном и неправильном, истинном и ложном, справедливом и несправедливом.

Необходимо называть вещи своими именами, например, «империю англосаксов» — врагами, варварами и моральными уродами, каковыми они являются, а отнюдь не «партнёрами». Необходимо раз и навсегда остановить русофобию и геноцид русского народа, необходимо восстановление его государствообразующих смыслов. Закрыть все открытые и тайные организации, управляемые из-за рубежа. Национализировать экономику и СМИ.

Необходима всесторонняя идеологическая оценка событий 1917 года и 1991 года, чтобы подобное более не повторялось. Партии, как инструмент олигархического влияния, — следует постепенно отменить. Вместо партий учредить профессионально-корпоративное представительство в Госдуме. Необходимо восстановление суверенитета всех сфер общественной жизни, особенно — в культурной сфере.

Главная трудность, которая препятствует движению к описанному здесь образу будущего, в том, что патриоты сами, снизу практически никогда не могли, да и не могут идеологически объединиться и стать влиятельной политической силой. Только монарх может справиться с этой задачей. Так, Цезарь с Августом сменили курс Рима. Затем Константин Великий сменил курс империи. В России это делали Владимир Великий, Иван Грозный и Пётр Первый. Владимир Путин существенно изменил идеологическую атмосферу с либеральной на патриотическую, но не довёл дело до конца, остановившись на половине пути. Однако если Изборский клуб сможет

подать пример объединительной идеи патриотов, объединившись сам, то это могло бы стать весомым посланием президенту. Если не сможет объединиться — это будет послание обществу о том, что даже в одном отдельном взятом клубе интеллектуалов объединение невозможно. А что уж тогда говорить об объединении патриотов всей Руси!

Повторюсь, что тут Изборский клуб Новороссии даёт удачный пример такого единения.

Как обеспечить принятие большинством идеологического курса? Так, как, например, в естественных науках: если на экспериментальную кривую близко не ложатся несколько точек — их просто убирают. Так, в объединяющей идее надо игнорировать мнения членов клуба, исповедующих ортодоксальный марксизм, либерализм или крайний («пещерный», по В. Путину) национализм. Тут важна и достаточна соборность, точнее, принятие концепта большинством голосов — членов клуба.

Объединительная идея — возрождение Великого Отечества в форме цивилизационной империи с высочайшим нравственным идеалом. Патриотам должно хватить мудрости отбросить личные амбиции, личную неприязнь и личное несогласие со второстепенными тезисами других патриотов. Единство патриотов должно быть в главном — в стремлении служению Отечеству как имперскому организму вселенской значимости, в стремлении преодолеть вражеские либеральные, нацистские и экстремистские идеологические установки, последовательно уничтожающие в России нравственную атмосферу, национальную и культурную идентичность. Единство в осознании того, что все патриоты — в одном окопе и сражаются против прекрасно организованного врага, именуемого Западом, который нас разобщает и развращает. Поэтому нынешняя идеологическая прострация российской власти — это безумие, причём с летальным исходом. Итак, самое время принять решительные меры, пока ещё не поздно.

Перечень этих мер видится таковым.

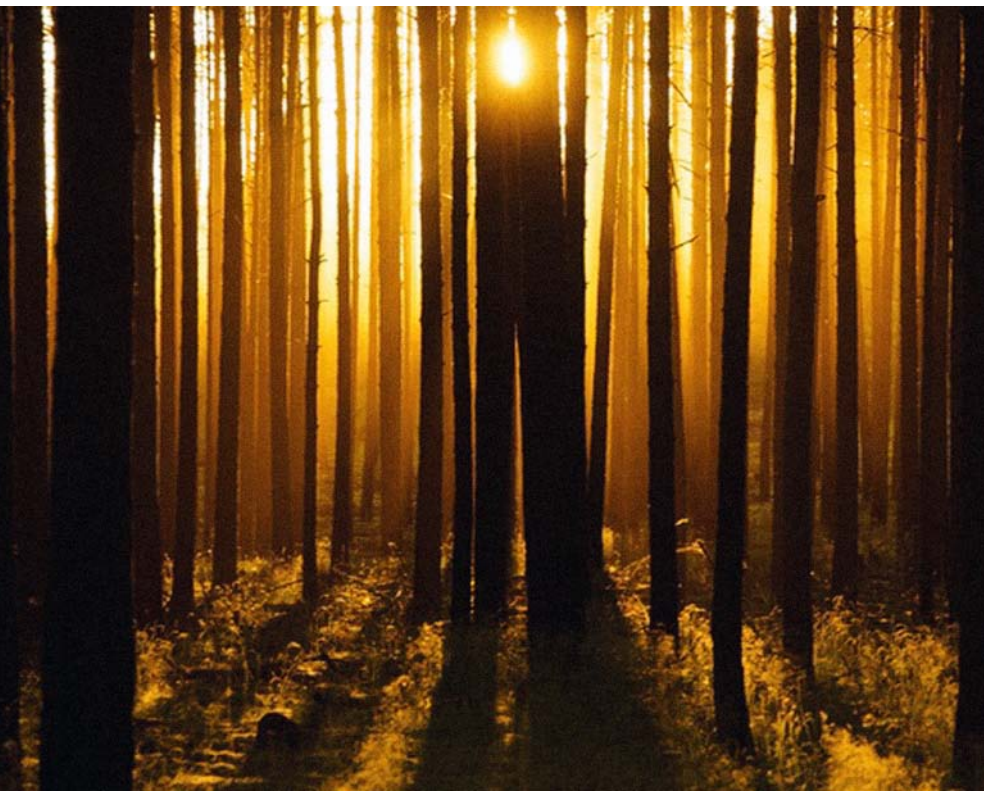
Первое. Россия должна быть защищена идеологическим «щитом». Для создания этого «щита» необходимо организовать свой русский «комитет 300», где интеллектуально-духовные аристократы (в их числе, например, костяк членов Изборского клуба) могли бы вырабатывать не только стратегические идеологические установки, но и внешнеполитический курс России на столетия. Необходимо изменение статьи 13 Конституции РФ, разумеется, после проведения всенародного референдума по вопросу идеологии.

Второе. Информационной безопасностью государства и национализацией интернета должны заняться кибервойска Министерства обороны. Под контролем ФСБ (точнее спецслужбы типа «идеологический СМЕРШ») необходимо закрыть все открытые и тайные организации, управляемые из-за рубежа, и выдворить за пределы страны агентов зарубежного влияния.

Третье. Содержательную часть отеческой консервативной (т.е. основанной на традиционных ценностях) и победоносной идеологии должен вырабатывать упомянутый выше русский «комитет 300» (идеологический «Генштаб»), которому подчинено соответствующее министерство идеологии. Это министерство будет обеспечивать идеологический суверенитет России, формулировать тактические цели государства и ставить задачи для других министерств (в первую очередь — для министерств образования и культуры), а также осуществлять идеологическую цензуру СМИ и интернета.

Выполнив эти три пункта, Россия быстро выйдет из пораженчески-депрессивного идеологического тупика. И тогда Россия возродится вновь сверхдержавой-победительницей, удерживающей «мировое зло», как это не раз бывало в её истории. Россия станет центром притяжения всех консервативных сил.

Пришло время пробудить энергию воли русского народа. Пришло время вернуть русской политической нации (как союзу народов) возможность с оптимизмом смотреть в будущее.



/ Владимир АРИСТАРХОВ /

Это четвёртая попытка сформулировать идеологию

Будущая идеология России, прежде всего, должна быть собственно российской идеологией, а не частью иного цивилизационного проекта.

Главная проблема русской истории усматривается в бездумном заимствовании чуждых нам решений и методов, преимущественно у Запада. Церковный раскол; подражание Европе у Петра I; ориентированная на Европу внешняя политика императоров; фантазии декабристов; попытки пересадить на русскую почву идеологии нигилизма, марксизма, современного западного либерализма — везде прослеживается одна и та же схема. А именно: подразумевается, что все страны и народы развиваются по одному и тому же пути; следовательно, если что-то идёт с Запада — значит, необходимо внедрить это в России. Кстати, такой подход разделяли и коммунисты со своей теорией «общественно-экономических формаций», и их оппоненты из мира капитала — разница была только в том, что конкретно предлагалось внедрять.

Почему российская история такова — это вопрос к историкам. Впрочем, аналогичные явления характерны и для иных культур. (Удобной моделью

для описания феномена «европейничанья» может служить теория систем и «антисистем» Л.Н. Гумилёва.)

Почти тысячу лет Россия являлась православной христианской державой. В XX веке СССР дал миру небывалый опыт построения коммунистического общества. Но ни православие, ни коммунистическая теория не были продуктами русской культуры — в обоих случаях эти идеологии были восприняты извне.

Поймите правильно: я никоим образом не отрицаю важнейшую роль православия в формировании нашей ментальности; равным образом я не намерен здесь спорить о значении советского периода. Молодое развивающееся общество неизбежно заимствует те или иные идеи и ценности у соседей. Но сегодня-то мы в силах судить о будущей российской идеологии, не выбирая «из наличия», а с учётом специфики и особенностей нашей русской цивилизации.

Несомненно, Россия стала такой, какова она есть, под влиянием православия и христианских ценностей. Но не только поэтому. Ведь православные Греция, Румыния, Грузия — они иные, не такие, как Россия. А с другой стороны, Россия сохранилась и в эпоху атеистического государства — причём не просто сохранилась, но за 70 лет преобразила коммунистическую систему до неузнаваемости.

Занятия идеологией предполагают понимание механизмов, лежащих в основе всех этих процессов. Представляется, что **такое понимание может быть достигнуто в рамках цивилизационно-ценностного подхода**. Данный подход предполагает, что нет единого пути развития, обязательного для всего человечества. Что существуют разные цивилизации, возникающие в разных историко-географических и климатических условиях, и эти разные цивилизации отличаются друг от друга своими системами ценностей. Тысяча лет российской истории даёт все основания заявлять, что Россия — это уникальное государство-цивилизация, существующая наравне с другими цивилизациями и отличная от них.

На современном этапе главный тезис, необходимый для разработки новой идеологии, в самом концентрированном виде мог бы звучать так: «Россия не Европа». Ибо из него логически следует всё остальное — и цивилизационный подход, и признание за Россией самобытного достоинства, и приоритет российских интересов везде, всегда и во всём.

Тезис «Россия не Европа» был выдвинут в 2014 году в ходе разработки «Основ государственной культурной политики», утверждённых указом президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 года. Тогда он вызвал поразительно бурную реакцию в среде «творческой интеллигенции». Просто удивительно, как много оказалось деятелей культуры, отрицающих наше право на самостоятельность и самобытность. Что характерно, дело было не в деньгах — многие из этих деятелей неплохо зарабатывают здесь, в России, а не на Западе. Дело в насаждении определённого мировоззрения, превращающего иных «творцов» в западных агентов влияния.

Тогда, в 2014 году, черту под дискуссией подвёл не кто иной, как президент. В ряде выступлений В.В. Путин изложил вполне себе консолидирующую точку зрения: действительно, у нас с Европой — общие корни, общие основы нашей культуры. Но эти основы, эти ценности более-менее сохранились только в России. А в современной Европе они выродились в нечто извращённое и антигуманное. То есть сегодня, получается, только Россия и есть настоящая Европа, хранитель классического европейского наследия. Но Россия и современная Европа — это действительно разные миры.

Как бы то ни было, в «Основы государственной культурной политики» вошли и представление о русской цивилизации, и тезис о самобытности российской культуры, и задача сохранения традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Следует признать, что негативное определение («Россия не Европа») не снимает необходимости дать определение позитивное. Какие конкретно ценности и идеалы специфичны именно для нашей цивилизации? Чем в ценностном плане она отличается от Запада, от Китая, от исламского мира?

Попыткам дать ответы на эти вопросы посвящены сотни научных трудов. Общепринятой концепции

до сих пор нет. Дискуссия продолжается, и в этом нет ничего страшного. Ведь независимо от рассуждений философов — российская цивилизация объективно существует, и её ценности передаются от поколения к поколению, несмотря на все исторические перипетии. Ценности русской цивилизации как бы закодированы в нашем культурном наследии, материальном и нематериальном, в нашей исторической памяти. Приобщаясь к российской истории и культуре, человек воспринимает именно то мировоззрение, которое формирует его российскую идентичность.

И всё же основные тезисы нашей идеологии рано или поздно обязательно должны быть сформулированы. Это особенно актуально в современную эпоху, когда международное соперничество смещается от военного и экономического противоборства к конкуренции образов жизни и систем ценностей. Мы должны быть в состоянии называть вещи своими именами: за что мы боремся, что защищаем и что для нас неприемлемо.

Вообще, до сего времени в российской истории были известны всего три попытки сформулировать идеологию на государственном уровне. Первая принадлежит иноку Филофею в XVI веке: Москва как «третий Рим», последняя опора православия на Земле. Вторая — графу С. С. Уварову в 1833 году: девиз — «Православие. Самодержавие. Народность» (и соответствующий боевой клич: «За Веру, Царя и Отечество!»). Третьей попыткой можно считать сочинение «Морального кодекса строителя коммунизма» в 1961 году (с некоторой условностью, ибо сей документ писался не для национальной России, а для мировой коммунистической державы).

Попытка сформулировать «новую русскую идеологию», таким образом, сегодня предпринимается в четвёртый раз. Учитывая развитие гуманитарных наук со времён Филофея, есть основания рассчитывать на успех.

В этой связи стоит указать на специфическую особенность русской системы ценностей, отмечаемую большинством экспертов. Это приоритет духовных факторов над материальными. В разные эпохи, в разных исторических условиях русский человек всегда принимал решения исходя из своих представлений о правде и справедливости. Не отказываясь по возможности от материальной выгоды, он никогда не ставил эту выгоду во главу угла. В ряде эпизодов нашей истории эта особенность проявилась особенно ярко — как, например, в 1917 и в 1991 годах. И в том, и в другом случае потерпела крушение держава, обладавшая мощнейшим военным и экономическим потенциалом — только потому, что её устройство не совпадало с представлениями людей о должном и справедливом.

Представляется, что именно приоритет духовного над материальным является наиболее существенной чертой русской ментальности[1]. Люди, вступавшие в жизнь в советское время, помнят замечательное чувство: что я живу в самой лучшей стране, основанной на идеалах добра, правды и справедливости. Можно спорить, насколько это соответствовало действительности, — но настоящая идеология должна воздействовать именно так. И именно такой должна быть будущая Россия на самом деле.

Бессмысленно заниматься социальной инженерией, изобретая некое идеальное государственное устройство. Правильнее было бы определить те векторы, по которым следует постепенно реформировать сложившуюся систему управления.

Вспомним, что исследователи указывают на ещё одну специфическую черту русской ментальности: особое отношение к государству. Государство воспринимается русскими как орган или инструмент, создаваемый обществом для решения определённых задач. Государство по отношению к обществу не является ни равноправным партнёром, ни оппонентом — это именно часть народа, плоть от плоти его. Народ выделяет из себя правящую элиту, которая должна действовать в интересах общества.

Следовательно, выбор оптимальной формы государственного устройства должен определяться не догмами, монархическими или демократическими, а целесообразностью. Насколько та или иная форма соответствует российским культурным, историческим и природным условиям — вот критерий, из которого следует исходить.

Главный вывод из сказанного — это неприемлемость для России так называемой «демократии» в её нынешнем виде. Демократия — вовсе не единственный способ выделить правящую элиту и обеспечить её информацией о нуждах и стремлениях народа. Не говоря уже о том, что существующая «демократическая» система с этой задачей, по общему мнению, катастрофически не справляется.

История России даёт обширный материал, демонстрирующий самые разные формы народного самоуправления при отсутствии демократии западного типа. Вече, земские соборы, разнообразные формы местного самоуправления (казачьего, инородческого, земского) — эффективная обратная связь между управляющими и управляемыми существовала на Руси с древних времён и, по крайней мере, до Петра I[2]. Этот опыт должен быть изучен и востребован.

Приведение нынешней демократии к здравому смыслу могло бы

---

[1] Такое видение нашло отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой указом президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 года. Авторы документа включили в текст перечисление традиционных российских духовно-нравственных ценностей (см. стр. 78).

[2] См., например: Горянин А.А. Своими путями // Вопросы национализма, № 2–4, 2010.

начаться с отказа от пресловутой «четырёххвостки», то есть всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Ну зачем делать вид, что каждый гражданин в состоянии судить о самых сложных вопросах внутренней и внешней политики? Мы же видим, что на это способен даже далеко не каждый депутат. Разве не разумно было бы вернуться к системе ступенчатых, непрямых выборов, — уже опробованной в дореволюционной России, — когда граждане избирают не тех, кого им предлагают «сверху» от «парламентских партий», а тех, кого они лично знают и кому доверяют? А последние, в свою очередь, могли бы избирать из своего состава депутатов более высокого уровня — и так до высшего представительного органа.

Разве не справедливо было бы давать право голоса не всем гражданам, а только тем, кто обладает необходимым жизненным опытом? Как вариант — хотя бы по таким формальным признакам, как служба в армии (для мужчин) или наличие двух-трёх детей (для женщин).

России необходимо сочетание сильной центральной власти с широким самоуправлением на местах. (Ибо чем ближе власть к «земле», тем больше понимания реального положения дел, меньше волюнтаризма и коррупции.)

Такой подход предполагает, в том числе, отказ от попыток ручного управления на местах со стороны центра. (Который постоянно пытается этим заняться.) А также перераспределение бюджета в пользу регионов и муниципалитетов. В самом деле: пишут, что в России меньше десятка регионов-доноров, а остальные сами себя не обеспечивают... По сути это означает, что федеральный центр изымает львиную долю налогов, а затем делит их, как считает нужным. Справедливо было бы уменьшить масштабы такого перераспределения. Что, в свою очередь, поможет избавиться от иждивенческой психологии тем областям и республикам, которые давно рассчитывают только на дотации, а не на собственное развитие.

Кризис 1998 года положил начало бурному развитию российской экономики, которое продолжалось ровно 10 лет. После кризиса 2008 года все рассчитывали на скорое возобновление роста — однако, увы, вопреки экономической науке случился не рост, а застой, который продолжается до сих пор. Фактически все эти годы темпы роста не сильно отличались от статистической погрешности. (Некоторый толчок развитию пищевой промышленности и ряда других отраслей дали санкции, введённые в 2014 году. Страшно подумать, что будет с этими отраслями, если мы всё же уговорим Запад снять санкции и снова придётся жить «по нормам ВТО».)

Представляется, что задействовать имеющийся потенциал для экономического развития можно было бы через комплекс мер по трём ключевым направлениям. Это снижение налогового бремени, обеспечение дешёвого внутреннего кредита и недопущение вывоза капитала за рубеж. Принципиально важно то, что эти меры должны приниматься в комплексе, в противном случае эффект будет нулевым или негативным.

К вопросу о налогах: у группы «Любэ» есть песня, показывающая два способа борьбы с социальным неравенством: можно делать так, «чтобы не было бедных», а можно — «чтобы не стало богатых». Похоже, наше государство знает только последний способ. Безусловно, заниматься распределением материальных благ — весьма увлекательное занятие, однако хорошо бы вначале задаться вопросом: а как сделать так, чтобы этих благ было больше? В противном случае рано или поздно окажется нечего распределять.

На протяжении последнего десятилетия происходит повышение налогового бремени. И если раньше это отчасти компенсировалось широкими возможностями работы в теневой сфере, то сейчас таких возможностей меньше, а рисков больше. Федеральная налоговая служба добилась впечатляющих успехов (пишу это без иронии). Но как это повлияло на экономику в целом?

А повлияло так, что количество предприятий малого и среднего бизнеса и индивидуальных предпринимателей сокращается год от года. Если в 1990-е и 2000-е годы люди стремились стать предпринимателями, то сейчас преобладает желание получить должность с хорошей зарплатой в какой-нибудь госкорпорации. Среди тех, кто располагает собственными средствами, всё меньше желающих заниматься бизнесом — прежде всего, потому, что налоговое бремя снизило прибыльность до неинтересных величин. Какой смысл рисковать, если можно вложить деньги в облигации и получать гарантированные 6–9% годовых?

Недавнее повышение НДФЛ с 13% до 15% вряд ли решит бюджетные проблемы — но лишний раз подтвердило, что верить государству (обещавшему плоскую шкалу налога) нельзя никогда. Приходится слышать, что в Европе налоговое бремя ещё выше. Ну и что? Там темпы роста тоже не впечатляют. А вот в Казахстане налоги заметно ниже, и это заметно сказывается на тамошнем экономическом развитии.

Следует отдельно сказать об отчислениях в социальные фонды: это тоже налоги по своей сути. И эти налоги чрезмерно высоки. При этом все понимают, что те суммы, что изымаются государством якобы для ваших будущих пенсий, вы могли бы вложить сами куда более выгодно. (Хотя бы в те же государственные облигации.)

Назовём вещи своими именами: кризис системы пенсионного обеспечения объясняется, прежде всего, падением рождаемости и увеличением числа пенсионеров на одного работающего. Учитывая понятное стремление государства нравиться избирателям и увеличивать пенсии — ничем хорошим всё это не кончится. Банкротства пенсионной системы можно избежать только путём подня-

тия рождаемости, а пока справедливо было бы увязать размер пенсии с количеством взрослых детей. Современный уровень цифровизации вполне позволяет осуществлять необходимый учёт и принимать во внимание все нюансы, связанные с запутанной личной жизнью отдельных граждан.

Возвращаясь к проблеме налогового бремени, сделаем вывод: существующая экономическая система побуждает людей выпрашивать деньги у государства, а не зарабатывать их самостоятельно. Мы не задействуем гигантский потенциал наших предпринимателей, не даём им возможность заработать деньги себе, обеспечить рабочие места и налоговые поступления.

Если не понижать налоги — экономического роста не будет. Но экономический рост приведёт к повышению общей суммы налогов, несмотря на уменьшение налоговых ставок.

Возможно, следовало бы также подумать об изменении системы налогообложения в направлении отказа от НДС (который раздувает себестоимость продукции на каждом этапе её производства) с расчётом на сбор косвенных налогов (таких, как налог с продаж).

Однако экономического роста не будет, если не решить также проблему источника средств для инвестиций. До 2014 года инвестиционные деньги во многом занимались за рубежом — потому что у родного Центрального банка их можно было занять только под грабительские проценты. Спустя несколько лет после введения санкций государство всё-таки начало менять монетарную политику, и сегодня ставка рефинансирования Центрального банка стала сильно ниже. Тем не менее для стабильного роста эту ставку следует снижать дальше, обеспечивая рядовому предпринимателю действительно дешёвый кредит. (Если норма прибыльности редко у кого превышает 3–5%, то, следовательно, ставка кредита должна быть 1–2%. Это при существующем уровне налогообложения.)

Пользуясь случаем, хочется напомнить об абсурдной ситуации, когда Центральный банк формально независим от правительства. О какой экономической политике может идти речь, если её ключевой инструмент подчиняется сам себе? К счастью, в российских реалиях это не так — «у нас всё под контролем», — но давайте же приведём в соответствие право и практику.

Приходится слышать, что дешёвый кредит и вообще увеличение денежной массы в экономике приведёт, во-первых, к инфляции, а во-вторых, всё украдут и вывезут за рубеж. На это следует ответить, что при недостаточной денежной массе и при отсутствии кредита мы всё равно имеем инфляцию, только без экономического роста. По крайней мере, те экономисты, которые исходят не из монетаристских догм, а из здравого смысла, сходятся на том, что денег в экономике слишком мало — и это одна из причин застоя.

Более важной является проблема вывоза капитала. Действительно, по официальной статистике, масштабы утечки денег из страны достигают десятков миллиардов долларов ежегодно. И вот здесь находится третья ключевая точка для приложения усилий: вывоз капитала должен быть уменьшен как минимум на порядок. Для этого необходима исключительно политическая воля, которая выразилась бы в соответствующем изменении законодательства. Самым простым способом было бы обложение любого перевода средств за рубеж определённым налогом. Любого — включая оплату импорта, выплаты процентов и роялти, платежи по кредитным картам (если получатель средств не является российским резидентом) и т.д.

Требуется ясность в вопросе о том, насколько отток капитала обусловлен теми или иными международными обязательствами. Если это окажется заметным фактором, то решение будет одно: разрыв таких договоров как невыгодных для России. Не стоит бояться «сокращения иностранных инвестиций» после такого шага: отток капитала, безусловно, превышает поступление таких инвестиций (даже если не принимать во внимание средства, принадлежащие россиянам, но инвестируемые как бы извне). Впрочем, при наличии благоприятных условий для предпринимательской деятельности иностранные инвестиции неизбежно придут в Россию. Во многих случаях — вместе с инвесторами.

Завершая тему, отметим, что вложение бюджетных средств в иностранные ценные бумаги также является одной из форм вывоза капитала. Создаётся впечатление, что идея создания Фонда национального благосостояния была подброшена именно для того, чтобы избавить Россию от необходимых ей инвестиционных денег.

Недопущение вывоза капитала не только сохранит для страны огромные объёмы свободных средств, которые будут потрачены на товары и услуги, произведённые внутри страны. Оно также существенно повысит возможности государства для осуществления экономического регулирования, в том числе в монетарной сфере. Даже при ошибках в определении оптимального объёма денежной массы «лишние» деньги не уйдут из страны и не увеличат размер внешнего долга. Даже украденные деньги придётся тратить в России, и они всё равно вернутся в экономику (как бы цинично это ни звучало).

Область, в которой государству не следует полагаться на частный бизнес, — это развитие науки и технологий. Оптимальным решением здесь тоже было бы не изобретать велосипед, а применять сочетание советского и зарубежного опыта. В СССР умели концентрировать ресурсы на ключевых направлениях научно-технического прогресса. Плохо бывало иногда с практическим использованием результатов. Здесь можно перенять, например, методы работы американского агентства DARPA, выискивающего перспективные разработки и финансирующие их внедрение.

Для научной работы должны быть созданы определённые условия, и здесь много что можно улучшить. Восстановить систему реферирования зарубежных научных трудов, которая развалилась вместе с СССР. Освободить науку от громоздкой отчётности, предоставляемой одновременно (но по разным формам) в головное ведомство, в Министерство науки и образования, в Российскую академию наук и т.д. Прекратить оценивать российских учёных исключительно по публикациям в западных системах научного цитирования. И главное — управлять наукой, опираясь на экспертные мнения научного сообщества, а не только на суждения чиновников.

«Зачем нам такой мир, если там не будет России?» — задал однажды риторический вопрос В.В. Путин. Но ведь речь не только о военной угрозе. Сохранение России — это и решение демографических проблем, и воспроизводство именно нашей, российской идентичности.

Народосбережение представляет собой ключевую и в определённом смысле единственно важную задачу. Поэтому, говоря о культуре, бессмысленно рассматривать её как некую самоценную «вещь в себе». Следует исходить из того значения, которое культура имеет для цели народосбережения.

С данной точки зрения культура — это не «песни и пляски» и не «искусство ради искусства». Культура — это механизм передачи от поколения к поколению накопленного опыта, сохраняемого в нашем материальном и нематериальном культурном наследии. Прежде всего — традиционных ценностей, формирующих нашу цивилизационную идентичность.

Живущие в России представители разных народов, рас и конфессий — все мы россияне, так как нас объединяет общее ценностное ядро, общие представления о добре и зле, о человеке и обществе, об окружающем мире, о должном и недопустимом. Именно культура в её ценностном понимании является той главной скрепой, которая делает Россию единым государством-цивилизацией.

Но через культурные институции могут транслироваться и иные, чуждые нам идеалы. Тогда это будет не культура, а «антикультура». Никакая новизна и оригинальность формы не могут оправдать содержания, противоречащего нашим традиционным ценностям.

Культура оказывает мощнейшее влияние на демографические процессы, причём не только через прямую пропаганду семейных ценностей (или отсутствие таковой). Духовное благополучие, ощущение осмысленности бытия, внутренняя гармония — всё это способствует физическому здоровью и повышению рождаемости. И наоборот: кризис в духовной сфере, насаждение «антикультуры», отсутствие нравственных ориентиров провоцируют «социальные болезни» — алкоголизм, наркоманию,

рост разводов и самоубийств, отказ от деторождения и т.п.

Из сказанного вытекает необходимость ценностно ориентированной культурной политики. Впрочем, достаточно очевидно, что данная проблематика затрагивает не только отрасль культуры. Образование, наука (особенно историческая), межнациональные отношения, СМИ и информационное пространство — единая государственная культурно-образовательная политика должна охватывать все эти сферы. Её главным принципом должна стать недопустимость финансирования за счёт бюджета того, что противоречит нашим традиционным ценностям.

Следует отметить, что с задачами воспитания категорически не совместима внедрённая в России «Болонская» система образования. Дело не только в том, что ЕГЭ тренирует умение отвечать на частные вопросы вместо системного восприятия материала. Главное, что дети фактически не учат то, что не нужно им для поступления в вуз. Так называемый «воспитательный компонент» учебных программ по литературе, по истории, по обществознанию просто не работает, если ребёнку для поступления в вуз не нужны баллы ЕГЭ по этим предметам. Это вопиющая ситуация, и мудрее всего было бы, признав провал «Болонской системы», вернуться к классической российской структуре образования.

Нам обязательно напомнят, что в России существует запрет на установление какой-либо идеологии «в качестве государственной или обязательной» (статья 13 Конституции). Не будем здесь спорить, насколько разумно такое положение. Достаточно указать, что Конституция предусматривает возможность ограничения прав и свобод гражданина, если это необходимо для защиты нравственности (статья 55). Следовательно, общество вправе сформулировать органичные для него нравственные ориентиры и требовать воспитания новых поколений в духе соответствующих традиционных ценностей.

Свобода слова и плюрализм мнений — это, конечно, святое. Но неспособность отличить свои ценности от чужих — в масштабах общества это не плюрализм, а шизофрения.

Российская реальность весьма далека от идеала — с этим, пожалуй, согласны абсолютно все россияне. Как одновременно решать накопившийся клубок проблем, за какую нитку потянуть, чтобы процесс изменений пошёл в должном направлении?

Проведение отдельных реформ зависит исключительно от политической воли руководства страны и вполне может проводиться в режиме ручного управления. Собственно, так оно сейчас и происходит. Что характерно, при такой практике без личного указания президента шансы на решение любой проблемы невысоки. Но возможности президента небезграничны, да и наивно было бы исходить из веры во всеведение и непогрешимость одного человека. Проблема состоит в необходимости задействования творческого потенциала всего общества в целом, в масштабе страны и во всех социальных слоях.

Системным решением было бы достижение общественного консенсуса о будущем страны и об основных нравственных ориентирах её развития — что инициировало бы в обществе самовоспроизводящиеся процессы, не требующие непрерывного руководства «сверху». Грубо говоря, если каждый понимает, куда стремиться, и ощущает себя частью большого общего проекта, то он будет действовать на своём месте самостоятельно, принимая зависящие от него решения, делая то, что он должен и может сделать. Нечто похожее инициировали большевики в 1917 году, бросив в массы известные лозунги. Нечто похожее ощущали участники событий 2014 года в Крыму — когда каждый действовал на своём месте ради общей цели, не дожидаясь конкретных указаний.

Общественный консенсус вовсе не означает, что с ним будут согласны 100% избирателей. Всегда останутся 5–10% маргиналов, противопоставляющих себя большинству. (В данном случае, конечно, речь, прежде всего, об ориентированной на Запад либеральной тусовке.) Создание общего с ними «образа будущего» невозможно; следует просто констатировать несовместимость идеалов этой группы с жизненно важными для страны ценностями и двигаться дальше, не идя на компромиссы в принципиальных вопросах.

К сожалению, пока руководство страны пытается понравиться всем без исключения — и в результате им недовольны все. Люди с нормальной гражданской и социальной ответственностью просто не могут понять: зачем государство заигрывает с русофобским меньшинством, публично отказывающем России в праве на цивилизационную самобытность и на отстаивание собственных интересов.

Хочется верить, что высшее руководство всё же перестанет пытаться угодить «и нашим, и вашим». Тогда дело за малым: публично изложить те принципы и идеалы, которые определили бы образ России будущего. Технически это может быть оформлено в виде очередного (или внеочередного) Послания президента.

Дальнейшее развитие событий потребует проведения решительной кадровой политики с отсевом одних и продвижением других по принципу «свой — чужой».

В долгосрочном же плане построение «России будущего» — да и просто её выживание — будет зависеть от успеха культурно-образовательной политики, направленной на сохранение наших традиционных ценностей и воспитание в духе российской цивилизационной идентичности. Представляется, что решение данной задачи требует создания специального государственного органа, который координировал бы усилия соответствующих ведомств, осуществлял мониторинг и контроль (с правом принятия кадровых и организационных решений). Это и есть тот первый шаг, который должен быть сделан на пути к будущей России.

/ Владимир ЕЛИСТРАТОВ /

Об идеологии как словесной ловушке

Многие смысловые проблемы будут разрешены, если избавиться от «дурной синекдохи»

Хотелось бы начать с простой мысли: «идеология» и «образ будущего» — это, в сущности, синонимы. Потому что идеология и есть выстраивание этого самого будущего.

Еще более простая мысль: «образ будущего» и «образ прошлого» — зеркальные отражения друг друга. Можно по-разному трактовать символику двуглавого орла (который выступал в мировой культуре в сотнях вариантов), но помимо всего прочего это символ единения прошлого и будущего. При этом я уверен, что речь идёт именно о зеркальной модели, примерно как нумерация лет до Р. Х. и после. Как «Оля» и «Яло» из известного фильма-сказки. Людям издавна свойственно ближайшее будущее сопоставлять с недавним прошлым, а далёкое будущее («Прекрасное Далёко») с неким Золотым веком. Так сказать, с «Прекрасным Давно», когда жили всякие разные Ахиллесы, Муромцы, Яо и Шунь и прочие Зигфриды с Кухулинами, когда были не Арзамас и Гвадалахара, а славянский Китеж и ацтекский Ацтлан.

Поэтому «идеология», по сути, и есть «темпоральный» планетарный двуглавый орел (или, если угодно, римский двуликий Янус), точка пересечения зеркальных осей времени.

Мы всё чаще и увереннее вводим в оборот слово «идеология». Хорошо, пусть будет идеология. Хотя с лингвосемантической точки зрения это слово не очень удачно.

Когда мы говорим об идеологии, мы неизбежно впадаем в смысловую путаницу.

Дело в том, что, как хорошо известно, уже у древних греков слова «идея» и «логос» были чудовищно многозначными. «Логос» — причина, смысл, мысль, учение, слово, число и т.д. «Идея» — понятие, представление. А тут ещё сакраментальный «Эйдос», который Платон, например, резко противопоставлял «идее», а Аристотель отождествлял с формой. Плюс — тоже греческие: «тип» и «морфе» («форма»), икона («эйкон» = «изображение», «образ»).

Можно смело утверждать, что слова «типология», «морфология», «идеология», «иконология» и какое-нибудь «учение от образа» — это примерно одно и то же.

На разных этапах истории мы (и не только мы) очень «лихо» заимствовали греческие, а затем латинские и прочие другие корни и наскоро «монтировали» их в самые разные языковые сферы. К тому же в русском языке фантастически богатое словообразование. «Икона», к примеру, дала не только «иконографию» и «иконологию», но и «иконичность», «иконический», «аниконичность» и т.д., и т.п. В последние годы наука дошла и до «имагологии», «имиджелогии».

Слово «идеология» подарили миру французы в XVIII веке. Потом его подхватили Маркс и марксисты. А затем уже только ленивый не «полоскал это слово в своем семантическом корыте».

Получается так, что идеология стала плотно ассоциироваться с чем-то исключительно социально-политическим. Ну еще экономическим.

Можно, конечно, всячески идеализировать совершенно не идеологические по своей природе вещи, например, объявить русский борщ «мягкой силой», а Чебурашку — «идейной скрепой» нескольких поколений, т.е. Советского Союза и современной России. Можно искать и находить идеологию (социологию, политологию) во всём. Этим занимались, к примеру, многие русские (советские) литературоведы. Впоследствии эту литературоведческую школу назвали «вульгарной социологией». Что это значит? Грубо говоря: о чём бы ни писал Лев Толстой, он в конечном счёте выражал идеологию дворянства, и это — главное, что есть в творчестве «матёрого человечища». Россия, как всегда, в этом смысле шла впереди планеты всей: через несколько десятилетий те же мысли стал высказывать, например, Р. Барт. Но бог с ним, с Бартом.

Как уже было сказано, существует фундаментальная триада: идеология — образ будущего — образ прошлого. Так сказать, треугольник национального мышления, треугольник Русской Идеи.

В чём главная «беда» этого треугольника?

Условно я бы назвал эту «беду» *«дурной синекдохой»*.

Синекдоха, как все мы помним из школьной программы, — это когда называем часть, а подразумеваем целое. Часть вместо целого. Иногда и наоборот. Но нас интересует именно «подмена» целого частью.

Что касается идеологии, то тут как раз в массовом сознании и работает «дурная синекдоха» (≈ вульгарная идеология). Лев Толстой — это всё-таки далеко не только «идеология дворянства». Аналогично: сводить национальную идеологию только к экономико-социально-политическому «ядру-базису» и культурно-бытовой «периферии-надстройке» в функции некоей потенциальной «мягкой силы» нельзя. Карл Маркс нам тут очень сильно навредил. Думаю, основательно спутала нам карты и русская философия соловьёвско-бердяевского пошиба, которая базисом-ядром русской идеологии, вместо марксистского классово-экономического, сделала религиозный. В национальной идеологии не должно быть никаких жёстких ядер и туманных периферий, того, что «называется», и того, что «подразумевается» (синекдоха). Национальная идеология — это синтез всего, от экономических программ до любви к берёзкам. Массовая вдохновенная жарка шашлыка на дачах на выходных — это не менее значимый компонент национальной идеологии, чем внесение поправок в Конституцию.

Собственно говоря, советская идеология «прогорела» на дурной синекдохе коммунистического строительства. Часть вошла в кофликт с целым. И всё рухнуло. Произошло разжижение «ядра» (политика партии), и «периферия» «попрала ядро».

Такие же синекдохи, соответственно, опять же мешают нам создавать образы прошлого и будущего. Прошлое опять же «синекдохически раскалывается», и происходит раскол в обществе.

Спросите Г.А. Зюганова, что такое СССР?

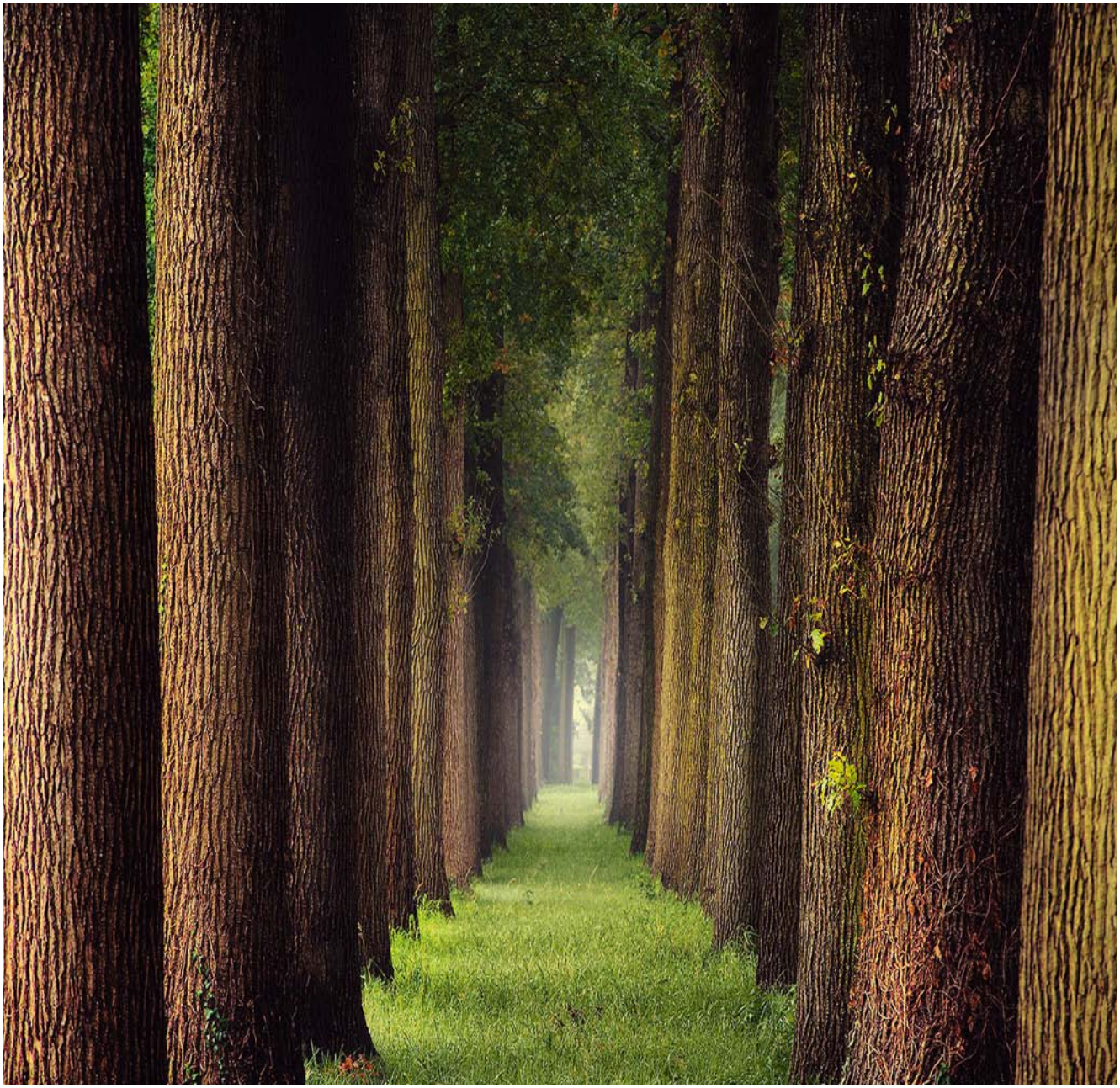
Он скажет: Гагарин, великие стройки коммунизма, победа в Великой Отечественной войне и т.д.

Спросите какого-нибудь либерального дядю или тётю (сейчас это нередко одно и то же) о том же самом, и он скажет: репрессии, культ личности, психушки, тоталитаризм, КГБ и далее по списку.

Чистейшая вульгарная синекдохическая шизофрения. А где же ромашки с шашлыками? Не говоря уже о кефире с зелёной крышкой.

Отсюда же и образ будущего. Мы мыслим будущее либо как светлую утопию (зеркальное отражение улыбки Гагарина), либо как мрачную зловещую антиутопию (зеркальное отражение репрессий и психушек). И опять никаких шашлыков с берёзками. Скучно без березок и ромашек.

Идея создания синтетического образа прошлого (к примеру, «замирения белых с красными», о чём, в частности, настойчиво говорит и пишет А.А. Проханов) в нашей нынешней идеологии ради создания синтетического образа будущего, мне кажется, ключевая идея. При этом самое губительное для выработки идеологии — это сведение её к любой синекдохе, будь то синекдоха политизации, экономическая или религиозная синекдоха. Сводить всё к шашлыку тоже не стоит. Но уверен, что в национальной идеологии нет компонентов «более важных и менее важных». Никаких дурных синекдох, шизофрении, базисов и надстроек.



/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Мистический классицизм – идеология XXI века

ВНОВЬ БОЛЬШОЙ ПРОЕКТ

В 1933 году о. Павел Флоренский изложил своё видение дальнейшего развития страны в работе «Предполагаемое государственное устройство в будущем». В ней он отвечает примерно на те же вопросы, которыми мы задаёмся сегодня, говорит о политическом строе, аппарате управления, образовании и воспитании, религии, сельском хозяйстве, промышленности, экономике, науке, медицине, внешней и внутренней политике. Работа по-прежнему остаётся весьма актуальной, и многое из предложенного Флоренским можно было бы взять теперь на вооружение. Но наиболее интересен ключевой принцип о. Павла, лежащий в основе всего его научного наследия и практической деятельности.

Согласно этому принципу, русская, да и мировая цивилизация в своём историческом развитии представляет собой чередование условного «Средневековья» и условного «Возрождения». Средневековье — тяга к духовному, к небу, культ духа, преобладание общего над частным, соборность, артельность, поиск и приумножение смыслов, творчество, аскетизм. Возрождение — тяга к наслаждению, культ земного и телесного, культ индивидуального, выпячивание своего «я», гедонизм, отрицание высоких смыслов.

По этой типологии Советская цивилизация была преимущественно средневековой. Но цивилизация, пришедшая ей на смену, пародийная попытка вписаться в западный постмодерн, даже не породила новой возрожденческой фазы. Маятник не просто качнулся в другую сторону, постмодерн не просто спорил с предшествующей эпохой, он её отменял, он делал из неё симулякр, фантом, чтобы новый возврат к Средневековью был невозможен. Последние тридцать пять мы живём в цивилизации, которую, продолжая логику Флоренского, можно назвать «барочной». Это искажение, подмена, кривое зеркало, морок, «жемчужина неправильной формы».

Коварство нынешнего барокко в том, что, сколько ни генерируй высокие смыслы, сколько ни свершай благих деяний, пока они соседствуют с бессмыслицей, пустотой, суетой, апатией, скепсисом, растлением, — всё бесполезно. Сколько ни вливай родниковой воды в болото, оно останется болотом. Барочная цивилизация говорит: «пусть будет традиционная семья, если она кому-то ещё нужна, но соседствовать она будет с однополыми браками; вам нужны высокие смыслы, ну тянитесь за ними, а иным у корыта хорошо; вы хотите развивать отечественное производство — развивайте, а закупать за рубежом дешевле; вы хотите национального лидера, но как хорош на его месте будет эффективный менеджер». Выбор между сладким ядом и горькой микстурой большинство делает в пользу первого, потому что сначала сладость и только потом погибель.

Нынешнее «Барокко» — это не просто эстетика, творческий метод, художественный принцип, это именно тип цивилизации — прежде небывалый, возникший в человечестве впервые, особенно претящий России. Россия, чтобы оставаться собой, должна жить в условном «Средневековье», всеми силами продлевать его в каждую историческую эпоху.

Но теперь от барочной цивилизации напрямую вернуться к средневековой невозможно, нужен некий промежуточный этап, фаза одоления барокко. Именно идеологию такой фазы и нужно сегодня сформировать, именно её мы должны успеть сформулировать на своём веку. Это не минимализм, это неминуемая, необходимая работа, которая определит не один век, это строительство моста над пропастью.

Нам предстоит осушить болото, поглощающее смыслы, нам предстоит выправить кривизну, излечить болезни, отделить зёрна от плевел, восстановить иерархию ценностей. На смену барокко должен прийти новый классицизм — цивилизация образца, собранности, мобилизованности. Смотришь на барочную картину — и глаза разбегаются, барочный сумбурный спектакль длится целый день, барочная музыка — какофония. Наступает классицизм и всё приводит в порядок: выстраивает композицию, сюжетную линию, выравнивает мелодический строй. Всё, что делает классицизм, прочно, долговечно. По «Грамматике» Ломоносова учились в гимназиях и университетах вплоть до начала XX века. Русская драма полтора столетия ориентировалась на классицистические принципы.

Цивилизация нового классицизма — это особое отношение ко времени, к истории. Сегодня мы не можем договориться об образцовой эпохе, об образцовом периоде. С опорой на какой образ прошлого мы строим образ будущего? Белые сшибаются с красными, петровская Россия — с допетровской, язычники — с христианами. Цивилизация классицизма не дробит историю на периоды, она выстраивает осевое время побед и прорывов.

Нет идеальный эпохи и правителей, но есть вдохновляющие деяния.

Цивилизация нового классицизма — это особое отношение к пространству, это империя. Различные формы наднациональной консолидации русского мира: географические, экономические, военные, культурные, языковые, религиозные. Это государство-цивилизация, границы которой шире политических границ.

Цивилизация классицизма — это особое отношение к государству. Не как к репрессивному или бюрократическому аппарату, а как к собирающей линзе. Государство — коллективная воля, сила, разум, душа. Классицизм не противопоставляет Родину и государство, он отождествляет их, не даёт в сознании каждого скукожиться Родине до деревеньки, хутора или улицы. Государство — постоянный генератор общего дела. Государство — гарант нашей интеллектуальной и творческой самодостаточности.

Классицизм выводит на первый план человека деятельностного, нравственного, последовательного, человека-творца. Этот человек воспринимает жизнь как время, отведённое для созидания, и при этом он жертвенен. Он не только аккумулирует знание, но и генерирует его, онтология для него выше гносеологии. Он звено, но он же и цепь: он скрепляет многое и многих, но и в нём многое сомкнулось, сошлось, сочеталось. Это антипод барочного человека, в котором всё рассыпалось, разомкнулось.

Реставрация классицизма как творческого метода уже была, на рубеже XIX–XX веков уже был художественный неоклассицизм? В чём же принципиальная особенность цивилизационного классицизма? Какой эпитет окажется рядом с классицизмом как идеологией? Русскому человеку будущего может стать тесно в сугубо рациональных, прагматичных рамках. Выверенная форма должна сочетаться с сакральным содержанием, цивилизационный классицизм мистичен. Мистика здесь понимается как тайна, горизонт познания, к которому стремятся и разум, и душа. Не будет мистики — впадём в позитивизм, который утверждает не только материализм, но и бесконечность прогресса. Цивилизация уже не раз заходила в позитивистский тупик, когда надеялась только на горизонтальное движение науки, отказывалась от вертикали религии и искусства. Человеку, и особенно русскому человеку, для постоянного движения необходима тайна, ощущение запредельного, неотмирного. В русском сознании наука, религия и творчество не противопоставлены, они не вытесняют друг друга. Русское сознание — это монастырь, в котором молятся, передают знание и рождают образы.

Мистическому классицизму нужен большой проект, который потянет за собой все сферы, который потребует усилий от каждого, который станет общим делом нескольких поколений, станет грядущим, что свершается сейчас. Таким проектом должен стать космос. Не только технический космос Гагарина и Королёва, не только философский космос Фёдорова, но и поэтический космос Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Хлебникова, но и молитвенный космос преподобного Иоанна Лествичника. Космос как тайна мироздания. Космос как День творения, в который были созданы небесные светила. За таким космосом потянутся наука, образование, искусство, производство. В такой космос нельзя будет взять с собой ничего лишнего, отягощающего, всё второстепенное на этом пути отпадёт. И мистический классицизм станет земной подготовкой к небесному пути.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЧЕЛОВЕК В ЕГО РАЗВИТИИ

Создание образа будущего России — одна из самых актуальных задач последних лет. Её пытаются решить общественные организации, интеллектуальные клубы, политические партии. Но в каждой из подобных попыток, как правило, образ будущего мыслится в отрыве от образа человека будущего. Он в представлениях интеллектуалов, видимо, должен возникнуть сам собой под влиянием грядущей экономики, политики, этики, производства, по принципу «будущее выстроено — поселим в нём людей». Но образ будущего и образ человека друг без друга невозможны, им предстоит взаимообусловить друг друга, иначе человек может оказаться в грядущем чужаком, а грядущее зайдёт в тупик без осознающих, что «будущее не придёт само, если не примем меры». Святые, говоря о Царствии Небесном, говорили и о преображении земной сущности человека. Строители «светлого будущего» прописывали моральный облик его насельников в кодексах, изображали нового человека на плакатах, в скульптуре, литературе и кино, этот новый человек нарождался в настоящем, но и оставался горизонтом, перспективой, вектором движения.

Примечательно, что все мы ведём речь не о проекте, матрице, алгоритме или модели, а именно об *образе* будущего. Само слово «образ» родственно глаголу «обрезати». Эта этимология свидетельствует о том, что образ возникает из действительности, когда от неё отсекается всё лишнее, второстепенное, когда происходит фокусировка на самом главном, на том, чему предстоит разрастись и приумножиться во времени. То есть образ — не фантазия, но прозрение грядущего в настоящем.

Образ неразрывно связан с жизнью, мотивирован ею, но одновременно это самое художественное понятие. Образ — замковый камень художественного мира, потому будущая реальность всегда возникала во многом благодаря творчеству. Не умаляя значения иных видов искусств, всё же нужно признать, что первостепенен для нас литературный образ. Как цивилизация мы возникли благодаря слову и по-прежнему остаёмся словоцентричны. Литература — хранительница культурных кодов, «общий язык» поколений. Русский человек благоговеет перед словом, не любит трепать его, не сводит его к средству коммуникации. Мы знаем цену молчанию. Мы сохранили незамутнённым богослужебный церковнославянский язык, обогатили им язык светский. Нам без перевода внятно то, что создано на нашем языке триста лет назад, мы единоязычны и единокнижны с десятками поколений наших пращуров. Всё, что противоречит этому, пока, благо, не норма.

Бытие литературы разворачивается в трёх сферах: собственно создание литературных произведений, рефлексия литературы (критика, литературоведение, философия литературы, при которой разговор о художественном произведении конгениален самому произведению, например, «Поэтика Достоевского» Бахтина) и преподавание литературы.

Как и всякое явление действительности, литература пребывает во времени, но это время не подчиняется ни физическим, ни историческим законам, у него особая хронология, особые отношения с прошлым, настоящим и будущим. Русская литература всегда действовала на опережение, не только фиксировала жизнь, но и обгоняла её, не литература становилась продолжением жизни, а жизнь — продолжением литературы. Жизнь продолжалась и в авторах, и в книгах, и в персонажах, и в словах. Отсюда гоголевское суждение о Пушкине:

«Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет».

Отсюда свидетельство поэта-фронтовика Бориса Слуцкого о роли «Василия Тёркина» во время войны: «В войну, когда во фронтовой печати начали появляться главы из “Василия Тёркина”, они сначала удивили своей непохожестью на жизнь. По мелочам, по деталям всё было увидено, подмечено, схвачено. Но жестокое и печальное начало войны не выглядело ни жестоким, ни печальным. В то же время “Василий Тёркин” от главы к главе выглядел всё талантливее, всё звонче. Он нравился солдатам — куда больше, чем любые другие стихи, и солдаты не требовали от него верности жизни. Дела на фронте быстро улучшались, армия становилась всё умелее. Пехота, для которой Василий Тёркин первых глав казался недостижимым идеалом, подтянулась, и, как ни одно из произведений военной поэзии, “Книга про бойца” способствовала этому подтягиванию. Тип солдата, казавшийся начисто выдуманным, всё чаще попадался на глаза и не скрывал своего литературного — от Василия Тёркина — происхождения».

Отсюда промыслительная незавершённость русской литературы. Русская литература — это не только написанное, но и недописанное и ненаписанное. Не только изданное, но и оставшееся в набросках, планах и замыслах. Сожжённые второй том «Мёртвых душ» Гоголя и продолжение «Они сражались за Родину» Шолохова, обретённая из черновиков «Счастливая Москва» Платонова, незавершённые «Вадим» Лермонтова, «Жизнь Клима Самгина» Горького, поэма «Рай» Юрия Кузнецова, замысленное Достоевским «Житие великого грешника». Всё это, оборванное авторской волей или авторской смертью, не кануло в Лету, а стало грибницей русской литературы, её ноосферным заделом. Пусть предшественники не дописали и не написали, но они отыскали литературные кристаллы, через которые последователям предстоит пропустить в грядущее лучи света.

ПРОДОЛЖАТЕЛИ БУДУЩЕГО

В идеале все три области бытия литературы — творчество, разговор о творчестве и преподавание — должны быть устремлены в будущее. Примером тому стала советская эпоха,

которая в литературном и образовательном процессе сумела осознать наследие минувшего как актуальное настоящее и нарождающееся будущее. Советская эпоха спаяла свою литературу с Пушкиным, Тургеневым, Некрасовым, Толстым не потому, что хотела видеть в них предвестников революции, а потому, что стремилась уподобить историческое время вечно стремящемуся вперёд литературному времени. Литература XVIII и XIX веков, вынесенная как икона из пожара, была одета в ризу XX века. Дворянская по своему происхождению, она стала достоянием каждого, культурным кодом каждого. Однажды услышанные в советской школе всю жизнь оставались с тобой «Я помню чудное мгновенье...»; «Сквозь туман кремнистый путь блестит...»; «Люблю грозу в начале мая...».

Советские Ломоносов и Державин, Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Фет — это довоплощённые, дораскрытые авторы с прежде неведомыми, неузрёнными смыслами. Человек «светлого будущего» оказывался в этом будущем рядом с классиками и не мыслил себя вне литературы, он был не любителем, а знатоком словесности, готовым к рассуждениям, к спору о ней. Отсюда критики и литературоведы оказывались важны не менее писателей. Разговор о поэзии становился поэзией, размышления о прозе — философскими эссе. В домашних библиотеках не только филологов, но и «рядовых» читателей можно было встретить книги Лихачёва, Аверинцева, Лотмана, Скатова, Кожинова, Бочарова, Непомнящего.

Отсюда величие советской литературы, осознание того, что ты продолжатель грандиозного будущего, затеянного твоими предшественниками ещё в ином веке, в иной империи. Отсюда соцреализм — не просто творческий метод, а учение — эстетическое, социальное, философское. Писатели — не просто служители муз, а «инженеры человеческих душ». Отсюда литература — дело державное, а Фадеев — «министр литературы». Не только советская литература зиждилась на великой традиции, но и литературное наследие подпитывалось советским величием. Это взаимоукрепление и рождало образ будущего и образ человека в нём.

Худший же вариант литературной онтологии тот, при котором все три её области обращены в прошлое. Это когда в прозе XXI века изображается деревня в духе Белова и Распутина. Это когда поэты продолжают бродить по исхоженным тропам Рубцова. Это когда критика сводится к пересказу сюжета, а литературоведение — к шаблонным анализам уровней текста. Преподавание литературы ограничивается историей литературы, отчего ученикам и студентам кажется, что она как явление завершилась, а современное слово живёт в блогах, постах и комментах.

Сегодня мы с трудом вытаскиваем литературу из подобного состояния. Для будущности литературы необходим новый тип героя. Он нарождается постепенно, не во всей полноте, проступают лишь некоторые его черты. Пока это герой настоящего, но не герой будущего. Рождение героя происходит так тяжело из-за постмодернизма, который, уничтожив в литературе многое, убил в том числе и героя, причём не как воплощённый социальный тип, не как индивидуальную авторскую находку, а как литературную категорию. Убил того, кто движет сюжет, становится носителем языка и «мысли великой», является сгустком времени. Но век постмодернизма, отменившего прошлое, настоящее и будущее, уже не долог. Окончательно сойдя «на нет», он откроет дорогу герою будущего, а значит, человеку будущего.

Пока же необходимо пристально высматривать в нынешних литературных героях черты грядущего. Необходимо вернуться к вдумчивому разговору о литературе как к разговору о жизни. Необходима интерпретация литературы и даже интерпретация интерпретаций. Нужен «эффект Тёркина»: такого в жизни нет, но я хочу, чтобы он появился.

Необходимо особое преподавание литературы как грядущего, которое свершается сейчас. Необходим живой диалог учителя и ученика, не дидактика по чужому конспекту урока, а столкновение или слияние читательских восприятий. Необходим возврат к чтению как к проживанию иных жизней.

Преобразование или преображение — это одновременно и создание, и воплощение, и перемена образа. Не случайно Томас Манн называл европейские литературы «великими», а русскую литературу «святой». Думается, он, иностранец, ощутил её преобразовательный потенциал, её способность к образотворчеству там, где иные пытаются изменить мир «железом лишь и кровью». Русская литература духоносна. В ней живёт тот дух, который пробудил Адама, который парил над водами Иордана, который сошёл на апостолов и сделал их всеязыкими. Потому русская литература угодна. Богу. Он доверяет ей будущее.

Александр ПРОХАНОВ. Вопрос в лоб. Беседы разных лет. —
М.: Наше Завтра, 2021. — 650 с.

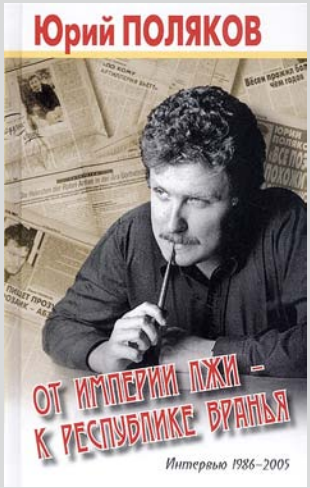
Новая книга Александра Проханова — это собрание бесед с видными акторами современного русского общества. Соратники и оппоненты, властители дум и герои скандальной хроники, священники и художники. Алфёров и Конюхов, Навальный и Кадыров, Чубайс и Рогозин, Собчак и Лаэртский и многие другие открывают свои взгляды в диалоге с писателем, главой газеты «Завтра», председателем Изборского клуба.

Юрий ПОЛЯКОВ. Мысли на ветер. Афоризмы, цитаты, записные книжки. —
М.: Аргументы недели, 2020. — 384 с.

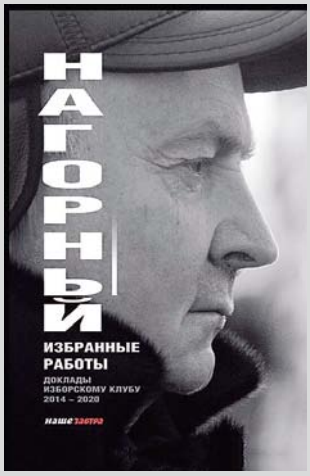
Книга представляет собой наиболее полное на сегодняшний день собрание афоризмов, фраз и метких выражений, извлечённых из прозы, стихов, пьес, публицистики, интервью и записных книжек известного российского писателя, драматурга и общественного деятеля Юрия Полякова.

Юрий ПОЛЯКОВ. От империи лжи — к республике вранья. Интервью 1986–2005. —
М.: Аргументы недели, 2020. – 656 с.
Юрий ПОЛЯКОВ. Бездержавье. Интервью 2006–2013. —
М.: Аргументы недели, 2020. – 672 с.
Юрий ПОЛЯКОВ. В зоне риска. Интервью 2014–2020. —
М.: Аргументы недели, 2020. – 688 с.

Собрав воедино интервью, охватывающие период с 1986 по 2020 год, Юрий Поляков предлагает читателям своего рода «невольный дневник», наполненный множеством мыслей, подробностей и деталей, помогающих понять «рок событий», а также внутреннюю эволюцию автора. Так уж повелось, что настоящий писатель в России традиционно вовлечён в политику и общественную жизнь, поэтому проблемы, затронутые в интервью, выходят далеко за рамки литературы. Блестяще владея словом, превращая каждое интервью в остросюжетный диалог, он борется за торжество в жизни здравого смысла, за то, чтобы «вернуть нации самоуважение». Конечно, публицистика Юрия Полякова вызывает много споров, но в своих книгах он всегда искренен. Его взгляды, оценки, прогнозы уточняются, развиваются, иногда пересматриваются, но никогда не зависят от конъюнктуры «либеральной жандармерии» и кремлёвских сквозняков.



Александр НАГОРНЫЙ. Избранные работы. Доклады Изборскому клубу 2014–2020. —
М.: Наше Завтра, 2021. — 422 с.



В этой книге, посвящённой памяти российского политолога Александра Алексеевича Нагорного (6 декабря 1947 г. — 16 апреля 2020 г.), собраны его доклады Изборскому клубу за период 2014–2020 годов, формирующие целостное, концептуальное видение и осмысление тех проблем, которые стоят в настоящее время и перед Россией, и перед государствами «постсоветского пространства», и перед всем человечеством в целом.

Александр Нагорный был одним из главных учредителей Изборского клуба, заместителем его председателя. Также много лет он работал заместителем главного редактора газеты «Завтра». По выражению Александра Проханова, Нагорный умел в своих работах «соединять технократа, глубинного аналитика, гуманитария, футуролога и мечтателя».

В сборнике представлены работы по таким блокам тем, как гибридная «четвёртая мировая» война, историческое наследие XX века, в первую очередь СССР и соцлагеря, перспективы формирования многополярного мира в XXI веке и др.

Сергей ГЛАЗЬЕВ. За горизонтом конца истории. —
М.: Проспект, 2021. — 416 с.

В монографии автор, основываясь на научной теории смены технологических и мирохозяйственных укладов, ритм которых определял глобальное экономическое развитие последние полтысячелетия, прогнозирует скорое завершение мирового кризиса и становление интегрального мирохозяйственного уклада. Ядро этого уклада уже сформировалось в КНР и других странах Юго-Восточной Азии. Сочетая социалистическую идеологию, рыночную экономику, подчинение экономической политики национальным интересам, эти страны демонстрируют опережающий рост на волне подъёма нового технологического уклада. Хотя США и их сателлиты по НАТО пытаются удержать свою гегемонию путём развязывания мировой гибридной войны, они обречены на поражение в силу на порядок более эффективной системы управления развитием экономики в странах нового мирохозяйственного уклада. Нет ясности только в будущем положении России.

Владимир МОЖЕГОВ. Мировая гражданская война. —
М.: Родина, 2021. – 224 с.

Владимир Можегов — популярный публицист, писатель, футуролог, один из ведущих экспертов Изборского клуба. В своей новой книге он показывает, как рушится устоявшийся мировой порядок. В мире начинается война «всех против всех», говорит Можегов, а в США она уже разгорелась. Расовые волнения, выступления мигрантов, борьба неолибералов, ультралевых и прочих влиятельных политических группировок против правительства, сепаратистские настроения — всё это набирает силу, и в ближайшее время «новая гражданская война» вспыхнет уже в мировом масштабе.

В книге Можегова, как пишет в рецензии на нее Виталий Аверьянов, дана «своего рода теория мутации западного мира, его захвата изнутри подрывным лево-либеральным течением, которое он неполиткорректно определяет как секту». Здесь даны ясные ответы на вопросы, кто и зачем, стремясь к глобальному господству, развязал уже идущую гибридную мировую войну.

Книга ценна ещё тем, что в ней приводится большое количество фактического материала из американских источников, благодаря автору впервые доступных российскому читателю.

Хронология мероприятий клуба

Работа скульптора Алексея Чиркова «Посвящение в воины», созданная в честь 800-летия со дня рождения святого князя Александра Невского.

23 февраля 2021 года

Общероссийское общественное движение «Русский мир» совместно с Изборским клубом провело на базе исторического парка «Россия — моя история» на ВДНХ конференцию **«Александр Невский — Защитник Отечества сквозь века»**, посвящённую 800-летию святого благоверного великого князя. В мероприятии приняли участие филиалы исторического парка «Россия — моя история» европейской части России и участники из 26 региональных отделений движения «Русский мир», члены и эксперты Изборского клуба. Избранные материалы дискуссии см. в настоящем номере.

Февраль–март 2021 года

Изборский клуб провёл цикл круглых столов по теме **«Интегральная идеология России. Положительный образ будущего»**. Мероприятия проходили на нескольких площадках: в офисах Изборского клуба на Ильинке и на Фрунзенской набережной, а также в Евразийской экономической комиссии. В сессиях идеологического проектирования приняли участие большинство постоянных членов клуба, многие эксперты клуба. Материалы и первые итоги обсуждения, а также работы других экспертов, созданные на полях проведённой дискуссии, выходят впоследствии в виде авторских статей в газете «Завтра». Значительную часть этих материалов вы можете видеть в настоящем номере журнала «Изборский клуб» (в рубрике «Идеология»). Главным же итогом этой работы должен стать Изборский доклад по идеологии и образу будущего страны, который также будет представлен на страницах нашего журнала.

2 марта 2021 года

В Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва прошёл круглый стол по теме **«Традиционные российские духовно-нравственные ценности в понятийном аппарате государственной культурной политики»**. От лица Изборского клуба в нём приняли участие заместитель председателя **Виталий Аверьянов**, постоянный член **Вардан Багдасарян**, ведущий эксперт **Сергей Баранов**. Они представили аргументированные, в том числе полемические, позиции, направленные на дальнейшее закрепление традиционных ценностей в правовой и административной системах России.

16 марта 2021 года

Названы лауреаты национальной премии «Лучшие книги и издательства года — 2020», среди которых члены Изборского клуба: **Юрий Поляков** за книгу «В зоне риска. Интервью 2014–2020», ИД «Аргументы недели»; **Захар Прилепин** за книгу «Ополченский романс», издательство АСТ; **Владимир Большаков** за книгу «Преступление и покаяние. Судьба русской цивилизации», издательство «Достоинство».

27 марта 2021 года

Прибалтийское отделение Изборского клуба провело международную видеоконференцию, посвящённую проблемам идентификации современных проявлений фашизма в Европе. Отправным документом для дискуссии послужила недавно вышедшая в издательстве «Книжный мир» книга **Александра Гапоненко** «Европейский фашизм: проблемы идентификации и преодоления». В своей работе автор предложил рассматривать фашизм как разновидность способа национального строительства, основанную на господстве одного этноса над другими, характеризующуюся экономической дискриминацией и социальным подавлением, ведущую к делению общества на высшие и низшие «расы».

В дискуссии участвовали исследователи из России (В. Винокуров, Н. Межевич, С. Смагин, С. Пантееев, А. Стариков), Латвии (М. Родин, В. Гущин), Сербии (Д. Трифович), Литвы (В. Иванов).

/ Василий ПОПОВ /

«Нам совесть выпала в награду…»

* * *

Слышу гул, как будто ветер сильный,
За окном пустая болтовня…
Всё шумит, шумит моя Россия,
Серебром и золотом звеня.

По земле поплыли пароходы,
Берегов не чувствует река.
Для хорошей, праздничной погоды
Расстреляли в небе облака.

Блики, стёкла, звёздная реклама,
Витражи, витрины, зеркала.
Всё блестит кругом, а света мало,
Всё горит огнём, но нет тепла.

Эй, ребята, запевайте песню!
Надоело слушать дураков.
Каблуком четыре раза тресну
И пойду плясать без каблуков.

Помоги мне, русская гармошка,
Что нам их заморский дивиденд.
С нашею смекалкой даже ложка
Тоже музыкальный инструмент.

Многое от нас уже уплыло,
Многое земля себе взяла.
Пой, душа, ведь ты не позабыла
Родину, которая была.

* * *

Я знаю, времени останется глоток
Запить прощальные земные мысли,
Когда Господь отрежет мне кусок
От испечённого Им хлеба жизни.

Вдохну, как цвет, шафрановую даль,
Пойду, как день на небе солнце ловит.
В горах звенит серебряный хрусталь,
Закат вино мне красное готовит.

ОБ АВТОРЕ

ПОПОВ Василий Николаевич
Родился в 1983 году в городе Ангарске Иркутской области. Окончил Литературный институт им. Горького. Лауреат Губернаторской премии в области культуры и искусства (г. Иркутск), обладатель Гран-при Международного литературного форума «Золотой Витязь», лауреат премии им. И. А. Бунина и др. Автор пяти сборников стихотворений. Стихи переводились на китайский, болгарский, вьетнамский и английский языки. Впервые в России перевёл знаменитую поэму «Вьетнамского Пушкина» Нгуен Зу «КИЕУ. Стенания истерзанной души» на русский язык в полном объёме (3254 строки). Секретарь Союза писателей России.

* * *

Мы люди света, мы добро,
Мы созидать хотим и строить.
Мы соль земли, мы серебро,
Мы не допустим лжи и крови.
Здесь наши дети и поля,
Судьба, дорога за плечами.
Всё это Русская земля —
Её нам предки завещали.
Мы жить хотим, а не ругать,
Нам совесть выпала в награду.
Нас не сломить, не запугать,
Мы есть народ и мы за правду.

* * *

Край наш богат лесами,
Реками да озёрами.
Избы под парусами
Выкрашены узорами.

Утром плывут по полю
В белом тумане лошади.
Здесь про земную долю
Песни поют хорошие.

В каждой семье порядок,
Свой огород с картошкою,
Десять капустных грядок,
Свёкла, морковь дорожками.

Если на синем небе
Дождь засверкает стрелами —
Храм на горе, как лебедь,
Крыльями машет белыми.

* * *

А снегу, снегу намело
До самых окон.
В избе просторно и тепло,
И кот под боком.

На печке варежки лежат,
Унты и шапка.
По потолку, огнём дрожа,
Бежит лошадка.

А где-то в небе далеко
Луна, как перстень.
А в доме пахнет молоком
И мокрой шерстью.

Мороз наплавил на стекло
Свои узоры.
И всё беседы за столом
Да разговоры.

Зима лютует, точит меч,
Куёт доспехи.
И щёлкает старуха-печь
Во рту орехи.

* * *

Расцвела под окнами сирень,
Полетел на двор медовый запах.
Как медведи — избы деревень
Память сжали в деревянных лапах.

Обнялись забор и огород
И пошли по полю до обрыва.
Сколько было пройдено дорог —
Всё трава зелёная укрыла.

Спи, деревня, спи, не умирай.
День придёт, и я приду — открою
И амбар твой низкий, и сарай,
И глаза, забитые доскою.

И увидишь ты, как мир хорош,
И услышишь ты звучанье мира,
Но, очнувшись вдруг, ты не поймёшь,
Что же это, что же это было.

* * *

Россия. Родина. Рябина.
Опять кровавый след зари.
И снова в бой родного сына
Мать провожает у двери.

Горят огни, летят снаряды
Через поля, через века.
И снова русские солдаты
Идут, как в небе облака.

О горе, горе — кровь да слезы,
Планеты выстроились в ряд.
Как спички, вспыхивают звёзды,
Как сны, галактики горят.

Но слышу голос я: «Сыночек,
Это последняя война.
Я жду тебя все дни и ночи
С крестом у нашего окна».

* * *

Лепесток огня, оклад старинный,
Богородица и три луча.
Уронила ягодку рябины
На ладонь мне красная свеча.

Горькая, я знаю, будет доля,
Бог решил меня так наказать.
Слишком много я себе позволил
В этой жизни грешного узнать.

Как же ярко светят в небе звёзды,
И какая в мире благодать!
Хорошо, что в доме мои слёзы
Никому из близких не видать…

Вот уже и свет, как белый аист,
В клюве держит алую зарю.
Господи, прости меня, я каюсь
И за всё Тебя благодарю.

* * *

Тихо месяц в небе светит,
Снег за окнами идёт.
Наряжают ёлку дети
Вечером, под Новый год.

Кто повесит красный шарик,
Кто — серебряный рожок,
А на веточке фонарик
Светлячок уже зажёг.

И лошадка вдаль несётся,
Колокольчиков игра,
Словно речка в поле вьётся
Голубая мишура.

На гармошке кот играет —
Зайчик пляшет и поёт.
Белым облаком летает
С медвежонком самолёт.

А на самую верхушку,
Там, где ангелы трубят,
Взял хрустальную игрушку
Самый младший из ребят.

И несёт её счастливый,
Никому не отдаёт.
Тянет, тянет, что есть силы,
Но до звёзд не достаёт…

Тихо месяц в небе светит,
Снег за окнами идёт.
Наряжают ёлку дети
Вечером, под Новый год.

МОЛИТВА

Господи, помилуй и прости,
Душу в теле помоги спасти.

Речь мою отчисть от шелухи,
Давят камнем все мои грехи.

Господи, помилуй и прости,
Каждому дано свой крест нести.

Господи, я крест не удержал,
На дорогу пыльную упал.

Впереди Голгофа и копьё,
Счастье светит впереди моё.

Я лежу и не могу поднять,
Господи, не оставляй меня.

МЫ (XXI ВЕК). ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ТРИЛОГИИ

Мы помним победы лихие,
Ведём поражениям счёт.
Казак — это воля стихии,
Казак — это долг и почёт.

И наше оружие — слово,
И наше оружие — свет.
А если потребуют снова —
За нами пойдёт даже снег.

Сегодня мы в танках воскресли
И на самолётах летим —
Мы этих лошадок железных
В живых лошадей превратим!

Мы делимся с братьями хлебом,
Мы новую жизнь обрели.
А завтра мы в звёздное небо
Отправим свои корабли.

Мы первыми были на юге,
Мы первыми шли на восток.
Мы самые смелые люди,
Мы в горле у чёрта комок.

И шашки всегда с нами рядом,
Традициям предков верны.
Мы воины Божьего града —
Великой державы сыны!

* * *

Пусть в голове разбросанные мысли
И не сложилось что-то – ну и пусть,
Но даже в небе звёзды, что повисли,
Переживают мировую грусть.

Не всё понятно. Ну и что ж, не надо
Искать того, что может погубить.
Услышать небо — вот она отрада,
Ещё отрадней землю полюбить.

* * *

Нет времени на склоки и презрения,
Нет времени на злость и пустоту.
Ведь жизнь моя — всего одно мгновение,
Мгновение увидеть красоту.

Не надо лжи, не надо оскорбления,
Не надо жить у мрачности в плену.
Ты помнишь, как сияло поколение,
Которое закончило войну?

Я буду жить, как ласточка весенняя,
Я буду жить, как облако вдали!
Всего-то надо малость для спасения,
Чтоб лютики в душе твоей цвели.

* * *

Молчаливые поля,
Горы спят, как дети.
Всё ты слышала, Земля,
И всему свидетель.

Сколько времени прошло,
Сколько пережито.
У Архангела крыло
В битвах перебито.

Вот и я теперь иду
По дороге к храму.
Свет небес на грудь кладу —
Заживляю рану.

Ведь останется всегда
Только правда эта —
Вифлеемская Звезда
Да полоска света.

* * *

Как мудро и просто устроена жизнь,
И всё мне понятно и ясно.
Листва на деревьях от ветра дрожит,
И солнце горит не напрасно.

Ты мне говоришь, что проходят года,
И веришь в разлуку сердечно.
А я говорю: никогда, никогда
Ничто не исчезнет навечно.

По небу летят высоко облака,
И птицы летают высоко.
И так же река на земле глубока,
И рыба гуляет глубоко.

А если и вправду исчезнет земля,
И солнце над миром погаснет,
То прежде вернется пророк Илия
И всех позовёт нас на праздник.

* * *

Я уйду, не закрывая двери,
С тишиной мерцающей воды.
И вернусь, когда проснутся звери
От лучей неистовой звезды.

Я вернусь… и каждый, понимая,
Рассказал бы вам о жизни той:
У цветов пленительного мая
Нет любви взаимной и простой.

Я вернусь, конечно, добродушно,
И с врагом мы песню запоём.
Ожиданье — вот что людям нужно.
Подождём, немного подождём…

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3